

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

9

1990

Татьяна Александровна Фролова — член Пензенского областного суда. На таких, как она, сегодня лежит ответственность за судьбу судебно-правовой реформы.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР
И СОЮЗА ЮРИСТОВ СССР

№ 9 (237) СЕНТЯБРЬ 1990. ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

В НОМЕРЕ

3

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

- В кошелек пенсионера...**
На вопросы читателей отвечает кандидат юридических наук М. ПОЛУПАНОВ 3
- В. КОВАЛЕВ. Город и самоуправление** 11
- Комментирует пресс-центр МВД СССР** 15

18

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- Н. ВАРЛАМОВА. Возвращение Указа, или В поисках «новой ступеньки»** 18
- Свидетель — телефон? Каким быть уголовному процессу? «Круглый стол»** 24
- А. ТРУСОВ. Уголовная юстиция. Какой ей быть в правовом социалистическом государстве** 36
- РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ** 46, 69
- ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ**
- М. ТИМОФЕЕВ. Альтернативная служба** 47

49

- СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК**
- В. КАЛИТА. Свои — такие чужие** 49

61

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

- НА КОЛЕСАХ И ПЕШКОМ**
Г. КРУГЛОВ. «Безопасный» автомобиль 61
- КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ?** 63
- АЗБУКА ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ** 64
- ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ** 66, 128
- СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА**
- В. СЛАВИН. Трудное решение** 67
- ОТ «А» ДО «Я»**
- Цена иска** 70
- РЕКЛАМА. ОБЪЯВЛЕНИЯ. ИНФОРМАЦИЯ** 72
- НАША АНКЕТА** 73

75

ПРЕСТУПНОСТЬ: ОРГАНИЗАТОРЫ И ИСПОЛНИТЕЛИ

А. ГУРОВ, начальник Управления по борьбе с организованной преступностью МВД СССР. Криминальный профессионализм

75

86

СОБЕСЕДНИК

М. ХАЗИН. Размах малосердия

86

Л. ГРИШИНА. Суд да дело. Записки народного заседателя

90

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «ЧиЗ»
А. РОЗЕНБЕРГ. Иск н... об-
ному КПСС

96

П. МОРГУНОВ. Полицей-
ский из Милана

98

101

В. ПОВОЛЯЕВ. Бой в киш-
шлаке. Повесть

101

123

ФЕЛЬЕТОН
А. УХВАТОВ. Беспризорный
«Узор»

123

126

КРОССВОРД
Знаете ли вы право?

126

На первой странице обложки. Будущие правоведы — студенты юридического факультета МГУ О. Кондратенко, О. Рожко и А. Рыженков.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Главный редактор В. М. СИРЕНКО

Редакционная коллегия:

В. А. АБОЛЕНЦЕВ,
Г. К. БОЛЬШАКОВА (заместитель главного редактора),
В. Н. ЖБАНКОВ, В. А. ЖУРАВЛЕВ (ответственный секретарь),
И. В. ИЛЬИН, В. Д. ПОВОЛЯЕВ,
И. С. САМОЩЕНКО, П. И. СЕДУГИН,
Ю. С. СЕМЕНОВ, Е. В. СМЕРНОВА,
А. Я. СУХАРЕВ, А. А. ТРЕБКОВ,
А. М. ФИЛАТОВ, И. Ф. ШИЛОВ.

Технический редактор Л. С. АЛЕКСЕЕВА
Фото в номере В. С. ЗИМИНА

ПЕРЕСТРОЙКА:

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

В КОШЕЛЕК ПЕНСИОНЕРА...

15 июня 1990 года завершила свою работу третья сессия Верховного Совета СССР. Это была рекордная по числу рассмотренных законопроектов сессия. За четыре месяца народными депутатами СССР были приняты 33 закона. В их числе и такие, без увеличения долгожданные законы, как «О пенсионном обеспечении граждан в СССР» и «О пенсионном обеспечении военнослужащих», которые уже с 1 октября 1990 года начинают поэтапно вводиться в действие.

Нет нужды рассказывать, что за ходом подготовки пенсионных законов пристально следили десятки миллионов советских людей. Следили заинтересованно, порой пристрастно. Свыше шестисот тысяч личных и коллективных предложений по совершенствованию тех или иных позиций законов направлено ими в различные центральные инстанции. И пусть не все предложения восприняты законодателем, пусть результаты голосования по отдельным пунктам кого-то обрадовали, кого-то огорчили, законы эти с полным основанием можно считать итогом работы всего нашего общества, всего советского народа.

Возможно, в законах еще остались недоработки. Возможно, в будущем что-то в них придется уточнять. Но сегодня с их принятием заложены основы новой пенсионной системы в СССР.

Так что же новые законы дадут конкретно каждому из нас? Этот вопрос в той или иной форме содержится во многих письмах, адресованных в наш журнал. В ближайших номерах редакция предполагает опубликовать ряд материалов, содержащих подробные разъяснения основных положений пенсионных законов.

Мы постараемся, чтобы каждый наш читатель смог найти ответ на любой вопрос по пенсионному обеспечению. Сегодня — выпуск первый.

На вопросы читателей отвечает один из членов рабочей группы объединенной депутатской Комиссии, работавшей над проектом закона «О пенсионном обеспечении граждан в СССР», кандидат юридических наук Михаил Иванович Полупанов.

«Всем бюро ломаем голову над вопросом, когда вступают в действие те или иные положения нового пенсионного законодательства. Где-то указан январь 1991 года, где-то — январь 1992 года, а что-то, говорят, будет вводиться и в 1993 году. Можно ли узнать поподробнее».

Р. СКЛЯРЕВСКАЯ, инженер-конструктор

«Во втором абзаце статьи 24 нового пенсионного закона говорится о порядке выплаты пенсий «другим» работающим пенсионерам по возрасту при условии заключения срочного трудового договора. От работающих на заводе пенсионеров этой категории поступают вопросы о времени введения в действие названной статьи. Отделы социального обеспечения называют то 1 января 1991 года, то 1 января 1992 года. Убедительно просим дать разъяснения».

В. РЕВИГИН, начальник отдела кадров

Постановлением Верховного Совета СССР о порядке введения в действие закона о пенсионном обеспечении граждан установлено, что для участников войны все положения нового закона начнут действовать уже с 1 октября нынешнего года. Для всех остальных граждан его основные положения войдут в силу с 1 января 1991 года. Это относится и к упомянутой в одном из писем статье 24, устанавливающей новый порядок выплаты пенсий работающим пенсионерам.

Что касается исчисления новых размеров пенсий, то соответствующие нормы будут вводиться в действие поэтапно: с 1 января 1991 года — те, которые касаются минимальных пенсий, а также пенсий социальных, по инвалидности с детства, вследствие ранения, контузии или увечья, связанных с боевыми действиями в период Великой Отечественной войны либо их последствиями, пенсии детям — круглым сиротам, матерям, имеющим детей-инвалидов с детства I и II групп, участникам ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. С этой же даты будут повышены на гарантированную сумму от 5 до 40 рублей (в зависимости от продолжительности пребывания человека на пенсии) ранее назначенные пенсии.

С 1 января 1992 года вступят в действие те положения закона, которые касаются исчисления новых и перерасчета ранее назначенных оставшихся пенсий с выплатой их до 160 рублей включительно.

С 1 июля 1993 года закон будет действовать в полном объеме без всяких ограничений.

Важно подчеркнуть, что при этом и до 1 июля 1993 года пенсии во всех случаях будут выплачиваться в размерах не ниже установленных законодательством, действовавшим до принятия нового закона. Попутно замечу, что закон о пенсионном обеспечении военнослужащих вступит в силу в полном объеме с 1 января 1991 года, а применительно к участникам войны и семьям погибших военнослужащих он, так же как и «гражданский» закон, начнет применяться с 1 октября нынешнего года.

«Я подсчитал, что по новому закону кто-то будет получать пенсию по старости больше пятисот рублей. Причем не Президент страны, которому Верховный Совет СССР определил пенсию в сумме полторы тысячи, не маршал, не министр, а любой, нашедший способ заколачивать большие деньги. Неужели можно всерьез рассчитывать, что государство выдержит такую нагрузку?»

Н. СИНИЦЫН, пенсионер

Здесь все не так просто, как может показаться на первый взгляд. Действительно, по новому закону пенсия по старости может достигать при ныне установленном минимуме заработной платы величины порядка 543 рублей. И здесь, вы правы, не имеет значения —

министр, маршал или работник кооперативного предприятия. Однако надо иметь в виду, что такая возможность предоставлена далеко не всем «заколачивающим большие деньги», а только тем, кто трудится в местностях, где к заработной плате установлены районные коэффициенты не ниже 1,5. Такие коэффициенты, как все понимают, устанавливаются не от легкой и не от хорошей жизни. Поэтому соответствующее преимущество в пенсионном обеспечении работников указанных местностей вряд ли кто будет рассматривать как социальную несправедливость.

Что же касается всех остальных трудящихся, то у них при сегодняшнем минимуме зарплаты пенсия может быть не более чем 362 рубля 50 коп. Конечно, это тоже не нынешние 132 рубля максимальной по общим меркам пенсии. Но в том-то как раз и заслуга нового пенсионного законодательства, что оно позволяет уйти от общей уравнительности обеспечения человека в старости и стремится возродить нормальный принцип — кто больше зарабатывает, тот и лучше живет. Но это во-первых.

А во-вторых, нельзя забывать, что для получения таких пенсий работникам необходимо иметь длительный общий стаж: мужчинам — не менее 45, а женщинам — не менее 40 лет. И зарабатывать ежемесячно в течение пяти лет, избранных для определения среднего заработка при уходе на пенсию, семьсот рублей и более. Думается, что таких людей у нас много пока не наберется. Но в принципе, повторяюсь, по труду и честь.

Что касается вопроса о том, откуда государство возьмет средства на выплату пенсий, то ответ на него можно получить в статье 8 Закона. Согласно этой статье, в СССР впервые создается пенсионный фонд, который является самостоятельной финансово-банковской системой, не входит в состав Государственного бюджета СССР и формируется за счет средств, отчисляемых предприятиями и организациями на цели социального страхования; страховых взносов лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью; обязательных страховых взносов граждан; а также средств Государственного бюджета СССР. Напомню, что пунктом 8 Постановления Верховного Совета СССР о порядке введения пенсионного закона в действие тарифы взносов предприятий и организаций на социальное страхование повышены до 37 процентов, а для граждан установлены в размере 1 процента заработной платы. Вывод, таким образом, мы можем сделать только один — для того чтобы новый закон мог жить, всем необходимо хорошо работать. И предприятиям, и каждому из нас. Ибо распределить можно только то, что произведено.

И последнее. Нельзя в законе обращать внимание только на крайние его полюсы. Сейчас почему-то много, очень много пишут либо о максимально возможных для кого-то, либо минимальных пенсиях. Естественно, что здесь дистанция довольно большая, кому-то это кажется справедливым, кому-то нет. А вот если взять людей с обычным заработком, то картина получается совсем другая. Например, при заработке 250—300 рублей. Раньше для всех тут был один общий предел — 120, а с надбавкой за длительный непрерывный стаж — 132 рубля. Теперь же при заработке 300 рублей человек, отработавший только положенные 25 (женщины — 20) лет будет получать (без надбавок) 163 рубля 35 коп. Тот, кто отработал 35 (30) лет, — 193 рубля 05 коп. А тот, кто выработал максимальный учитываемый законом стаж, будет получать 222 рубля 75 коп. Это уже, как говорят в Одессе, две большие разницы.

«Нельзя ли подробнее разъяснить, из какого же заработка конкретно будут по новому закону исчисляться пенсии. А то названы какие-то минимумы, проценты, коэффициенты. Простому человеку ни в жизнь не разобраться».

Л. СМОЛИН, бухгалтер

На самом деле вопрос этот не так сложен. Прежде всего необходимо иметь в виду, что новый закон с 1 января 1992 года отменяет ныне существующее правило, согласно которому у рабочих и служащих пенсии могли исчисляться из среднемесячного заработка либо за 12 последних месяцев работы, либо за любые пять лет подряд из последних десяти лет перед обращением за пенсией. Теперь всем трудящимся для исчисления пенсии берется среднемесячный заработок за любые пять лет подряд (по выбору обратившегося за пенсией) из последних пятнадцати лет работы перед обращением за пенсией (статьи 77, 79 Закона).

По общему правилу в заработок для исчисления пенсий включаются все виды оплаты труда, на которые по действующим правилам начисляются страховые взносы, кроме выплат единовременного характера, не обусловленных действующей системой оплаты труда (компенсация за неиспользованный отпуск, выходное пособие и т. п.). В отличие от ранее действовавшего порядка, не предусматривавшего за некоторыми исключениями возможности включения в средний заработок оплаты труда за работу по совместительству, теперь эта оплата в заработок для начисления пенсии включается при условии, что вместе с заработком по основной работе она не превышает четырехкратного размера минимальной заработной платы с применением к ней в соответствующих случаях установленных районных коэффициентов. Колхозникам в заработок для исчисления пенсии берется оплата за работу в общественном хозяйстве во всех ее видах (статьи 78, 80 Закона).

И теперь главное, что всем кажется особенно сложным,— для исчисления пенсии берется заработок работника в пределах 10-кратного минимума заработной платы. Причем, чтобы сгладить уж очень большую разницу, которая могла бы получиться в пенсионном обеспечении у людей с высокой и низкой заработной платой, заработок берется с понижающим по мере его возрастания коэффициентом. Для этого заработок условно делится на части, равные минимальной заработной плате (статья 76 Закона).

Практически это выглядит следующим образом: поскольку на сегодняшний день минимальный размер заработной платы установлен в 70 рублей, то для исчисления пенсии может быть принята сумма среднемесячной зарплаты до 700 рублей включительно (10 минимумов). При этом первые четыре минимума (280 рублей) будут учтены полностью. Пятый минимум — 85 процентов (59 рублей 50 коп.). Шестой — 70 процентов (49 рублей). Седьмой — 55 процентов (38 рублей 50 коп.). Восьмой — 40 процентов (28 рублей). Девятый — 25 процентов (17 рублей 50 коп.). Десятый — 15 процентов (10 рублей 50 коп.). Итого при заработке 700 рублей и больше работнику для исчисления пенсии может быть учтено 483 рубля. При заработке, например, 340 рублей будет учтен 331 рубль и так далее.

Эти правила действуют во всех районах, где к заработной плате рабочих и служащих не установлены районные коэффициенты. Там же, где они имеют место, указанные четырехкратный минимум и последующие части заработка учитываются с применением районного

коэффициента, установленного в данном районе для рабочих и служащих непроеизводственных отраслей, но не более коэффициента 1,5. Естественно, что сам средний заработок для исчисления пенсии учитывается в этих районах с применением того коэффициента, который установлен для данной конкретной категории работников. Практически это значит, что в названных районах для назначения пенсии будет приниматься во внимание заработная плата в пределах 15 минимумов, то есть до 1050 рублей при ныне установленном минимальном размере заработной платы (статья 96 Закона).

В чем преимущества такого порядка? Во-первых, он обеспечивает постоянную зависимость уровня пенсионного обеспечения от установленного в обществе уровня минимальной заработной платы. Во-вторых, отпадает необходимость устанавливать максимальные размеры пенсий. В-третьих, позволяет не ограничивать заработки высококвалифицированных и соответственно более высокооплачиваемых работников какими-то абсолютными величинами, что всегда создает неравенство для каких-то конкретных людей. И в-четвертых, что, пожалуй, самое важное — уровень пенсионного обеспечения работника теперь будет значительно больше зависеть от общей продолжительности трудового стажа и размера заработной платы как основных показателей оценки его труда.

«Правда ли, что людям, которым пенсии назначены до принятия нового закона, пенсии по правилам, им установленным, будут пересчитываться из заработка за последний год работы, как раньше и было предусмотрено?»

И. МЕЛЬНИКОВА, врач

Да, это так. Только нужно уточнить вот что. У пенсионеров, которым пенсия назначена до вступления в силу нового закона, пенсии по новым правилам могут быть пересчитаны по желанию пенсионера либо из среднемесячного заработка за пять лет перед введением в действие нового закона для соответствующей категории пенсионеров, либо перед назначением пенсии, либо из заработка, из которого пенсия была исчислена первоначально, по документам, имеющимся в пенсионном деле (статья 126 Закона). В тех же случаях, когда пенсия по новым правилам пересчитывается в связи с тем, что пенсионер после ее назначения проработал два года и более с заработком, превышающим тот, из которого была исчислена первоначально пенсия, перерасчет ее производится только из более высокого заработка, определяемого по нормам нового закона за последние пять лет работы перед обращением за перерасчетом пенсии (статья 85 Закона).

«До 1965 года работала в колхозе. Потом получала пенсию. Двенадцать рублей, двадцать, двадцать восемь, сорок, а с прошлого года пятьдесят и семьдесят рублей. Теперь, говорят, по новому закону таким, как я, еще должны прибавить к пенсии. Только вот непонятно, к пятидесяти или семидесяти рублям прибавка положена?»

В. ПЕТРЕНКО, пенсионерка

В соответствии с постановлением о введении пенсионного закона в действие все ранее назначенные пенсии повышаются до размеров, установленных новым законом. Это относится и к минимальным

пенсиям, и к пенсиям, которые с 1 октября 1989 года были повышены в связи с принятием закона о неотложных мерах, направленных на улучшение пенсионного обеспечения и социального обслуживания населения. При этом повышение пенсии не может быть меньше, чем на пять рублей тем, кто находился на пенсии до 5 лет включительно; меньше, чем на десять рублей, тем, кто находился на пенсии от 5 до 10 лет; на пятнадцать рублей — получавшим пенсию от 10 до 15 лет; на двадцать — от 15 до 20 лет; на тридцать — от 20 до 25 лет и на сорок — всем, кто находился на пенсии 25 лет и больше. Поскольку пенсия вам была назначена более двадцати пяти лет назад, к нынешним семидесяти рублям вам будет положено еще сорок, и с 1 января 1991 года она должна будет выплачиваться в сумме ста десяти рублей.

Попутно замечу, что на таких же основаниях возрастут и те пенсии, которые уже повышались как староназначенные. В частности, если женщине-работнице пенсия была назначена в 1960 году из заработка 120 рублей в сумме 60 рублей и затем эта пенсия по действующим правилам повышалась на один процент за каждый год пребывания на пенсии, то с 1 января 1991 года размер этой пенсии составит 136 рублей (60+36+40 рублей).

«Работаю водителем автобуса. Зарабатываю в среднем 400 рублей в месяц. Через три года буду иметь право уйти на пенсию. Общего трудового стажа к тому времени наберется 33 года. Да еще 4 года учился в дневном техникуме. На какую пенсию я могу рассчитывать по новому закону?»

В. ЗВЯГИНЦЕВ, шофер

Давайте посчитаем: поскольку учеба в дневном техникуме засчитывается теперь в общий трудовой стаж без всяких условий (статья 7 Закона), его продолжительность у вас составит 37 лет. Пенсии по возрасту при наличии трудового стажа, необходимого для их назначения (25 лет у мужчин и 20 лет у женщин), исчисляются в размере 55 процентов заработка. За каждый полный год работы сверх 25 (20) лет пенсии увеличиваются на один процент заработка. Таким образом, ваша пенсия будет составлять $55 + 12 = 67$ процентов среднемесячного заработка (статья 20 Закона). Если за любые пять лет подряд, которые вы определите, из последних пятнадцати лет работы перед обращением за пенсией ваш среднемесячный заработок составит, как указано в письме, 400 рублей, то для пенсии может быть учтена сумма в 374 рубля 50 коп. (статья 76 Закона). 67 процентов от 374 рублей 50 коп. составит 250 рублей 91 коп. Это и будет основной размер пенсии. Плюс те надбавки, на которые у вас, возможно, будет право.

«Какие надбавки предусмотрены новым законом к пенсиям рабочим и служащим по старости? Будет ли назначаться надбавка за непрерывный стаж?»

С. ШАМСУТДИНОВА, крановщица

Надбавки к пенсиям по возрасту за длительный непрерывный стаж новым законом не предусмотрены. Вместо этого, как выше уже указывалось, закон предусматривает повышение размера пенсии за каждый год общего трудового стажа, превышающего требуемый для назначения пенсии. Статьей 22 Закона теперь предусмотрены две

общие для всех надбавки к пенсиям по возрасту: а) неработающим пенсионерам, имеющим на своем иждивении нетрудоспособных членов семьи, и б) одиноким пенсионерам, достигшим 80-летнего возраста, на уход за ними. Первая надбавка назначается на каждого нетрудоспособного иждивенца — члена семьи в размере социальной пенсии, предусмотренной для соответствующей категории нетрудоспособных. Это сто, пятьдесят или тридцать процентов минимальной пенсии по старости. Вторая — в размере социальной пенсии, полагавшейся бы самому пенсионеру, если бы он не имел права на трудовую пенсию. По общему правилу это пятьдесят процентов минимальной пенсии.

Помимо этого, надо сказать, что пенсии по возрасту инвалидам войны увеличиваются на сумму минимального размера пенсии по инвалидности, установленного Законом «О пенсионном обеспечении военнослужащих» для инвалидов войны из числа солдат и матросов срочной службы по соответствующей группе инвалидности. Другим участникам войны из числа военнослужащих, проходивших службу в составе действующей армии, партизанских отрядах и соединениях, военнослужащим, принимавшим участие в боевых действиях при выполнении интернационального долга, пенсии повышаются на 25 процентов минимальной пенсии по возрасту (статья 22 Закона).

«Как быть с теми людьми, которые в войну и после войны работали в колхозах от зари до зари, кормили страну, получали за свой труд в основном только «палочки», а сегодня им и пенсию увеличить никак нельзя, потому что трудовых книжек на них в те годы никто не заводил?»

Е. ГУРИН, председатель сельсовета

Постановлением о порядке введения в действие пенсионного закона Совету Министров СССР в этом плане поручено при установлении порядка подтверждения трудового стажа (статья 74 Закона) предусмотреть возможность подтверждения по свидетельским показаниям стажа работы для увеличения размера пенсии за длительный общий стаж работы в соответствии со статьей 20 Закона.

«В соответствии с 67-й статьей нового пенсионного закона время работы после назначения пенсии почему-то не засчитывается в общий стаж работы. Разве можно это признать разумным?»

Е. ГОРБАНЮК, пенсионер

Здесь не совсем точно излагается смысл статьи 67 Закона. Время работы после назначения пенсии не засчитывается, во-первых, только в стаж работы для увеличения размера пенсии по возрасту за каждый год работы сверх 25 лет у мужчин и 20 лет у женщин (статья 20 Закона). Во-вторых, это время не засчитывается только тогда, когда пенсионер после назначения пенсии работает и получает пенсию. Почему так? Да потому, что в противном случае в преимущественном положении оказались бы люди, по разным причинам не работавшие в трудоспособном возрасте и зарабатывающие трудовой стаж уже после назначения пенсии. При этом они получали бы заработную плату, пенсию и еще повышали бы размер пенсии как за каждый год работы, так и в связи с изменением индекса стоимости жизни и ростом заработной платы, что также предусмотрено новым пенсионным законом (статья 124 Закона).

Нельзя не учитывать также и то, что новым Законом установлены значительно более льготные правила зачета в трудовой стаж периодов, когда человек не занят в общественном производстве. Теперь, в частности, в стаж для назначения пенсий по возрасту и повышения их размеров засчитывается учеба в вузах и техникумах независимо от того, работал ли или служил в армии человек до поступления на учебу. Засчитывается до шести лет также время ухода неработающих матерей за детьми в возрасте до трех лет. Засчитывается до 10 лет период проживания жен лиц офицерского состава, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы с мужьями в местностях, где отсутствовала возможность их трудоустройства по специальности, и некоторые другие периоды.

Нужно особенно подчеркнуть и то, что работа пенсионеров до введения в действие нового Закона засчитывается в общий стаж для повышения размера пенсии независимо от того, получали ли они пенсию за этот период.

«Считаем необходимым поднять вопрос о льготном пенсионном обеспечении технологов и начальников технологических бюро, работающих в цехах с вредными условиями труда. Большую часть своего рабочего времени они находятся рядом с рабочими, которые имеют льготы как на дополнительный отпуск, так и по уходу на пенсию. Но ведь и на технологов воздействуют те же вредные факторы, что и на рабочих. Почему же этим категориям работников пенсионный стаж не снижается?»

А. МАЛЬЦЕВА, технолог

Верховный Совет СССР несколько часов обсуждал вопрос о льготном пенсионном обеспечении. В результате расширен круг лиц, которым пенсии теперь будут назначаться раньше общеустановленного срока. Помимо известных всем Списков № 1 и № 2, теперь будут уходить на пять лет раньше на пенсию трактористы-машинисты, непосредственно занятые в производстве сельскохозяйственной продукции; женщины, работающие доярками (операторами машинного доения), свинарками-операторами в колхозах, совхозах и других предприятиях сельского хозяйства; женщины, занятые в течение полного сезона на выращивании хлопчатника, сборе хлопка-сырца, уборке и послеуборочной обработке табака, и некоторые другие. По целому ряду профессий предложено рассмотреть вопрос о льготном пенсионном обеспечении Верховным Советам союзных и автономных республик, а также местным Советам народных депутатов. Но кардинально решить эти вопросы можно будет только тогда, когда по поручению Верховного Совета Совет Министров СССР совместно с заинтересованными органами разработает проект коренной реформы льготного пенсионного обеспечения в СССР. Соответствующие предложения им поручено представить к 1 января 1992 года. Будем надеяться, что в этих предложениях найдут справедливое отражение интересы всех работников, занятых в тяжелых и вредных производствах, в том числе и технологов, работающих в горячих и гальванических цехах.

М. ПОЛУПАНОВ,
кандидат юридических наук

ГОРОД И САМОУПРАВЛЕНИЕ

Статистика знает все — утверждали великие. Современная статистика свидетельствует: численность населения крупных городов неумолимо растет, порождая не только экономические, экологические, но и политические проблемы. Миллионы горожан вовлечены в водоворот политической борьбы. Исчезают старые управленческие структуры, появляются новые. Уходящее сопротивляется, новое — то пугает, то радует. И над всеми политическими страстями господствует новый бог — самоуправление.

В лексиконе наших дней самоуправление — одно из наиболее популярных слов. Самоуправления добиваются народные депутаты СССР и союзных республик. К нему стремятся автономии и отдельные регионы. Первый серьезный шаг на этом пути сделан — принят Закон СССР о местном самоуправлении и местном хозяйстве. Он урегулировал ряд важных вопросов регионального самоуправления. Однако главная работа впереди. Необходимо приложить общие положения закона к республиканским и региональным условиям.

В общественном сознании вполне утвердилась мысль о том, что самоуправление и собственность — понятия родственные, неразрывные. Гражданин, коллектив, регион, не обладающие правами собственности, не могут эффективно участвовать в самоуправлении. Именно поэтому местные Советы упорно добиваются увеличения своих бюджетов, а Советы микрорайонов и другие общественные формирования стремятся обладать материальными и денежными средствами.

В каком же положении оказалось главное действующее лицо городского самоуправления — горожанин? Ведь именно его призывают быть хозяином в своем городе как демократы, так и консерваторы. Увы! Современный горожанин, получивший квартиру от государства в бессрочное пользование, перестал быть хозяином даже собственного дома и превратился во временщика — квартиросъемщика. И, судя по всему, давно уже с этим смирился.

Такое положение возникло не вдруг. Оно складывалось на протяжении десятилетий. Заглянув в исторические научные трактаты, мы найдем много интересного по этому вопросу. Уже 12 декабря 1917 года Московский Совет принял решение о выборочной муниципализации отдельных домовладений. Управление ими передавалось тогда впервые образованным домовым комитетам, а дома, расположенные вблизи предприятий, закреплялись за их коллективами. Принятый 20 августа 1918 года Декрет ВЦИК РСФСР «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» способствовал усилению этих процессов. В ре-

зультате массового переселения рабочих из бараков в ведение городских органов перешло тогда более 4000 самых крупных домовладений с населением более 800 тысяч человек. К 20-му году были установлены нормы жилой площади, категории по степени нуждаемости и платежеспособности, многим оказывалась материальная помощь. К 1921 году в Москве было организовано 514 домов-коммун, где проживало 85 тысяч семей, а к 1922 году так называемый «жилищный передел» был закончен.

Художественная литература вносит порой серьезные коррективы в строго научные исследования. Талантливый писатель тонко улавливает жизненные противоречия и обнажает их в своих произведениях. Так, в повести М. Булгакова «Собачье сердце» мы встречаемся с малопривлекательной фигурой — председателем домового комитета т. Швондером. При всей комичности названного субъекта испытываешь тревожный дискомфорт от описания общественного самоуправления тех лет. Перед нами своеобразный прообраз грядущего административного насилия.

Переход к нэпу значительно изменил и городское общественное самоуправление. Наряду с домами-коммунами и возникшим ведомственным фондом в общем муниципальном фонде под руководством домовых комитетов стали формироваться коллективные товарищества жителей, которые на основе полного самоуправления и материальной ответственности жильцов сами обеспечивали нормальную эксплуатацию и мелкий ремонт в домах. 19 августа 1924 года ЦИК и СНК СССР утвердили Положение об аренде, о жилищной кооперации. Теперь гражданам предоставлялось право добровольного объединения в жилищные кооперативные товарищества. Предусматривалась возможность создания трех видов товариществ: а) жилищно-арендных, б) рабочих жилищно-строительных кооперативных товариществ, в) общегражданских жилищно-строительных кооперативных товариществ.

Жилищно-арендные кооперативные товарищества (ЖАКТы) организовывались в целях использования муниципальных домовладений, которые передавались им внаем органами местного хозяйства. Местные губернские и областные исполнительные комитеты устанавливали, в каких случаях домовладения сдаются ЖАКТам в целом, со всеми находящимися в них торговыми и иными нежилыми помещениями, а в каких без таковых.

Членами ЖАКТов имели право быть все постоянно проживающие в данном домовладении граждане, пользующиеся избирательными правами согласно конституциям союзных республик. Число граждан, составлявших жилищно-арендное товарищество, не могло быть меньше половины проживающих в домовладении лиц и во всяком случае должно было быть не меньше десяти, если законодательством республик не устанавливался другой минимум.

ЖАКТы имели статус юридических лиц. Им предоставлялся ряд серьезных прав материального характера. Так, товарищества имели право арендовать муниципальные домовладения на срок до 12 лет с правом преимущественного возобновления договора. Оставшаяся после распределения между членами товарищества жилая площадь могла быть сдана лицам, не имеющим права быть членами товарищества. Жилая площадь между членами товарищества распределялась на основании норм, установленных законодательством союзных республик.

Средства ЖАКТов формировались из нескольких источников: а) вступительных и паевых взносов членов товарищества; б) поступлений квартирной платы и арендной платы за нежилые помещения; в) взносов на топливо; г) иных поступлений. Как видим, законодательство не предусматривало исчерпывающего перечня источников. В условиях развивавшихся в эти годы товарно-денежных отношений финансовая самостоятельность товариществ была важным условием успешного самоуправления.

Органами управления жилищно-арендных товариществ всех видов являлись общие собрания членов товарищества, а также его правление во главе с председателем, избираемое общим собранием. Каждое товарищество избирало ревизионную комиссию. Отношения с органами местного хозяйства регулировались договорами.

Законодательство предусматривало возможность создания союзов жилищной кооперации. Союзы могли быть городскими, краевыми, республиканскими. Органами управления союзов жилищной кооперации были собрания уполномоченных от входящих в союз товариществ, а также правления, избранные собраниями. Союзы имели широкие полномочия: организовывали помощь и инструктирование товариществ, проводили ревизии, давали технические консультации, созывали конференции, организовывали снабжение товариществ строительными, топливными материалами, предметами оборудования, сантехническими приборами, оказывали помощь в получении кредитов, страховали членов союзов и т. д.

Эффективное самоуправление могло осуществляться лишь в условиях товарно-денежных отношений. Поэтому товарищества и их союзы активно сотрудничали на договорных началах со всеми другими видами кооперативных объединений.

Соответственно менялась и психология общественников, что чутко отразила художественная литература. Интересно сопоставить двух сатирических героев произведений М. Булгакова — упомянутого ранее председателя домового комитета т. Швондера и председателя жилтоварищества Никанора Ивановича Босого (из романа «Мастер и Маргарита»). Если первый полностью захвачен романтикой «отобрания и разделения», применяя при этом соответствующие методы грубого администрирования, то второй погружен в хозяйственные хлопоты жилтоварищества. И хотя Никанор Иванович — персонаж сатирический и проблемы жилтоварищества решает не всегда законными способами, поворот к хозяйственной инициативе и финансовой ответственности отражен в его образе совершенно явственно.

Арендные и кооперативные отношения как основа самоуправления граждан по месту жительства зарекомендовали себя с положительной стороны. Особенно многочисленными были товарищества домов, арендованных у государственных предприятий и ведомств. Однако общие процессы огосударствления собственности, происходившие в 30-е годы, затронули и местное самоуправление граждан. Законодательство второй половины 30-х годов запретило арендные отношения Советов с коллективами граждан. Приостанавливалось и развитие ЖСК. Члены последних были обязаны погасить полученные ссуды в короткий срок (до 6 месяцев). Дома объявлялись неприкосновенной государственной собственностью, домовые комитеты распускались. Вся ответственность за сохранение и содержание жилого фонда была возложена на местные Советы. С каждым съемщиком заключался договор на право пользования жилым по-

мещением в течение 5 лет. В результате самоуправляющиеся коллективы распались, съемщик перестал быть хозяином.

Лишь со второй половины 50-х годов началось медленное, не очень эффективное возрождение различных форм общественной самодеятельности и самоуправления на территориях городов. На сегодняшний день к ним можно отнести: ЖСК, МЖК, домовые и иные территориальные комитеты граждан, советы и комитеты самоуправления микрорайонов, собрания граждан по месту жительства и т. д.

Перестройка привнесла много позитивного в развитие территориального общественного самоуправления. Территориальное самоуправление постепенно выходит из того летаргического сна, в котором оно пребывало долгие годы. Проводятся многочисленные эксперименты, принимаются правовые акты, определяющие статус общественных формирований. Закон СССР о местном самоуправлении предусматривает возможность аккумуляции финансовых и иных материальных средств в руках органов общественного самоуправления. Расширяются их информационные возможности.

Особенно популярны сегодня различного рода Советы и комитеты самоуправления микрорайонов, которые по своему самоуправленческому статусу сближаются с советами МЖК. Радостное восхищение их деятельностью удивительным образом сближает радикалов с консерваторами. Похоже, найдено очередное универсальное средство быстрого и эффективного оживления общественной активности. В прессе утверждается идея отмирания домовых комитетов, называемых «затеей административного гения» застойного периода. В Москве советы самоуправления микрорайонов рассматриваются как первое звено (уровень) территориального самоуправления.

Можно лишь приветствовать возникновение и развитие новых органов общественного самоуправления. Однако надо помнить, что бурный поток ликования легко сносит в крайности.

Попытка свести общественное самоуправление в основном к деятельности указанных советов требует серьезных корректив. Во-первых, основной, первичной коллективной ячейкой самоуправления в городах является все же не микрорайон, а коллектив многоквартирного дома. В таких домах проживают зачастую сотни семей и тысячи жильцов. Попытка опереться лишь на советы микрорайонов, не организовав эти первичные коллективы, может породить лишь одно — активизацию активистов при полной или весьма высокой пассивности основной массы жителей.

Действительно, если совет (комитет) самоуправления сосредоточит в своих руках материальные средства по ремонту жилого фонда и благоустройству территорий, то вряд ли это серьезный стимул для активизации граждан. Думается, они с удовольствием передоверят все хлопоты по ремонту и содержанию жилого фонда своим активистам. Три основные опоры нашей пассивности — отчужденность квартирной собственности от граждан, стабильность квартирной платы, полная зависимость от эксплуатирующих организаций — практически не будут затронуты.

Во-вторых, сосредоточение значительных полномочий в руках общественных советов микрорайонов при общей пассивности жителей легко приводит к бесконтрольности советов, появлению их корпоративных интересов и к возможности злоупотреблений. Смею утвер-

ждать, что своеволие и общественный диктат ничуть не лучше диктата аппаратного, а в определенных случаях и хуже.

В-третьих, экономические тенденции последних лет способствуют развитию самоуправленческих домовых коллективов. Постепенно расширяется продажа жилья населению в личную собственность. Ставится вопрос о передаче или продаже жилья в коллективную собственность граждан. Развитие рынка в стране неизбежно втянет жилой фонд в систему товарно-денежных отношений. Реальными собственниками или арендаторами могут стать именно первичные территориальные коллективы граждан, обладающие всем спектром юридических и экономических прав и обязанностей. Лишь на их основе могут возникнуть полноценные органы самоуправления второго уровня — советы самоуправления микрорайонов. При этом необходимо четкое размежевание компетенции этих органов и лишение советов микрорайонов административных полномочий в отношении домовых коллективов. В противном случае мы получим лишь более низкий уровень государственно-общественной бюрократии.

Уже и сейчас можно назвать примеры своеобразного сопротивления домовых коллективов диктату сверху. Так, в Свердловском районе Москвы группа активистов разработала Положение о самоуправляемом объединении жителей дома. Один из важнейших пунктов этого положения предусматривает существование субсчетов отдельных домовых коллективов, независимых от вмешательства в их финансовые дела со стороны совета микрорайона. Еще более жестко будут отстаивать свою финансовую независимость ЖСК, обладающие собственностью в различных формах. Поэтому представляется, что «похороны» домовых коллективов и их органов самоуправления (советов, правлений и т. д.) несколько преждевременны.

В. КОВАЛЕВ,
кандидат юридических наук

КОММЕНТИРУЕТ ПРЕСС-ЦЕНТР МВД СССР

**Ведет рубрику полковник внутренней службы,
кандидат юридических наук Б. МИХАЙЛОВ**

Одним из существенных элементов перестройки как предварительного следствия, так и оперативной работы является обеспечение надежной доказательственной базы при расследовании уголовных дел на основе достижений научно-технического прогресса.

Именно этим определяется роль и место экспертно-криминалистической службы. В системе служб МВД она занимает видное место.

Экспертно-криминалистические подразделения имеют в своем распоряжении достаточно широкий ассортимент технических средств, составляющий около 400 наименований: от комплектов для

осмотра мест происшествия и поисковых приборов до сложной аналитической аппаратуры, позволяющей исследовать мельчайшие частицы веществ и материалов, являющихся вещественными доказательствами. Криминалистические методы, используемые специалистами органов внутренних дел, находятся на уровне аналогичных достижений развитых зарубежных стран. Это подтверждает обмен опытом и участие советских специалистов в международных криминалистических симпозиумах.

Сфера деятельности экспертно-криминалистических подразделений по борьбе с преступностью в нашей стране достаточно разнообразна: внесение предложений по профилактике преступлений, участие в качестве специалистов в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях, производство экспертиз, участие в качестве специалиста или эксперта при рассмотрении дел в суде.

Одним из примеров профилактической деятельности службы могут служить предложения Экспертно-криминалистического управления МВД СССР, направленные в Сбербанк СССР, о новом способе защиты от подделки бланков чековых книжек. Специалистами было замечено, что в ряде республик, краев и областей страны стали поступать на экспертизу подделанные одним и тем же способом чековые книжки. Дальнейший анализ всех этих случаев, проведенный совместно с работниками Сбербанка, показал, что проблема выявления поддельных чековых книжек, а также обеспечение надежной защиты этих платежных документов злободневны для нормального функционирования банковских учреждений страны. В этой связи консультации криминалистов оказались весьма необходимыми и своевременными.

Использование специальных знаний экспертов-криминалистов оказывает также большую помощь в непосредственном раскрытии и расследовании конкретных преступлений.

В июне 1989 года в г. Минске при погрузке в багажник такси лобового стекла автомашины нарядом милиции был замечен подозрительно ведущий себя пассажир. При проверке его документов установлено, что это военный строитель, рядовой СА, самовольно оставивший место службы. В ходе следственных действий установлены населенные пункты, где он побывал за время ухода из воинской части. На основании информации из этих населенных пунктов о кражах, предположительно совершенных военнотружеником, была проведена проверка отпечатков пальцев рук подозреваемого. В результате раскрыты три кражи из магазинов в Латвии, Витебской области и четыре кражи деталей автомашин в г. Минске, а круиз гастролера прерван.

Результативность работы следственного аппарата в части доказывания вины подозреваемых также все чаще за последнее время связывается с возможностями экспертно-криминалистической службы. Так, в августе 1989 года работниками ОБХСС при попытке сбыта кусочков проволоки и серого металлического порошка задержан научный сотрудник одного из НИИ г. Минска Голосов. На допросе он отрицал, что изъятые у него объекты содержат драгоценный металл. Сотрудники Пробирной инспекции не смогли подтвердить версию работников милиции о наличии в изъятых предметах платины, так как у них отсутствовала методика определения пробы этого металла.

Эксперты МВД БССР на имеющемся в их распоряжении оборудовании смогли решить вопрос о наличии платины в исследуе-

мых объектах. Однако из различных научных источников им были хорошо известны возможности метода микроструктурного спектрального анализа с помощью электронного сканирующего микроскопа с рентгеновской приставкой. Знание этого метода и приборная база одного из НПО республики позволили установить пробу платины в изъятых у Голосова предметах, а также примесей в них. Это, в свою очередь, дало возможность следствию выявить способ получения драгоценного металла из похищенных деталей электронных приборов (микросхем, транзисторов и т. д.).

В апреле 1989 года граждане Метревели и Мерзикашвили с целью совершения кражи путем взлома двери проникли в квартиру дома на Первомайской набережной г. Калинина. При выходе из квартиры с похищенными вещами они увидели сотрудников вневедомственной охраны и бросились обратно. Послышался звон разбитого стекла. При осмотре двора многоэтажного дома был обнаружен и изъят пистолет «Парабеллум», экспертное исследование которого впоследствии установило, что на оружии имеются микрочастицы оконного стекла, а также микроволокна, однородные по своему составу ткани брюк и пиджака Мерзикашвили и джемпера Метревели.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что на сегодняшний день возможности экспертно-криминалистической службы не могут полностью удовлетворить постоянно растущие потребности практики по усилению борьбы с преступностью. Влияют на результаты и недостаточная кадровая обеспеченность службы, и необходимость повышения профессионализма, улучшение технической оснащённости современной аппаратурой и т. д.

Так, численность экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел в настоящее время такова, что при высочайшей нагрузке специалисты в состоянии охватить лишь чуть более половины преступлений, по которым необходимо их участие. Согласно статистическим данным, в расчете на одного сотрудника экспертно-криминалистической службы приходится в среднем расследуемых преступлений: в Болгарии — 170, ЧССР — 128, ФРГ — 180, а в СССР только по линии УР и БХСС — 381.

Основной базой подготовки экспертов высшей квалификации для органов внутренних дел служит факультет Высшей школы МВД СССР в г. Волгограде. Выпускает он лишь 100 специалистов в год, при их ежегодной потребности не менее 200.

Бурный технический прогресс приводит к быстрому моральному старению техники, появлению новых образцов со значительно большими возможностями. В связи с этим требуется постоянное обновление аппаратуры, в том числе и путем закупки значительного количества импортных аналитических приборов, аналогов которым в нашей стране нет. Необходимость приобретения зарубежной техники вызывается потребностью удерживать достижения отечественной криминалистики на мировом уровне, а в конечном итоге для успешной борьбы с преступностью и повышения гарантий защиты граждан от ошибок следствия и суда. Все это требует значительных денежных затрат, в том числе и валютных, которыми милиция пока располагает в ограниченном количестве.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в отношении нерешенных проблем соответствующие предложения внесены МВД СССР на рассмотрение компетентных инстанций и находятся на разных стадиях решения.

ВОЗВРАЩЕНИЕ УКАЗА,

или В поисках «новой ступеньки»

Сначала познакомим читателя, возможно, не слишком искушенного в юридических тонкостях, с некоторыми положениями теории права. В ней есть специальный раздел, где рассматриваются виды нормативных актов, существующих в государстве, порядок их разработки, принятия и действия. Нас сейчас будет интересовать не весь этот раздел, а лишь вопрос о юридической силе актов, издаваемых различными государственными органами, имеющими одинаковые территориальные пределы компетенции.

Чтобы было понятнее, объясню «на пальцах». У нас существуют различные общесоюзные (возьмем только этот уровень) органы: Верховный Совет, правительство, министерства и др. Многие из них издают нормативные акты. Так вот, речь пойдет о том, акт какого из этих органов имеет большую юридическую силу. В «застойные» годы сложилась следующая «лестница иерархии» (в порядке убывания силы):

1. Конституция СССР — Основной Закон страны — обладает высшей юридической силой.

2. Законы СССР, принятые Верховным Советом СССР.

3. Указы Президиума Верховного Совета СССР.

Указ — основной «герой» этой статьи, так что поговорим о нем подробнее. Согласно Конституции СССР 1977 года Президиум Верховного Совета СССР издавал указы двух видов: нормативные и ненормативные. Первые устанавливали общие правила поведения — нормы. Вторые носили индивидуальный характер. Хрестоматийный пример: указ об утверждении положения о каком-либо ордене — нормативный акт, указ о награждении этим орденом конкретного лица — нет. Нас интересуют только нормативные указы. Они, в свою очередь, также делились на две группы. Одни из них принимались по вопросам, отнесенным к собственной компетенции Президиума Верховного Совета, другие могли в период между сессиями Верховного Совета СССР вносить изменения в действующие законы. Последние подлежали утверждению на очередной сессии Верховного Совета СССР и после этого приобретали силу закона.

На практике Президиум Верховного Совета СССР не только вносил изменения в действующее законодательство, но и издавал нормативные акты по вопросам, законом не урегулированным. Такие указы тоже, как правило, утверждались Верховным Советом СССР.

4. Постановления и распоряжения Совета Министров СССР.

5. Акты министерств, государственных комитетов и ведомств СССР (постановления, распоряжения, приказы, инструкции и т. п.).

Закон СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» от 1 декабря 1988 года внес изменения в эту систему. Законы сейчас могут приниматься не только Верховным Советом, но и Съездом народных депутатов СССР. Причем законы, принятые Съездом, обладают большей юридической силой. Теперь они заняли вторую «ступеньку» на нашей «лестнице иерархии», оттеснив законы, принятые Верховным Советом, на третью. А что же стало с указами? Они «ушли» с «лестницы» вообще. Президиум Верховного Совета СССР лишился права издавать акты, носящие нормативный характер.

Специалисты восприняли эти изменения с одобрением. Наконец-то прекращается упрощенно-аппаратный порядок законодательства. Законы будут приниматься, изменяться и отменяться только Съездом народных депутатов СССР и Верховным Советом СССР. Раньше же число указов, принимаемых Президиумом Верховного Совета СССР, намного превосходило количество законов. А «оптовое» утверждение указов на сессиях носило чисто формальный характер. За исключением, пожалуй, только одного случая. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1988 года «О налогообложении граждан, работающих в кооперативах по производству, реализации продукции и оказанию услуг, а также об изменении порядка выдачи патентов на занятие индивидуальной трудовой деятельностью», направленный на удушение кооперации, аппарат не стал предлагать для утверждения очередной сессии Верховного Совета СССР. Реакция на этот указ была однозначно негативной. Причем перестройка сознания затронула даже «старый» Верховный Совет, который переставал быть марионеткой в руках аппарата и вполне мог «завернуть» ему Указ. Так что определенные формы контроля за указами Президиума Верховного Совета СССР были, и при желании депутаты могли ими воспользоваться.

На четвертой и пятой «ступеньках» все осталось по-прежнему. В результате изменений, внесенных Законом от 1 декабря 1988 года, у нас сложилась почти идеальная «лестница иерархии». Почему? Во-первых, потому что довольно хорошая. А во-вторых, потому что, увы, малореальная. Законы часто носят декларативный характер, а на практике применяются ведомственные нормативные акты, которые камня на камне не оставляют от принципов, заложенных в законах.

Формирование правового государства предполагает превращение идеальной «лестницы иерархии» в реальную, реализацию на практике принципа верховенства закона во всех сферах общественной жизни. Одновременно это не исключает и возможность структурной «перестройки» самой «лестницы».

Необходимость в этом возникла после принятия 14 марта 1990 года третьим внеочередным Съездом народных депутатов СССР Закона СССР «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР». У нас появился новый акт — указ Президента СССР. Попробуем найти для него «ступеньку» на нашей «лестнице иерархии». Впрочем, не будем торопиться, сначала нужно решить, следует ли вообще «пускать» указы Президента на «лестницу». Помните, для этого мы должны установить, может ли Президент издавать акты, носящие нормативный характер. В принципе-то не должен. Только тогда и можно говорить о «разделении властей» на законодательную, испол-

нительную и судебную. Иначе неизбежно смешение функций представительного органа власти (Верховного Совета) и Президента. Но это чисто теоретические рассуждения. Принцип «разделения властей» наша Конституция не закрепляет. Более того, некоторые специалисты уверяют, что он для нас неприемлем в силу своей буржуазности и демагогичности. Прямо Конституция не запрещает Президенту СССР издавать нормативные акты. А праву известен принцип «разрешено все, что прямо не запрещено законом». Правда, в нашей Конституции этот принцип тоже не закреплён. Более того, многие специалисты считают, что для регулирования деятельности государственных органов и должностных лиц этот принцип неприемлем, ибо тогда нельзя гарантировать права и свободы личности. Так что однозначного решения этой проблемы Конституция СССР не даёт.

Согласно статье 127³ Президент СССР принимает необходимые меры по охране суверенитета Союза ССР и союзных республик, безопасности и территориальной целостности страны, по реализации принципов национально-территориального устройства СССР, обеспечивает взаимодействие высших органов государственной власти и управления СССР, имеет право приостанавливать действия постановлений и распоряжений Совета Министров СССР (пп. 2, 4, 9). Для реализации этих полномочий может потребоваться издать указ, содержащий нормативные предписания. И такие указы Президентом СССР уже изданы. Посмотрим, каков уровень их притязаний на место на «лестнице иерархии».

Указом Президента СССР от 21 марта 1990 года «О дополнительных мерах по обеспечению прав советских граждан, охране суверенитета Союза ССР на территории Литовской ССР» в этой республике временно приостановлено действие постановления Совета Министров СССР от 23 июля 1975 года № 646 «Об установлении единого порядка приобретения, учета и хранения охотничьих ружей» и запрещена продажа огнестрельного оружия. Таким образом, президентский указ претендует на новую «ступеньку» на «лестнице иерархии», которая должна быть «вмонтирована» между нынешними третьей и четвертой. Подчеркнем, что это полностью соответствует Конституции, пункт 9 статьи 127³ которой предоставляет Президенту СССР право приостанавливать действие постановлений и распоряжений правительства.

Указом Президента СССР от 20 апреля 1990 года «О регламентации проведения массовых мероприятий на территории Москвы в пределах Садового кольца» установлено, что регламентация проведения массовых мероприятий (манифестаций, митингов, демонстраций и других¹) в пределах Садового кольца города Москвы осуществляется Советом Министров СССР. Это прямое нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 года «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР».

А этот Указ был утвержден на одиннадцатой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва, следовательно, имеет силу закона. Таким образом, президентский указ претендует на «ступеньку» на «лестнице иерархии» между нынешними второй и третьей.

¹ Кстати, совершенно неприемлемая формулировка для нормативного акта. Что значит «других»? Каких именно? (Прим. автора).

Соответствует ли это Конституции СССР? Может ли указ Президента иметь юридическую силу, превышающую силу закона (или хотя бы равную ей)?

Согласно статье 127⁷ Президент СССР издает указы на основе и во исполнение Конституции СССР и законов СССР. Формула довольно туманная. При желании ее можно истолковать как требование соответствия указов законам. А при отсутствии такого желания она не исключает возможность некоторого «подправления» указами действующих законов (для более «правильного» их исполнения). И уж, во всяком случае, не препятствует Президенту издавать нормативные указы по вопросам, не урегулированным законами, оставляя открытым вопрос об их юридической силе (по сравнению с законами).

Разграничение силы актов Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР проведено в Конституции более определенно: законы и постановления, принятые Верховным Советом СССР, не могут противоречить законам и другим актам, принятым Съездом народных депутатов СССР (статья 113).

Съезд народных депутатов СССР правомочен отменить акт, принятый Верховным Советом СССР (пункт 10 статьи 108). В отношении указов Президента СССР ни Верховный Совет СССР, ни Съезд народных депутатов СССР таким правом не обладают. Вспомним, что раньше «ушедшие» с «лестницы» указы Президиума Верховного Совета СССР подлежали утверждению на сессии Верховного Совета.

Единственной формой контроля за указами Президента СССР является их рассмотрение в Комитете конституционного надзора СССР, который по поручению Съезда народных депутатов СССР, по предложению Верховного Совета СССР дает заключения о соответствии указов Президента СССР Конституции СССР и законам СССР. Опять очень интересная формула. Во-первых, из нее следует, что президентские указы должны соответствовать законам, что, как мы помним, не следует из статьи 127⁷. Во-вторых, круг субъектов, по инициативе которых указ может стать предметом рассмотрения в Комитете конституционного надзора, самый узкий по сравнению с другими нормативными актами. Например, предложение о необходимости получить заключение Комитета конституционного надзора о соответствии Конституции СССР закона, принятого Съездом народных депутатов СССР, может исходить от одной пятой народных депутатов СССР и высших органов государственной власти союзных республик (пункт 2 статьи 124). В отношении законов, принятых Верховным Советом СССР, круг субъектов еще шире (пункт 4 статьи 124). Причем Комитет конституционного надзора вправе также по собственной инициативе представлять заключения о соответствии Конституции СССР и законам СССР актов высших органов государственной власти и управления СССР, других органов, образуемых или избираемых Съездом народных депутатов СССР и Верховным Советом СССР. Президент СССР не является ни органом власти, ни органом управления. Согласно статье 127 Конституции СССР он — глава Советского государства. Поэтому осуществлять по собственной инициативе надзор за указами нынешнего Президента СССР Комитет конституционного надзора может, так как Президент избран Съездом народных депутатов СССР, а за указами всех последующих президентов — нет, так как они будут избираться гражданами СССР. Не свидетельствует ли это о повышенной юридической силе указов

Президента? Даже по отношению к актам Съезда народных депутатов?

Однако, допустим, Комитет конституционного надзора сочтет, что указ Президента СССР или его отдельные положения не соответствуют Конституции СССР или законам СССР. Общий порядок таков. Комитет конституционного надзора направляет органу, издавшему акт, свое заключение для устранения допущенного несоответствия. При этом действие акта (за исключением законов, принятых Съездом народных депутатов СССР, и конституций союзных республик) приостанавливается. А акт или его отдельные положения, которые по заключению Комитета нарушают права и свободы граждан, теряют силу с момента принятия такого заключения. Далее, орган, издавший акт, приводит его в соответствие с Конституцией СССР или законом СССР. Если несоответствие не будет устранено, Комитет конституционного надзора СССР входит с представлением соответственно на Съезд народных депутатов СССР, в Верховный Совет СССР или Совет Министров СССР об отмене не соответствующих Конституции СССР или закону СССР актов подотчетных им органов или должностных лиц. Заключение Комитета может быть отклонено лишь решением Съезда народных депутатов СССР, принятым двумя третями голосов от общего числа народных депутатов СССР (статья 124 Конституции СССР).

Очень интересный порядок. Рассмотрим его подробнее применительно к указу Президента СССР.

Указ Президента, который по заключению Комитета конституционного надзора нарушает права и свободы граждан, теряет силу с момента принятия такого заключения. А может ли противоречащий закону указ не нарушать прав граждан? Или здесь имеются в виду только конституционные права и свободы? Тогда нужно так и писать. Действие противоречащего Конституции или закону указа приостанавливается. На какой период? Вероятно, до устранения Президентом несоответствия? А если Президент слишком долго не будет его устранять? Когда Комитет конституционного надзора сможет обратиться на Съезд народных депутатов или в Верховный Совет? Да и зачем ему туда обращаться? Ведь Съезд и Верховный Совет могут отменить лишь акты **подотчетных** им органов или должностных лиц, а Президент СССР ни Съезду народных депутатов СССР, ни Верховному Совету СССР **не подотчетен**. Так что формально в полном соответствии с Конституцией СССР может действовать (или существовать, не действуя?) противоречащий ей указ Президента СССР. Это уже претензия на нулевую «ступеньку» на «лестнице иерархии».

Что-то неладное получается. Ходит по нашей «лестнице иерархии» президентский указ, то на одну «ступеньку» пристроится, то на другую. Ситуация в правовом государстве нетерпимая. Надо бы законодателю помочь указу определиться.

Какие видятся варианты решения этой проблемы (в порядке предпочтительности):

1. «Не пускать» указы Президента на «лестницу иерархии», то есть установить, что они не могут носить нормативный характер. (Мне нравится теория «разделения властей», обоснование этого — отдельная тема.) При этом возможно сохранить за Президентом СССР право приостанавливать действие постановлений и распоряжений Правительства СССР, но с определением срока, по истече-

нии которого этот вопрос должен быть рассмотрен Советом Министров.

2. «Вмонтировать» для указа новую «ступеньку» между нынешними третьей и четвертой, то есть установить, что Президент может издавать нормативные указы, обладающие большей силой, чем акты правительства (а следовательно, отменять и изменять их), но не противоречащие законам и имеющие по сравнению с ними меньшую силу. Это, правда, ставит Совет Министров под «двойной» контроль и Президента (который не является главой правительства), и Верховного Совета (которому он официально подотчетен). Подобная «двойственность» неоднозначна, есть здесь и свои минусы, и свои плюсы. Вообще при наличии в государстве двух должностей — президента и премьер-министра — одна из них часто (хотя и не всегда) становится формальной. Но это опять отдельная тема.

3. Поместить указы на третью «ступеньку», рядом с законами, проведя на ней «границу», отделяющую «пространство» для тех и для других, то есть провести разграничение компетентности между Верховным Советом СССР и Президентом СССР по предметам ведения. Пожалуй, способ этот чисто «технический» наиболее сложен и, если не встать на путь общих деклараций, малореален.

4. Поместить указ на третью «ступеньку» и не проводить «границу». Тогда Верховный Совет и Президент будут издавать акты, имеющие одинаковую юридическую силу, и никто из них не сможет отменить акт другого органа. То есть вопрос, решенный однажды Верховным Советом, может быть пересмотрен только им, а вопрос, решенный Президентом, только им. Или наоборот, действует последний по времени принятия акт: Верховный Совет принимает закон, а Президент его отменяет, тогда Верховный Совет отменяет указ Президента и т. д. В любом случае это самый плохой способ, так как он порождает постоянное «законодательное состязание» между Верховным Советом и Президентом, где на стороне последнего преимущество большей оперативности.

Возможно, будут предложены другие варианты, обоснована другая предпочтительность. Но выбрать какой-либо вариант и четко закрепить его в Конституции СССР необходимо. В условиях «компетенционной неразберихи» трудно говорить не только о формировании правового государства, но и об элементарном режиме законности.

Мы рассмотрели одномерную модель «лестницы иерархии». На самом деле субординационные связи между нормативными актами различных органов (центральных, республиканских, местных) намного сложнее, но столь же неоднозначны. Указами Президента СССР от 14 мая 1990 года декларация Верховного Совета Латвийской ССР от 4 мая 1990 года «О восстановлении независимости Латвийской республики» объявлена не имеющей юридической силы с момента ее принятия, а постановление Верховного Совета Эстонской ССР от 30 марта 1990 года «О государственном статусе Эстонии — недействительным с момента его принятия¹. Указом Президента СССР от 19 мая 1990 года объявлен недействительным закон Эстонской ССР от 16 мая 1990 года «Об основах временного порядка управления Эстонией». Согласно Конституции СССР ни один союзный орган не наделен правом объявить недействительным (не имеющим юриди-

¹ Интересно, какая разница между объявлением акта «недействительным» и «не имеющим юридической силы»? (Прим. автора).

ческой силы) противоречащий Конституции СССР и законам СССР акт Верховного Совета союзной республики. Что это означает? Отсутствие правовых механизмов защиты основ федерации? Или то, что таким правом обладает любой орган? «Что не запрещено, то разрешено»?

Н. ВАРЛАМОВА

СВИДЕТЕЛЬ — ТЕЛЕФОН?

«Перестройке нет альтернативы». Эта расхожая фраза вряд ли соответствует действительности. Альтернатива есть. Это реанимация застоя, или «второе издание» сталинского террора, обновленная Советская власть, или буржуазная демократия, или... реставрация монархии. Точнее, без альтернатив нет перестройки. Ибо только свободный выбор дает возможность (хотя и не гарантирует) принять правильное решение. И сегодня Верховный Совет СССР, избранный на альтернативной основе, выбирает предлагаемые ему альтернативные решения стоящих перед страной проблем. Как правило, варианты решения имеют форму альтернативных законопроектов. Порой такие проекты появляются раньше официальных, тогда их точнее называть инициативными.

Два крупнейших юридических научных учреждения страны — Институт государства и права АН СССР и Всесоюзный институт проблем укрепления законности и правопорядка Прокуратуры СССР проявили инициативу и подготовили свои проекты Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (в варианте ИГПАНа — Основы уголовно-процессуального законодательства). Ученые этих институтов готовили проекты независимо друг от друга, а завершив работу, встретились в Московском Доме ученых, чтобы вместе со специалистами-практиками обсудить, каким быть уголовному процессу, обосновать свою точку зрения, выслушать оппонентов. Предлагаем сокращенную стенограмму этой встречи. Из многочасового обсуждения мы выбрали лишь те фрагменты, которые затрагивают ключевые вопросы, интересующие каждого.

В разговоре приняли участие: профессор В. М. САВИЦКИЙ (Институт государства и права АН СССР, руководитель авторского коллектива), доктор юридических наук А. М. ЛАРИН (тот же институт), профессор А. Д. БОЙКОВ (Всесоюзный институт проблем укрепления законности и правопорядка Прокуратуры СССР, руководитель авторского коллектива), профессор А. И. МИХАЙЛОВ, профессор В. Б. АЛЕКСЕЕВ, кандидат юридических наук О. Э. СОКОЛЬСКИЙ (тот же институт), член Харьковского областного суда Е. А. МИРОШНИЧЕНКО, сотрудник Секретариата Верховного Совета СССР, кандидат юридических наук Л. К. САВЮК, профессор Н. В. РАДУТНАЯ и кандидат юридических наук Л. Б. АЛЕКСЕЕВА (Всесоюзный институт усовершенствования работников юстиции Министерства юстиции СССР), профессор С. Е. ВИЦИН (Московская высшая школа милиции МВД СССР), кандидат юридических

наук В. П. БОЖЬЕВ (Академия МВД СССР). Вели заседание председатель правовой секции Дома ученых, заслуженный деятель науки РСФСР профессор С. Н. БРАТУСЬ и член правовой секции профессор А. Б. САХАРОВ.

В. Савицкий. Прежде всего надо сказать, почему нам вдруг понадобилось создать новый уголовно-процессуальный закон. Какие причины породили необходимость этого закона? Причины лежат на поверхности. Сейчас, пытаясь разрушить административно-командную систему, мы гораздо глубже, чем после XX съезда партии, выяснили, что происходило у нас в страшные годы культа личности, да и в последующий период, в так называемые годы застоя. На XIX партконференции было наконец открыто сказано, что наш суд не является независимым. Он забит, задавлен, им помыкает любой, имеющий хоть какую-то власть, прежде всего партийные и советские функционеры, все кому не лень. И вот когда мы узнали, ну если не все, то многое о тех чудовищных репрессиях, которые происходили в нашем неправовом тоталитарном государстве, и публично проклинали их, тогда и возникла необходимость радикально изменить прежнее положение суда, сделать его настоящим Судом, с большой буквы, истинным гарантом прав человека. Без этого никакое правовое государство невозможно.

Я убежден, что важнейшим рычагом судебной реформы является уголовно-процессуальный закон. Весь пакет законов, принятых в последнее время и направленных на реализацию правовой реформы — о судостроительстве, о статусе судей, об ответственности за неуважение к суду и другие, — неподвижен, статичен без правоприменительной деятельности самого суда. Динамизирует весь этот пакет очень важных и нужных законов именно процессуальная деятельность, которая регламентируется уголовно-процессуальным законом. Отсюда его особая значимость. От того, каким будет этот закон, зависят и престиж суда, и обеспеченность прав граждан, одним словом, состояние законности в государстве.

Все это мы имели в виду, когда три года назад начали работать в институте над проектами Основ уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Оба эти проекта опубликованы отдельной книгой, а проект Основ, кроме того, в журнале «Советское государство и право» № 2 за 1990 год. Все наши мысли, все наши формулировки, вложенные в проекты, мы подчинили одной цели — гуманизации, демократизации, законности судебной процедуры.

А. Бойков. Извините, Валерий Михайлович, что перебиваю, но мне хотелось бы подчеркнуть важность такого направления. Именно гуманизация, демократизация заложены в основу представленных проектов. Что же касается конкретно нашего документа, то его основная цель — защита прав личности. В соответствии с этим мы пересмотрели определение задач уголовного судопроизводства, что, естественно, отразилось и на правовом статусе участников процесса.

В статье 2-й ныне действующих Основ уголовного судопроизводства в качестве задач процесса формулируются требования быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был бы привлечен к уголовной ответствен-

ности и осужден. Но ведь это не столько задача, сколько способ решения каких-то других более важных социальных проблем. Таких, например, как защита человека от посягательств на его честь и достоинство, жизнь и здоровье, личную и имущественную неприкосновенность. Ну и, разумеется, защита государственного и общественного строя, прав и законных интересов государственных, кооперативных и иных общественных организаций. Именно так мы и сформулировали задачи уголовного судопроизводства в своем проекте. Думается, если вся судебная система, все правоохранительные органы будут ориентированы на защиту интересов конкретного человека, то мы сможем уйти от сложившегося ныне далеко не гуманного положения, когда коллективные интересы превалируют над индивидуальными, когда интересы отдельной личности приносятся в жертву государственным интересам.

Как же отразился новый подход к задачам уголовного судопроизводства на всем содержании проекта? (Кстати, он опубликован в № 3 журнала «Социалистическая законность» за 1990 год).

Прежде всего это сказалось на положении потерпевшего. Теперь он становится более полноправной фигурой в процессе. В соответствии с действующим законодательством потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен физический, моральный или имущественный вред. Мы же считаем, что потерпевший есть не только тогда, когда преступление закончено, вред причинен, но и в случае покушения на преступление, когда интересы человека были поставлены под реальную угрозу. Поэтому первое, что мы сделали,— это расширили понятие «потерпевший». Затем ввели дополнительные гарантии, обеспечивающие своевременное признание гражданина потерпевшим на более ранних этапах расследования дела. Ведь сейчас потерпевший появляется как процессуальная фигура, как правило, лишь после составления обвинительного заключения, когда расследование уже практически закончено. А до этого реально существующий потерпевший официально таковым не является и никакими процессуальными правами не пользуется.

Далее. Сейчас допускается прекращение уголовного дела по так называемым нереабилитирующим основаниям: в связи с привлечением лица к административной ответственности, в связи с передачей материалов дела на рассмотрение товарищеского суда или комиссии по делам несовершеннолетних, в связи с передачей лица, привлеченного к уголовной ответственности, на поруки общественной организации или трудовому коллективу, а также за истечением сроков давности и в связи с актом амнистии или ввиду помилования. Но если обвиняемый против такого прекращения возражает, то производство по делу продолжается в обычном порядке и окончательное решение выносит суд. Сейчас у нас так прекращается почти полмиллиона уголовных дел. Мнение же потерпевшего в этих случаях не учитывается. Он может, конечно, потом жаловаться. Но жаловаться у нас, как вы знаете, можно до бесконечности. Мы же заложили в проект, что без учета мнения потерпевшего дело по нереабилитирующим основаниям прекращаться не может. Возражает потерпевший, будьте любезны, ведите дело в обычном порядке, чтобы потерпевший мог себя защитить.

В. Савицкий. Если мы уже перешли к изложению основных положений проектов, то свой комментарий я считаю нужным начать не с потерпевшего, а с обвиняемого. Вряд ли кто-либо станет упрекать меня в том, что я недооцениваю горести потерпевшего.

Еще в 1963 году я написал вместе с И. И. Потеружей первую в нашей литературе монографию о потерпевшем, потом опубликовал научно-популярную брошюру в помощь гражданам, пострадавшим от преступников. Так что, кто есть потерпевший и какова степень его защищенности, я знаю. И все же главное в процессе — ограждение прав того, чья судьба решается в конкретном уголовном деле. Уверен, что этому должно быть уделено первостепенное внимание.

Помните, по телевидению показывали фильм «Софья Петровна». В этом тяжелом фильме меня поразили не столько факты вопиющего беззакония 37-го года, о которых мы уже достаточно знаем, сколько один маленький, как бы проходной эпизод. Софья Петровна, главное действующее лицо фильма, говорит соседке по коммунальной квартире: «Моего сына, Коленьку, арестовали». И та ей отвечает: «Ну что ж, значит, виноват, у нас зря не арестовывают». Вот это самое страшное — вера обывателя в непогрешимость власти, вера, которую породила тоталитарная административно-бюрократическая система. Вбили в голову: органы не ошибаются, раз арестовали — все, виновен. Отзвуки этого опаснейшего стереотипа до сих пор встречаются не только у граждан, но и у должностных лиц разных уровней, в том числе и у работников правоохранительных органов. И вот чтобы искоренить такое правосознание, необходимы действительные гарантии для подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

Под этим углом зрения мы и разрабатывали наш проект, в котором все посвящено одной стержневой линии — защитить человека, заподозренного в преступлении, создать надежные гарантии установления истины. А отсюда и задачи уголовного процесса, сформулированные в проекте, — не только найти виновного, но и реабилитировать невиновного, если он был привлечен к уголовной ответственности. Отсюда и принципы процесса: презумпция невиновности, состязательность сторон, уважение достоинства личности... Все это в совокупности служит главному — достижению объективной истины. Ведь и защита прав потерпевшего полностью зависит от того, насколько правильно, истинно установлен виновный. Если будет несомненно доказано, что именно этот человек совершил преступление, скажем, кражу, то его наказание и взыскание с него имущественного ущерба в пользу потерпевшего будут законными и справедливыми. А если накажут невиновного? Неужели государству безразлично, с кого взыскать ущерб, лишь бы остался доволен потерпевший? Не надо путать причину и следствие, первоначальное и производное. Здесь мы с вами стоим на разных позициях. И это сказалось, в частности, в том, что в нашем проекте раздел об участниках процесса начинается с изложения правового положения обвиняемого, а в вашем — потерпевшего (я, естественно, имею в виду тот проект, который обсуждался на заседании Ученого совета Института Прокуратуры СССР).

А. Бойков. Разумеется, и в нашем проекте Основ не обойдена вниманием личность человека, привлеченного к уголовной ответственности. Сейчас актуальна проблема защиты прав подозреваемого и обвиняемого на ранних этапах расследования. Мы предусмотрели достаточно широкий «веер» прав подозреваемого, расширили само это понятие. Сейчас подозреваемый появляется в процессе в результате задержания или применения в качестве меры пресечения заключения под стражу. Мы предусмотрели еще два основания — явка с повинной и факт возбуждения дела против конкрет-

ного лица. Появилась фигура защитника подозреваемого с широким комплексом прав. Хочу подчеркнуть, что и в наш проект включены нормы об уважении личности, об объективности и беспристрастности, состязательности, презумпции невиновности.

Л. Алексеева. Считаю в принципе неверным дебатировать по поводу того, чьи интересы — потерпевшего или обвиняемого необходимо прежде всего защищать. Правосудие должно защищать любые законные интересы. На защиту интересов потерпевшего направлена вся деятельность по изобличению лица, совершившего преступление, и его наказанию. Другое дело, что нынешний закон содержит определенные резервы, позволяющие усилить защиту интересов потерпевшего. Но это, на мой взгляд, не дает оснований для конструирования новой концепции уголовно-процессуального законодательства, которое опиралось бы на идею первоочередной защиты потерпевшего от преступления.

А. Бойков. Вернусь к уже упоминаемому вопросу о прекращении дел по нереабилитирующим основаниям на стадии предварительного следствия. Мы долго спорили о том, следует ли его сохранять. И пришли к тому, что прекращать дела по этим основаниям должен не следователь, а суд. Но судебная процедура должна быть упрощенной. Нельзя судей к тому, что у них уже есть, заваливать еще и такими делами. Судебная система с этим просто не справится. Нам процедура прекращения дел по нереабилитирующим основаниям видится примерно так: по представлению следователя, органа дознания или прокурора дело рассматривается в распорядительном заседании суда, и если суд найдет представление о прекращении дела обоснованным, то выносит соответствующее определение, а если необоснованным, то возвращает дело на доследование, и дальше оно движется в обычном порядке: составляется обвинительное заключение и направляется в суд. При этом в распорядительное заседание суда вызываются заинтересованные стороны: и потерпевший, и обвиняемый. И их мнение учитывается. Думается, это более демократический порядок, направленный на укрепление законности.

Ведь сейчас, если посмотреть состояние работы органов МВД по прекращению дел по нереабилитирующим основаниям, — картина страшная. Если закон предусматривает прекращение в таком порядке лишь дел о малозначительных преступлениях, то на практике какие только дела не прекращаются: и о кражах, и об ограблениях, и о получении взяток. Создана великолепная питательная среда для злоупотреблений, для нарушения законности. Поэтому этот порядок надо поставить под строгий контроль суда — раз, и заинтересованных лиц — два.

А. Ларин. Я полагаю, что вопрос о личности в уголовном процессе — это прежде всего вопрос о личности обвиняемого. Хотя бы уже потому, что по многим делам потерпевшего вообще нет. Скажем, дела о хищении государственного имущества, об измене Родине и т. д. Да и вообще суд судит обвиняемого и лишь как результат защищает потерпевшего. И вся проблема в том, как судят обвиняемого, как его подводят к суду. Здесь есть масса деталей. В них-то все и дело. Можно сколько угодно распевать «я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» и под это пение строить концлагеря, пытаться, постановлять неправомерные приговоры и вообще казнить без всяких приговоров.

Итак, о деталях. Здесь уже говорилось, что действует у нас

статья 5¹ Основ уголовного судопроизводства, которая позволяет следователю признать человека виновным по своему, так сказать, внутреннему убеждению и направить дело, например, в комиссию по делам несовершеннолетних. А комиссия эта, в свою очередь, загонит без суда этого несовершеннолетнего в так называемое воспитательное учреждение, где он будет лишен свободы. Вот так. И вы слышали, как лихо авторы проекта, подготовленного в Институте Прокуратуры СССР, предлагают преодолеть ту пропасть, которая существует между конституционной нормой, запрещающей кому бы то ни было, кроме суда, признавать человека виновным в совершении преступления, и существующим порядком прекращения дел по нереабилитирующим основаниям. Как? А вот как: опять без приговора, в упрощенном порядке, без исследования доказательств. Только теперь еще приведут за шиворот в суд этого самого обвиняемого и решат в его присутствии. Будто от этого у него появятся дополнительные гарантии. Но всему миру известна только одна гарантия от необоснованного обвинения. Это гласное, состязательное судебное разбирательство. А мы говорим, что у нас суды и так делами завалены. Но ведь наша страна отстает по очень многим показателям, в том числе и по числу судей на душу населения. Здесь мы где-то на пятидесятом месте в списке государств. Мы старательно экономим на правосудии. А потом удивляемся: что это происходит у нас с законностью?!

А. Михайлов. Бесспорно, любой закон — это прежде всего забота о личности. Но по-разному можно подойти к этой проблеме.

В стране пока не ликвидирована преступность, напротив, она растет, причем много преступлений остаются нераскрытыми. Поэтому закон должен вооружить правоохранительные органы правовой нормой, используя которую следователь, прокурор и суд смогут эффективно бороться с преступностью. Это и будет всемерная охрана прав личности. А выпячивать в уголовном процессе только обвиняемого неправильно. А где жертва преступления? Почему все внимание только обвиняемому? Это срабатывает синдром культа личности.

Или вот говорят: застойный период. А на мой взгляд, принятые тогда и ныне действующие Основы уголовного судопроизводства — в принципе хороший закон. Беда в том, что он грубейшим образом нарушался. Отсюда и все беззакония, произвол.

Я не буду подробно говорить о нашем проекте, остановлюсь только на некоторых положениях, которые регулируют порядок предварительного следствия. Знаете ли вы, что по сравнению со всем миром, всеми прогрессивными демократическими странами, где тоже существует проблема преступности, наша милиция, наш следователь совершенно безоружны. У нас нельзя при определенных условиях организовать прослушивание телефонных переговоров, нельзя при определенных условиях использовать в качестве доказательств видеозаписи, киносъемку и т. д. В то время как в Москве, например, зарегистрирован случай, когда рэкетеры, используя новейшие достижения лазерной техники, сидели в машине у здания Петровки, 38 и слушали, как ведется в кабинете следователя допрос их предводителя. А что есть у нашего следователя? Ничего! У нас на такие средства — табу! Мы считаем, что необходимо расширить применение в процессе расследования достижений современной науки и техники. Поэтому в своем проекте мы предусмотрели возможность (разумеется, при соблюдении определенных га-

рантий, с санкции прокурора или суда) по делам об опасных преступлениях прослушивание телефонных переговоров у обвиняемых, подозреваемых и лиц, причастных к совершению преступлений, а также возможность использовать в качестве доказательств результаты применения в ходе оперативно-розыскных мероприятий видеозаписи, звукозаписи и иной техники. Эти средства применяются во всем мире и ни в коей мере не входят в противоречие с гарантиями прав обвиняемого. Просто они позволяют реально вести борьбу с преступностью.

А. Ларин. Сейчас часто пугают ростом преступности. И действительно, она растет, что, кстати, совершенно естественно. Когда в магазинах пусто, то тащат со складов, с производства. Всегда так было, есть и будет. Между тем уровень уголовной преступности у нас еще не достиг того пика, который был лет 15 назад. Хотя рост есть, конечно. После того как сбили алкогольную преступность, а потом опять дали попить вдоволь, люди стали пить с удвоенной силой. Отсюда, в частности, и рост преступности. Это все естественно, так и должно быть по законам криминологии. Опаснее другое. Под предлогом усиления борьбы с преступностью сеется паника, вводятся новые должности, создаются новые управления и другие административные структуры, раздаются призывы ужесточить законодательство. КГБ, например, бросается на борьбу с преступностью, вместо того чтобы заниматься своими непосредственными делами.

И вот теперь это предложение о прослушивании телефонов. А что, собственно, такого, говорят, что особенного. Ну, подумаешь подслушали. Мы в западных фильмах постоянно видим, как это делается. Все вроде бы хорошо. Да ничего хорошего в этом нет! Говорят, в США это давно практикуется. Но не все же, что есть в США, обязательно хорошее. Совсем не обязательно тащить к нам из-за рубежа всякую гадость. Тем более, что и в США резко критикуют эту практику, дорогостоящая она и неэффективная. Об этом писал, в частности, очень компетентный человек — бывший министр юстиции США, он же генеральный прокурор Кларк. Подслушивание — это ведь по сути то же самое, что и арест корреспонденции, который у нас давно существует. Я сорок лет изучаю уголовные дела, много лет сам работал следователем, но ни разу не видел, чтобы из анализа перехваченной переписки была извлечена какая-то польза, добыты таким путем какие-нибудь веские доказательства.

Понимаете, сидеть в теплом, светлом кабинете и придумывать такие вот законы гораздо проще, чем учить оперативный, следственный состав сложному искусству расследования. Вы же знаете, что непрофессионализм в МВД достиг крайних степеней. Оно буквально наводнено выдвиженцами из сокращаемого партийного аппарата. Это у них фантазия работает именно в таком направлении, они-то и выдумывают такие законы, демонстрируя видимость активной деятельности. Говорят, большинство за прослушивание телефонных разговоров. А кто они, это «большинство»? Пришли на совещание в Минюст СССР генералы и полковники из аппарата МВД и образовали большинство. Невольно вспоминаются стихи Алексея Константиновича Толстого: «Отдаю юстицию под надзор полиции». Вот примерно такая ситуация и получается.

Я всеми силами намерен бороться против подобных новаций в уголовном процессе. Ничего, кроме усиления социальной напря-

женности, это не даст. Общество, в котором буквально каждый может быть подслушан, подсмотрен, подслежен, утрачивает человеческий облик, незаметно, постепенно, но утрачивает. Где уж тут говорить о правовом государстве.

С. Вицин. Но не будем забывать, что в правовом государстве должна обеспечиваться эффективная борьба с преступностью. Почему недопустимо прослушивать телефонные разговоры, фиксировать на видеозапись преступные действия? Считаю, допустимо. И нужно! И мы к этому придем. Но только делать это надо не под контролем прокуратуры, а с разрешения суда. Такая гарантия более надежна.

В. Савицкий. Вопрос очень серьезный, он касается конституционного права граждан на тайну телефонных переговоров. Хочу напомнить, что впервые запрет нарушать эту тайну появился в Конституции СССР 1977 года. До этого была фигура умолчания. Подслушивают нас или не подслушивают, можно было только гадать. Но поколения советских людей, хорошо усвоившие на своей шкуре, что такое ОГПУ, НКВД и КГБ, никогда не позволяли себе говорить по телефону лишнее, слишком велика была опасность отправиться в турне на Соловки или в Магадан. Подслушивали тайно, и даже циничный палач Берия не решился эту практику обнародовать, закрепить ее в законе. И вот теперь, когда мы начинаем строить правовое государство, создавать гражданское общество, в котором личная жизнь человека — святая святых, когда Конституция прямо запретила шпионить за людьми с помощью телефона, нам вдруг предлагают на все это наплевать, все это забыть и официально разрешить «компетентным органам» подслушивать телефонные переговоры, а потом использовать в суде подслушанное как доказательство. Причем заниматься подслушиванием можно, оказывается, и месяц, и два, и даже полгода.

Против такого предложения надо категорически возражать. 70 с лишним лет мы боролись с преступностью — и боролись в целом достаточно успешно, обходясь без подслушивания чужих разговоров. Сейчас ссылаются на вроде бы новое обстоятельство — появление организованной преступности. Но это ложь — она была у нас всегда! Просто широкая публика об этом не ведала — ведь мы жили в закрытом обществе. Ссылка на новую ситуацию — лишь предлог для оправдания слабого профессионализма следственных органов. Наивно тешить себя надеждой, что стоит ввести подслушивание телефонных переговоров, как тотчас все преступные планы станут известны следователям. Неужели организаторы и члены преступных групп такие дураки?! Да они и сейчас используют для связи гораздо более совершенные технические средства, чем телефон. А если, не дай Бог, примут и опубликуют закон, разрешающий подслушивание, так они к телефону и близко не подойдут — ныне газеты читают все. Так что это будет выстрел впустую. А вот для нас, для нормальных, честных граждан, такая мера равносильна удару в спину. Мы слишком хорошо помним липкую, давящую атмосферу прошлых лет, поэтому и сейчас, пользуясь телефоном, не один раз предупредим собеседника; «Это нетелефонный разговор». По-прежнему боимся, страхуем себя от неприятностей. А после принятия такого закона личная жизнь каждого из нас вообще может оказаться беззащитной, под прозрачным колпаком.

С. Вицин. Не могу с вами согласиться. Честному человеку нечего бояться, его телефон не станут прослушивать...

В. Савицкий. Это вы знаете, что вы честный, а вот знает ли это следователь или работник милиции? Неизвестно, какие поступили к нему «сигналы», нередко они бывают предвзятыми и просто ложными. А для их проверки ваши разговоры начнут прослушивать... Ведь ограничений никаких не предлагается: сторонники этой меры настаивают на прослушивании разговоров не только подозреваемых и обвиняемых, но и «иных причастных к преступлению лиц». А что значит «причастен»? Кто это будет определять? В контексте нашего разговора нет слова, более страшного в своей многозначности. Говорят: гарантия — разрешение суда. Это иллюзия. Наш все еще зависимый, покорный суд, если к нему обратится прокурор или сотрудник КГБ, МВД, всегда даст разрешение, не вникая в существо вопроса. Да и во что вникать, если речь идет о некоей безбрежной «причастности» к преступлению...

Разумеется, мои возражения не касаются случаев, когда о прослушивании своего телефона просит сам потерпевший. Человек подвергается телефонному хулиганству, его шантажируют, у него вымогают деньги и т. п. — ясно, что здесь прослушивание правомерно и необходимо. И главное — оно не ведется тайно от потерпевшего, он знает об этом и хочет этого.

Вообще я глубоко убежден, что моральное здоровье общества несравненно более высокая ценность, чем сомнительная возможность с помощью телефонного аппарата поймать какое-то число преступников. Но узаконение подслушивания — это прямой путь к очередному нагнетанию страха, недоверия, подозрительности, от которых только-только начинает избавляться наш страдавший народ. Вот почему в нашем проекте нового закона нет да и не могло быть такого «доказательства», как тайно подслушанные телефонные переговоры¹.

Е. Мирошниченко. Сейчас в Верховных судах и Союза ССР, и каждой союзной республики идет пересмотр дел прошлых лет, когда тысячи людей были незаконно репрессированы. Во многих из этих дел можно найти такие документы (показания): «Я сидел в одной камере с таким-то и он сказал, что является агентом японской (польской, немецкой, английской...) разведки». И все. Чьи показания? Гражданина икс. Он следствию не предъявлен. А человека, на которого такие «показания» получены, репрессируют. И вот сейчас нам предлагают, в сущности, такую же схему, только на современной технической основе: в камеру к подозреваемому подсаживают другого человека и записывают их разговоры на магнитофон или на видео. Потом человек, который участвовал в этих разговорах и по сути провоцировал их, естественно, исчезает, разыскать его милиция почему-то не в состоянии. И вместо допроса этого человека в

¹ Уже после проведения публикуемой здесь дискуссии законопроект о внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, в том числе и о легализации прослушивания телефонных переговоров, был представлен в Верховный Совет СССР. При раздельном голосовании по палатам Совет Национальностей отклонил статью 35¹, предусматривающую возможность прослушивания. Тогда была создана согласительная комиссия палат, и в результате 12 июня 1990 года Верховный Совет СССР принял указанную норму. Однако это лишь временная мера, которая не снимает актуальности обновления Основ уголовного судопроизводства в целом. Думается, при рассмотрении проектов нового уголовно-процессуального закона депутаты еще раз обсудят целесообразность легализации этих источников доказательств. (Прим. редакции).

суде нам предлагают считать видео или магнитофонную запись таких разговоров в камере доказательствами. Я в корне с этим не согласен. Подслушивайте, подглядывайте, фотографируйте, но только для лучшего ориентирования — где, когда, кого искать. То есть в чисто оперативных целях. А в суд будьте добры представить не эти агентурные данные, а настоящие доказательства, которые можно проверить. Иначе что получается — опять идем к тому, против чего боролись.

А. Михайлов. Ну не надо так драматизировать ситуацию. Сейчас решен вопрос о допуске защитника к участию в деле с момента задержания, ареста или предъявления обвинения. Это важная гарантия от всяких злоупотреблений, в том числе и при использовании технических средств.

А. Бойков. Кстати, решение о введении в уголовный процесс защитника с момента задержания или ареста организационно и экономически не подготовлено. Сразу возникает вопрос, не превышает ли это наши возможности? Конечно, превышает.

В. Божьев. Сейчас во всем мире очень хорошо воспринимается высказывание М. С. Горбачева о том, что политика — это искусство возможного. Я думаю, что в правовом государстве законотворческий процесс — это тоже искусство возможного. В действующем процессуальном законодательстве немало мертвых норм. Это и право следователя принести возражения прокурору, и право защитника участвовать при рассмотрении дела в надзорной инстанции, и многое, многое другое. Возможно, эти нормы и украшают уголовный процесс, но не имеют никакого практического значения.

Вот и нынешние решения по поводу более раннего участия защитника в деле и о суде присяжных могут стать подобными «украшениями». Это образчики спешки, неглубокой проработанности вопроса. Достаточен ли у нас для их реализации судейский корпус? Нет, и в качественном, и в количественном отношении. Достаточно ли материально обеспечены суды? Нет. Очень важно не только удачно класть на бумагу норму, но и продумать, как она будет работать на практике.

Е. Мирошниченко. Что касается практики, то у нас сейчас в Харьковском областном суде слушается четыре крупных дела. Это минимум на полгода. Нам уже звонят с предприятий — верните народных заседателей. И мы просим чуть ли не на коленях: «Не забирайте заседателей, нельзя прерывать процесс». Подобные сложности постоянны. И это когда состав суда — председательствующий и два народных заседателя. А если будет 12 присяжных? Кто будут эти присяжные? Пенсионеры? Людям же с производства нужно средний заработок платить — 20—25 рублей в день. Под силу это нашему государству?

Теперь посмотрите, в каком ужасном состоянии находятся наши суды. В Харьковском областном суде на 28 работников, участвующих в процессах, всего 4 зала заседаний, а мы должны рассматривать 7—8 дел ежедневно. Где тут размещать присяжных заседателей?

Н. Радутная. Изучив оба проекта, я не нашла в них нового решения одного важного вопроса, который стал для нас традиционным, в то время как в других странах он просто не возникает. Я имею в виду предусмотренную действующим законом и проектами возможность для суда вернуть дело прокурору на дополнительное расследование. Во имя достижения так называемой объектив-

ной истины долго и упорно ищем и разыскиваем доказательства, что неизбежно приводит к обвинительному уклону. Возможность направить дело на следствие развращает суд — это очень удобный способ уклониться от вынесения приговора. Возможность получить дело от суда развращает прокурора и следователя — можно спокойно потом прекратить его. Так, по данным ученых из Куйбышевского университета, 57 процентов дел, направленных судами на следствие, были прекращены без производства каких бы то ни было новых следственных действий. Я обращаюсь к авторам обсуждаемых сегодня проектов: дорогие товарищи, подумайте, надо ли нам и дальше сохранять в законе институт следствия. Ведь это какой-то анахронизм! Если обвинитель не смог, не захотел, не сумел, наконец, представить суду убедительные доказательства виновности подсудимого, а суд непосредственно в судебном заседании не имел возможности выяснить то, что не выяснил следователь, значит, нужно вынести оправдательный приговор. Другого выбора быть не должно. Только так мы научим судей быть самостоятельными и независимыми. Подумайте над этим.

В. Савицкий. Думали, Нонна Викторовна, и не один раз. Звучит это очень привлекательно: раз вина не доказана, значит, надо оправдать. А вот почему не доказана? На этот вопрос не всегда можно ответить однозначно. Иногда следствие сделало все возможное и даже невозможное, а доказательств мало. Тут, конечно, надо выносить оправдательный приговор. Но бывает, что пробелы очевидны, просто малоопытный следователь их не заметил. Неужели и в этом случае подсудимого отпускать с миром? Так мы с вами можем дров наломать, а виновные скажут нам спасибо. Видимо, надо попытаться сократить, свести до минимума перечень оснований, по которым суд вправе направить дело на следствие. Но полностью избавиться от этого нам сейчас, думаю, не удастся.

В. Алексеев. Мне хочется сказать об ответственности ученого за решения, которые иногда с нашей подачи принимаются. Речь пойдет прежде всего о решениях, связанных с защитниками и присяжными заседателями. То, что эти нормы введены в закон так непрофессионально, это страшно. Их предложили юристы, а депутаты легко с ними согласились. Между тем предлагать такие новеллы, я убежден, было преждевременно. Их место не в законе о судостроительстве, а в Основах уголовного судопроизводства — это же очевидно. Но меня беспокоят даже не эти нововведения. Неужели на таком непрофессиональном уровне будут решаться и другие, более важные, более жизненные для советских граждан вопросы — по экономике, аренде, предприятиям, кооперативам, собственности и т. д.? Мы, юристы, должны быть более ответственными консультантами законодателя. Иначе нам не будут верить.

О. Сокольский. Я думаю, не стоит так уж посыпать голову пеплом. Далеко не всегда виноваты юристы. Вспомним, как проходил закон о нетрудовых доходах, инициатором которого был Гейдар Алиевич Алиев. Мы тогда предсказывали, что в результате будут бабок с пучками редиски гонять. Так оно и получилось. Или возьмем закон о создании временных комитетов по борьбе с преступностью — как он проходил, какие ученые принимали участие в его создании? Включили в состав таких комитетов и судей, не посчитавшись с их независимостью. Судьи могут рассказать, как решения комитетов оформлялись через обкомы и потом присылались в областные суды. Так какие ученые здесь виноваты? И какая ответствен-

ность ученых должна быть? А все дело в том, что инициатива в подготовке законопроектов до последнего времени принадлежала не депутатам и тем более не ученым-юристам, а руководящим партийным функционерам. Поэтому я думаю, что ученым не надо так уж отчаянно рвать на себе одежду. Нужно поскорее принять закон о порядке подготовки законов — это главное.

В. Савицкий. Конечно, расширение права обвиняемого на защиту, допуск защитника к участию в деле с момента задержания, ареста или предъявления обвинения, создание суда присяжных — новации трудно реализуемые. Но важно начать.

Нам нужно в наших, отнюдь не тепличных условиях всеми мерами поднимать роль суда. Вводить и укреплять судебный контроль на всех этапах расследования уголовного дела, не только — подчеркиваю — не только по окончании следствия, но и в самом ходе его, когда можно незамедлительно исправить ошибки, не доводя их до абсурда. Это предполагает контроль суда за законностью отказа в возбуждении уголовного дела (на практике — тысячи таких злоупотреблений), контроль суда за законностью арестов, за законностью прекращения дел на предварительном следствии и др.

Суд — главный, решающий орган в уголовном процессе. Это положение необходимо четко зафиксировать в законе. В основе демократической судебной процедуры лежит принцип состязательности, который позволяет обвинению и защите вести спор на равных.

Иногда говорят: как вы можете ставить на один уровень прокурора — представителя государства и подсудимого? Неужели прокурор должен на равных вести состязание с явным жуликом, бандитом, убийцей? Да, на равных! Иначе никакое правосудие невозможно!

Часто спрашивают, не принижает ли последовательное проведение принципа состязательности роли суда? Отнюдь. Вспомните, каждый судебный процесс начинается словами: «Слушается дело по обвинению...» Слушается! Вот и пусть суд слушает. Больше слушает и меньше говорит. Говорить, спорить должны стороны.

Установление истины должно зависеть в первую очередь от качества обвинения и защиты. Если плохой обвинитель не смог доказать вину подсудимого, не дело суда брать на себя его обязанности. Результатом должен быть оправдательный приговор.

А. Бойков. Состязательность как принцип процесса сомнений не вызывает. Вопрос в том, как понимать роль суда в условиях состязательного процесса. Здесь есть два подхода. В проекте Института государства и права состязательность доводится до английского правила: если обвинитель отказывается от обвинения, суд выносит оправдательный приговор. Это крайность. Мы понимаем состязательность иначе. Судьбу человека должен решать суд, а не обвинитель и защитник. А это предполагает активность суда на протяжении всего процесса, а не роль пассивного «слушателя».

Л. Алексеева. Мне хочется вернуться к вопросу о суде присяжных. Я никогда не разделяла оптимизма относительно немедленного введения такого суда, полагая, что в нынешний во всех отношениях кризисный момент жизни нашего общества отдавать решение вопроса о вине и наказании подсудимого практически целиком в руки общественности достаточно рискованно, особенно если учесть, что речь идет о преступлениях, за которые подсудимому угрожает смертная

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Какой ей быть в правовом социалистическом государстве?

Вряд ли ныне кто усомнится, что наша уголовная юстиция резко хромает на обе ноги. Она слабо защищает общество и граждан от преступных посягательств. Не лучшим образом защищает от произвола властей и гражданина, вовлеченного в орбиту уголовного процесса. В особенности в ходе дознания и предварительного следствия. Чтобы радикально выправить серьезное неблагополучие, сложившееся в этой области государственной деятельности, предлагаются разные пути. В ходе судебно-правовой реформы самое время внимательно присмотреться к некоторым из них, способны ли они оправдать возлагаемые на них надежды.

Всех нас сильно беспокоит рост преступности в стране. Резко растет число тяжких насильственных действий, усиливается агрессивность и жестокость преступников. Наблюдается все большее сращивание уголовных элементов с дельцами «теневой экономики». Продолжается рост организованной преступности, в особенности «рэкета». Определенная часть обнаглевшей организованной преступности становится более опасной не только для населения (среди преступников-профессионалов есть лица, способные стать наемными убийцами, запросто проиграть жизнь человека в карты и т. п.), но и для самой милиции, для следователей, прокуроров и судей (чаще стали убийства милиционеров, угрозы убийством, захват заложников и т. п.).

Всевозрастающий массив преступлений, а также усложнение ряда из них в отношении раскрываемости зачастую превышают физические возможности существующих оперативных и следственных аппаратов. Вследствие этого темп остатка нераскрытых преступлений почти в три с половиной раза начинает превышать темп вновь регистрируемых, а сам остаток растет словно снежный ком.

ПОМОГИТЕ СЛЕДОВАТЕЛЮ!

Жесткость и четкость требований нашего законодательства к некоторым источникам доказательств (прежде всего к документам) значительно ниже, чем в ряде зарубежных стран. Вследствие чего по широте круга допускаемых в суде доказательств мы не только не уступаем мировым стандартам, но в ряде случаев и превосхо-

дим их. Между тем достигший непомерных размеров массив дел о нераскрытых преступлениях продолжает быстро расти. В таком случае, очевидно, не имеет под собой никакой основы постановка вопроса о дальнейшем расширении круга допустимых в суде доказательств. Коренные причины низкой эффективности расследования надо искать в чем-то другом.

Причины эти видятся прежде всего в крайне отсталых, архаичных формах организации и деятельности наших органов расследования, а также в крайней бедности их обеспечения всем необходимым. Пора набраться смелости и признать — наше нынешнее расследование преступлений есть, в сущности, значительно ухудшенный вариант того, что было в данном отношении в России примерно сотню лет тому назад.

Достаточно сказать, что в России согласно закону следователя мог назначить на должность либо отстранить от нее только царь, а не начальник управления или прокурор, как это делается пока у нас. Далее, при назначении на должность следователь в России был жалован по меньшей мере шестым классным чином, что соответствовало воинскому званию и положению полковника или капитана первого ранга. Разумеется, за сим следовало и полковничье обеспечение. В частности, царскому следователю не было нужды задумываться ни о приличном жалованье и жилье, ни о всех других необходимых условиях для нормальной работы (рабочий кабинет, личный транспорт, секретарь, курьер и т. п.). Ничего этого ему не приходилось выпрашивать у чиновника, как приходится поступать нашему иному следователю. Все это тогда гарантировал ему сам закон. Наш же следователь — это по преимуществу милицейский лейтенант или даже младший лейтенант со всеми вытекающими отсюда последствиями. У него обычно нет ни своего приличного рабочего места (и он вынужден вести допросы в общей комнате порой вместе со многими другими следователями, где они зачастую мешают друг другу), ни других нормальных условий для работы, не говоря уже о приличном материальном обеспечении его самого и его семьи. Все он вынужден выпрашивать, и все им командуют.

Теперь относительно форм организации и деятельности органов расследования. В России, как известно, в ходе реформы 1864 года существенно был преобразован суд, который оказался в значительной мере освобожден от довлевших над ним раньше архаичных, средневековых инквизиционных начал и форм. В отношении расследования тогда более или менее решительно подобных преобразований осуществить не удалось, и над ним вплоть до Великого Октября продолжали во многом довлеть отжившие средневековые инквизиционные начала. Если, к примеру, организационно следователи были отделены от органов розыска, то функционально следствие от розыска полностью так и не было отделено. Достаточно четкой грани между этими двумя видами деятельности провести так и не удалось. В результате и в пореформенной России никто не мог толком определить, где кончается розыск (сыск) и где начинается следствие в собственном смысле. Между тем следствие и розыск — различные виды деятельности. У них качественно различны непосредственные цели и задачи, соответственно качественно различными должны быть принципы, формы, методы и средства решения задач. Качественно иными должны быть осуществляющие их органы: следствие должен осуществлять специфический орган юстиции — следователь, а розыск — особые органы администрации в лице детекти-

вов, судебной полиции (как их обычно именуют за рубежом), служб нашего уголовного розыска и т. п. В России так и не удалось создать ни более или менее действенного розыска, ни сколько-нибудь приличного следствия. Раскрываемость преступлений всегда была весьма низкая, и расследование в целом было предметом постоянных нареканий.

То же самое, в сущности, можно сказать и о нашем расследовании. Уже не единожды на самом высоком уровне оно расценивалось как самое слабое звено системы нашей уголовной юстиции. Таковым оно остается и по сей день, ибо фактически унаследовало самое худшее из того, что было в данном отношении в России. Как тут не вспомнить горький упрек В. И. Ленина в адрес Наркомюста, высказанный в одном из писем Д. И. Курскому: «Мы переняли от царской России самое плохое.., от чего мы буквально задыхаемся, а *умного* перенять не сумели».

Утро нашей уголовной юстиции было многообещающе. В первые же месяцы после Великого Октября, а именно 31 января 1918 года, Совет Народных Комиссаров провозгласил весьма важное демократическое начало, которому может позавидовать любое правовое государство — о точном разграничении функций учреждений розыска и пресечения, следствия и суда.

К сожалению, развитие нашего общества и государства, а тем самым и юстиции, в особенности уголовной, пошло по иному пути. Сначала все спутала гражданская война, осложнившаяся интервенцией. Затем после небольшого всплеска демократии в первые годы нэпа начала всячески уродовать юстицию, приспособлять ее к своим нуждам и интересам ставшая набирать в стране силу административно-командная система. Не успела молодая юстиция как следует встать на ноги, сплотиться под эгидой единого ведомства юстиции с тем, чтобы превратиться в авторитетную судебную власть, способную реально олицетворять власть закона, как ее начали расчленять по частям и растаскивать по ведомствам. Возвращать, в сущности, к тем варварским средневековым формам, в которых она пребывала в дореформенной еще России.

Уже в середине 20-х годов на V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции идею о том, чтобы следователь был независимым от органов розыска и администрации вообще судебным деятелем, А. Я. Вышинский демагогически охарактеризовал как точку зрения «старого буржуазного права». На месте независимой от сыска и органов исполнительной власти вообще уголовной юстиции он предложил заложить «первые камни того строения», которое, по его мнению, должно было вытянуться «в совершенно стройную систему, идущую от агента дознания через следователя к прокуратуре». «Агент розыска, агент дознания, следователь и прокуратура, — вещал тогда Вышинский, — вот единая и цельная система, она сплошная колонка». На том же съезде по докладу Вышинского было решено приравнять дознание, розыск к следствию с тем, чтобы собираемые в ходе дознания и розыска материалы приравнять к доказательствам по уголовному делу.

На «камнях» заложенного по инициативе Вышинского «фундамента» через несколько лет вопреки Конституции Советского государства были созданы многочисленные органы внесудебной и квазисудебной расправы, которые по варварству и жестокости, пожалуй, превзошли и саму «святую инквизицию».

От крайностей сталинско-бериевской инквизиции мы, слава Богу, избавились. Осуждены на самом высшем уровне внесудебные массовые репрессии периода сталинизма. Признаны антиконституционными действовавшие в 30—40-х и начале 50-х годов «тройки» НКВД — УНКВД, коллегии ОГПУ и «особые совещания» НКВД — МГБ — МВД СССР. Отменены все вынесенные этими противозаконными органами решения. Но корни варварских инквизиционных начал, однако, еще глубоко сидят в ряде звеньев нашей уголовной юстиции, в особенности в области расследования преступлений. Как и свыше ста лет тому назад, у нас никто толком не может сказать, где кончается сыск и где начинается предварительное следствие, то есть уголовное судопроизводство в собственном смысле. Причем неопределенность эта заложена в самом законе.

К примеру, задачу раскрытия преступлений, которую в цивилизованных странах давно уже принято решать специальными, по-современному хорошо организованными и прекрасно технически оснащенными сыскными службами (именуемыми обычно детективами, криминальной или судебной полицией), наш закон фактически в одинаковой мере возлагает не только на органы розыска и дознания, но также на следователя, прокурора и даже суд. Мало того, что подобное положение закона на практике плодит безответственность и неразбериху, ибо давно известно, что у семи нянек дитя без глазу. Оно питает извращенное, пещерное правосознание, согласно которому оказывается вполне естественным делом соединить сыск с правосудием, а данные сыскных служб — соответственно признавать судебными доказательствами. Да притом еще при непременном условии, как недавно было предложено на страницах одного нашего солидного юридического журнала, чтобы следствию и суду законом было категорически запрещено «допрашивать работников МВД о конкретных обстоятельствах получения таких доказательств».

Действующее законодательство, отдавая дань давно отжившим инквизиционным началам, крайне нерационально распределяет права, обязанности и ответственность между органами розыска и следователем. Тем, кто сталкивался с расследованием преступлений, прекрасно известно: когда преступление тщательно готовят и совершают втайне опытные преступники, действующие притом сообща, организованной группой (а именно с такого рода преступлениями все чаще приходится ныне сталкиваться нашим органам расследования), то раскрыть его одними только средствами и методами следователя, действующего в строгих рамках Уголовно-процессуального кодекса, без хорошо поставленного розыска практически почти невозможно. Раскрыть такое преступление — значит сделать тайное явным, для чего приходится решать ряд сложных и важных задач. Как в интересах дела, так зачастую и в интересах самих заподозренных (поскольку первоначальное подозрение может оказаться необоснованным, чьим-либо злым наветом и т. п.) очень важно, чтобы деятельность, связанная с решением названных задач, не получила преждевременной огласки.

Всю эту трудную и сложную «черновую» работу в области расследования в странах, где достаточно развита правовая культура, обычно выполняют хорошо организованные, оснащенные передовой техникой и всей необходимой экипировкой службы розыска (или сыска) в ходе особого рода д о з н а н и я. В одних странах оно именуется «предварительным дознанием», в других — «полицейским до-

знанием», в третьих — «предследственным производством». В значительной своей части предшествуя следствию, оно представляет собой специфическую деятельность особого рода полицейских служб (криминальной или судебной полиции), осуществляемую вне рамок производства по уголовному делу.

Правовые формы подобного рода дознания позволяют проводить эффективное конфиденциальное расследование, широко применяя негласные средства и методы. С их помощью удается собирать и представлять следствию материалы и улики против заподозренных в совершении преступлений лиц, которые в ходе обычного следствия получить практически невозможно. Конфиденциальное расследование позволяет своевременно выявлять и пресекать преступные замыслы и намерения, можно сказать, пресекать преступления в самом их зародыше. Особенно оно эффективно в борьбе с организованной преступностью. Следователь при этом начинает официальное следствие только тогда, когда органы розыска и дознания соберут и представят достаточно веские материалы, на основе которых можно обоснованно обвинить определенное лицо или лиц в совершении преступления, успешно осуществлять их изобличение в содеянном.

Формы нынешнего дознания, прямо скажем, отнюдь не благоприятствуют, а скорее на каждом шагу препятствуют тому, чтобы органы розыска быстро и полно раскрывали и пресекали преступления, собирали и представляли следствию добротные материалы, позволяющие успешно изобличать преступников. Создается впечатление, словно кто-то специально постарался побольше нагромоздить здесь всяческих препятствий.

Не успеют, к примеру, органы дознания как следует обнаружить признаки преступления и лицо, его совершившее, как закон вынуждает их как можно скорее (в срок, не превышающий в большинстве союзных республик 10 дней, независимо от сложности преступного деяния и числа его соучастников) возбудить уголовное дело и тем самым фактически преждевременно раскрыть перед преступниками свои карты. Уже само по себе это зачастую обрекает дальнейшие розыски на явный неуспех. Но этого оказывается мало.

Вопреки элементарному здравому смыслу, не считаясь с реальными трудностями и основными принципами розыскного выведывания, закон обязывает возбужденное дознание по проведении некоторых неотложных следственных действий не позже 10 дней (опять не считаясь со сложностью дела и независимо от того, удалось ли обнаружить заподозренных в преступлении лиц и собрать веские улики) передать дело следователю. Правда, закон при этом формально не снимает с органа дознания обязанности продолжать поиски преступника и уведомлять об этом следователя. Однако что толку от такой формальной обязанности, коли, в сущности, закон позволяет органам розыска, умыв руки, взвалить фактически всю тяжесть дальнейших розысков на плечи следователя, который для решения подобного рода задач не имеет никаких реальных возможностей. Да и при самом горячем желании эффективно помочь следователю в подобной ситуации орган дознания зачастую практически оказывается уже не в состоянии. Преждевременно начатое следствие, когда оно явно не подготовлено предшествующим ему розыском, обычно подрывает основы для успеха всей последующей оперативно-розыскной деятельности органа дознания.

Бедные наши следователи. И мы еще их ругаем за необъективность. За попытки порой под давлением получить от тех или иных лиц нужные показания. А что им еще остается делать, коли мы сами их явно неразумными порядками и формами организации раскрытия преступлений и расследования дел фактически толкаем на применение незаконных методов следствия.

Хотелось бы верить — определенные позитивные сдвиги здесь можно ожидать от мер, которые намечается провести в соответствии с постановлением Верховного Совета СССР от 4 августа прошлого года «О решительном усилении борьбы с преступностью». Думается, эти сдвиги могут стать более заметны, если, не ожидая общей реформы судебно-правовой системы, в самое ближайшее время разумно перестроить наше дознание в отношении неявных преступлений. Сделать его полноценным предследственным производством, осуществляемым полностью вне рамок производства по конкретному делу, до его возбуждения.

Основной его задачей должно стать раскрытие, предупреждение и пресечение неявных преступлений и подготовка для предстоящего официального следствия добротных материалов, позволяющих изобличить любого, самого хитрого и изворотливого преступника. Могут ли стать такие материалы юридическими доказательствами по уголовному делу, должен решать не сам орган дознания, но следователь, а в конечном счете — суд. Такое дознание должно проводиться полностью под контролем прокурора, который устанавливает сроки его проведения в зависимости от сложности преступления, числа соучастников и т. д. Естественно, что для всего этого, в том числе для эффективного применения органом дознания научно-технических средств и надежного закрепления собранных в ходе расследования данных, потребуются солидная нормативно-правовая база, которую нужно создать в самое ближайшее время.

Вслед за реформой дознания о неявных преступлениях следует, видимо, подумать и относительно создания у нас дознания в отношении явных преступлений и принять предложение многих юристов о выделении из всех уголовно-наказуемых деяний **уголовных проступков**. И этим мы освободим следователей от всякого рода «мелочевки», позволим им сосредоточить усилия на более сложных уголовно наказуемых деяниях.

А СУДЬИ КТО?

Важнейшие целевые функции уголовного судопроизводства: обвинение, защита и разрешение дела по существу (правосудие) — явно несовместимы между собой в силу их совершенно разной (у обвинения и защиты прямо противоположной!) целенаправленности. Потому законодатель вполне оправданно возлагает их на разных субъектов, ни в коем случае не допуская, чтобы кому-либо пришлось выполнять несовместимые функции или обязанности. Обвинение на суде от имени государства поддерживает прокурор, от общественных организаций и трудовых коллективов — выделенный ими представитель. В некоторых случаях это может делать потерпевший или его представитель. Защиту осуществляют сам подсудимый, его защитник, а в ряде случаев также общественный защитник. Судебное разбирательство в целом строится таким образом, что в нем вообще закон ни на кого не возлагает,

несовместимых функций. Другими словами, здесь никто не ставится в положение, чтобы, как говорят в народе, пришлось «гоняться за двумя зайцами...»

Правильное, рациональное распределение функций в системе судебного разбирательства позволяет обвинению и защите выступать перед судом в качестве равноправных сторон, эффективно состязаться между собой в поисках истины. Состязательное построение судебного разбирательства — одна из важнейших гарантий объективного, полного и всестороннего исследования обстоятельств дела, установления по нему объективной истины и вынесения справедливого, правосудного приговора.

Тем же целям призвана служить и организация управления всем ходом судебного разбирательства. Целевая функция управления в данной системе имеет одинаковую направленность с функцией правосудия, то есть вполне с ней совместима. Потому законодатель вполне обоснованно возложил все бразды правления в судебном разбирательстве на суд во главе с председательствующим.

Закон обязывает его принимать все необходимые меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины. Устранять из судебного разбирательства все, не имеющее отношения к делу, и обеспечивать воспитательное воздействие процесса. Наиболее важные вопросы управления ходом судебного разбирательства (о допуске или об отводе участвующих в деле лиц, о допустимости представляемых материалов в качестве доказательств, разрешение заявленных ходатайств, об отложении дела и т. п.) суд решает коллегиально. Суду здесь принадлежит последнее, решающее слово не только по вопросам существа разрешаемого дела, но и по всем вопросам порядка и хода самого процесса. В этом смысле можно сказать: суд и только суд на данной стадии (как, впрочем, и на всех последующих судебных стадиях процесса) — полный и единственный «хозяин дела».

Бюрократическая административно-командная система словно бульдозером прошла по самым корням нашей общей, а вместе с тем правовой и политической культуры. Она чудовищно изуродовала правосознание людей и всю нашу юстицию в целом.

Учреждая прокуратуру в России, Петр I мыслил себе прокурора как «око государства». Ленин стремился сделать прокурора «оком пролетарского государства». Административно-командная система превратила его, однако, фактически в собственное «недреманное око».

Приспособленец Вышинский, пожалуй, одним из первых подметил, что проделать такое с прокурором куда проще, чем с судом. И он немало способствовал тому, чтобы отделить прокуратуру от судебной системы и от всей остальной юстиции в целом. Превратить прокуратуру из органа юстиции, то есть слуги закона, по существу, в одно из административных ведомств, в верного слугу административно-командной системы. Противопоставить тем самым прокурора суду и вместо него «хозяином дела» на предварительном следствии поставить прокурора.

Как только у нас это произошло, «хозяйничать» на предварительном следствии, командовать следователем, в сущности, попирая закон, стали не только прокуроры, но практически и многочисленные начальники из состава чиновников партийной и государственной администрации. Производство предварительного следствия во многом попало во власть чиновничьего усмотрения, а тем самым во власть

случая. Оно стало плохо управляемой, если не сказать, почти неуправляемой деятельностью.

Административно-командная система широко распространила свои грубые командные методы и на такую весьма деликатную область деятельности, как судопроизводство, где они явно противопоказаны.

Открыто столь грубое вмешательство администрации в судопроизводство разрешалось разве лишь в средневековом инквизиционном процессе. Даже Сталин и Берия о допустимости подобного рода мер в нашем судопроизводстве предпочитали стыдливо умалчивать в открытых узаконениях и подзаконных актах. К примеру, они не пошли в 1938 году на то, чтобы открыто узаконить следователей в органах НКВД, обладавших до этого лишь правами органов дознания, и ввели их тогда совершенно секретными подзаконными актами. Дремучее правовое невежество щелоковых, брежневых и иже с ними позволило им без капли стыда открыто узаконить «карманных» следователей в органах внутренних дел и право различных административных должностных лиц командовать следователями.

Положение нашего прокурора на предварительном следствии весьма противоречиво. К примеру, утверждая обвинительное заключение, он выступает в роли обвинителя. Разрешая жалобы на действия органа дознания, следователя и нижестоящего прокурора, отменяя постановления этих лиц, прекращая производство по уголовному делу и т. п., он осуществляет судебные функции. Закон позволяет ему частично или полностью заменять следователя по любому делу. Наконец, прокурор вправе давать указания следователю, отстранять его от ведения дела, а прокурор определенного ранга — даже наказать следователя или отстранить его от должности. И в таком случае прокурор, в сущности, выступает как типичный администратор, верный слуга административно-командной системы, последовательный проводник повсюду насаждаемых ею командных средств и методов.

Совершенно ясно, что возложенные на прокурора функции явно несовместимы между собой. Тем более недопустимо, чтобы прокурор, как «око Советского государства», призванное, как подчеркивал Ленин, «делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике», выступал не только в роли судьи, но и в роли администратора. Известно, что Ленин был категорически против предоставления ему этих функций.

Еще более противоречивым и неопределенным по сравнению с прокурором является положение нашего следователя. На его плечах еще больше явно несовместимых функций. Он у нас буквально оказывается и швец, и жнец, и на дуде игрец.

С одной стороны, от него закон требует, чтобы он был такой же беспристрастный, объективный и всесторонний исследователь обстоятельств дела и доказательств, как и судья, то есть в сущности возлагает на него судебную функцию. Судебную функцию он вынужден выполнять и управляя в определенных пределах ходом производства по делу: признавая и приобщая к делу в качестве юридических доказательств представляемые ему материалы, разрешая заявленные ходатайства и допуская для участия в деле потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, а также представителя, руководя ходом производства многих следственных действий и принимая меры к обеспечению всестороннего, полного и

объективного исследования обстоятельств дела и установлению истины по делу и т. п.

С другой стороны (и в то же время!), всецело на его плечах лежит тяжкое бремя изобличителя обвиняемого (и подозреваемого), то есть, в сущности, почти целиком в течение всего следствия функция обвинителя. У нас именно следователь, а не прокурор или кто-либо иной полностью формулирует, формирует и обосновывает обвинение в ходе следствия. Он же, а не прокурор, ведет порой тяжкие изнурительные поединки на допросах с обвиняемым, стремясь иногда во что бы то ни стало (а что ему еще остается делать за неимением добротных материалов, которыми его из рук вон плохо снабжают органы розыска и дознания) обосновать истинность сформулированного им же самим обвинительного тезиса. (И после этого у нас еще хватает смелости обвинять следователя в необъективности, в обвинительном уклоне и т. п.)

С третьей стороны, он сам (поскольку многие дела о неявных преступлениях закон требует возбуждать, не дожидаясь обнаружения виновного и необходимых материалов для его обоснованного обвинения) вынужден восполнять зачастую весьма существенные пробелы розыска и дознания, то есть фактически выполнять функцию сыщика или детектива. Недаром же его у нас, даже в литературе, именуют детективом. Между тем для тех, кто понимает это, следователь и детектив — далеко не одно и то же.

Наконец, с четвертой стороны, наш следователь пока что остается фактически одним из послушных винтиков административно-командной системы, ее пленником и своего рода заложником. Практически он до сих пор во всех отношениях зависит от многочисленных административных чиновников. Так и не получил обещанной ему после XX съезда КПСС законом самостоятельности при принятии решений о направлении следствия и производства следственных действий.

Поскольку важнейшие процессуальные функции для главных деятелей предварительного следствия (прокурора и следователя) у нас оказались нарезаны и распределены бессистемно и безалаберно, то, в сущности, на данной стадии судопроизводства мы не имеем пока не то что судьи или суда, призванного эффективно управлять ходом процесса, но и сколько-нибудь приличного обвинителя, изобличителя. Функция обвинения, изобличения виновного на предварительном следствии поставлена у нас крайне неудовлетворительно.

Но там, где нет судьи и обвинителя, вряд ли нужен и адвокат-защитник. Помимо того, что у нас пока некому платить адвокату на предварительном следствии, ему там не с кем и состязаться. Разве что со следователем? Но это уже не состязательность, а явная помеха следствию, карикатура на состязательность.

Не разобравшись как следует в сути многих застарелых проблем нашего предварительного следствия, не определив диагноз его хронической болезни, некоторые ничтоже сумняшеся спешат прописать ему и радикальное лечение. Одни склонны прежде всего сыскать где-то более подходящее место для следователя, чтобы он стал действительно самостоятельным и объективным деятелем. К примеру, давно предлагается создать в стране специальный комитет, в котором сосредоточить всех следователей. Других привлекает идея наряду с нынешним следователем учредить еще и некоего «следственного судью».

Вряд ли сторонники подобного рода идей и предложений вполне осознают, как усердно, в сущности, они пекутся о дальнейшем укреплении всем нам осточертевшей административно-командной системы, фактически изобретают для нее новые подпорки. Нельзя не видеть—всякое новое дробление и так уже значительно раздробленной и растащенной по ведомствам сильно ослабленной юстиции, создание в стране новых, обособленных правовых ведомств и структур ведет лишь к дальнейшему усилению вредного противостояния внутри самих стражей закона, а тем самым ко все большему ослаблению уже сильно ослабленной власти закона. Кому не ясно, что неизбежное противостояние по ряду существенных проблем законности таких наших обособившихся ведомств, как Минюст, Верховный суд и Прокуратура СССР, укрепляет отнюдь не власть закона, а скорее власть чиновников и ведомств. Недаром Ленин и его сторонники, стремясь последовательно провести в стране принцип единства законности, одновременно старались не дробить юстицию по ведомствам, а сосредоточить ее под эгидой единого авторитетного ведомства юстиции. Административно-командная система, наоборот, наплодила нам в области юстиции несколько различных обособленных ведомств. Свою разрушительную работу в данном отношении она продолжает и сегодня.

Что касается места, где быть следователю, все зависит от того, каким он у нас будет, какими функциями и каким статусом его необходимо наделить, а также от того, каким быть самому следствию, если мы хотим, чтобы оно отвечало требованиям социалистического правового государства.

Думается, верный ответ на поставленные вопросы дает сама жизнь: следствие правового государства должно строиться на единых началах, что и судебное разбирательство, а также все уголовное судопроизводство в целом, то есть по образу и подобию главной, решающей стадии процесса. Естественно, что предварительное следствие должно быть в полной мере состязательным.

Предварительное следствие правового социалистического государства должно быть четко ограничено от предшествующих ему розыска и дознания. Оно должно начинаться не ранее обнаружения органом дознания признаков преступления и лица, его совершившего, надежного закрепления следов преступления, собрания и представления прокурору достаточно полных и проверенных материалов, позволяющих обоснованно обвинить и успешно изобличать определенных лиц в совершении преступления. На прокурора в ходе следствия должна быть полностью возложена функция поддержания обвинения и изобличения виновных. Прокурор в соответствующих случаях должен иметь право и обязанность заявить и поддерживать гражданский иск, поскольку эта функция вполне совместима с функцией поддержания обвинения. Адвокат должен допускаться для участия в деле с самого начала предварительного следствия, без каких бы то ни было ограничений. Обвиняемый и его защитник должны иметь право участвовать в любых следственных действиях, активно состязаться с обвинителем в поисках истины. Для участия в следственных действиях должны быть значительно расширены права потерпевшего и его представителя.

Следователь должен стать в полной мере беспристрастным, объективным, всесторонним исследователем обстоятельств дела и всех доказательств. Он, а не прокурор должен быть наделен функцией

управления ходом производства следственных действий и всего производства по делу на данной стадии процесса в целом. Он в той же степени, как и судья, должен быть независим и самостоятелен при принятии решений о направлении следствия и производстве следственных действий, подчиняясь только закону. Следовательно, а не кто-либо иной, должен обладать необходимыми правами и полномочиями, чтобы эффективно руководить производством следственных действий, в том числе и состязанием сторон, принимать все законные меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины, устранять из исследования все, не имеющее отношения к делу, и обеспечить воспитательное воздействие предварительного следствия.

Наиболее важные вопросы, касающиеся как существа расследуемого дела, так и управления ходом процесса (прекращение производства по делу, рассмотрение и разрешение жалоб на следователя, прокурора или орган дознания, разрешение наиболее важных ходатайств, особенно в сложных случаях, продление сроков следствия и содержания лиц под стражей и т. п.), должны решаться судом коллегиально. Суд и только суд должен стать единственным полноправным «хозяином дела» и на данной стадии уголовного судопроизводства. Исключительно ему и здесь должно принадлежать последнее, решающее слово по любым спорным вопросам существа дела и хода самого процесса. Чтобы избежать какой-либо предвзятости в судебной деятельности при такой конструкции предварительного следствия и судебного надзора за следствием, надзорные функции за следствием и разбирательство того же дела, по существу, должны осуществлять разные составы судебных коллегий.

Нетрудно заметить, что в предварительном следствии, построенном на началах судебного разбирательства, не остается места и совершенно надуманной фигуре так называемого «следственного судьи». При этом легко и логично решается застарелый вопрос, где быть следователю. Поскольку последний здесь становится полноправным судебным деятелем, то и место его не иначе, как при соответствующем суде, а отнюдь не в каком-то комитете.

А. ТРУСОВ,
член научно-консультативного Совета
при Верховном суде СССР

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

Прокурор г. Кыштыма (Челябинская область) младший советник юстиции В. Смолинский прислал ответ относительно проверки жалобы Э. Аникина, проведенной по просьбе редакции.

Э. Аникин писал о том, что земельный участок изъят у него, как он считает, незаконно. Проверка, которую провела городская прокуратура, выявила несостоятельность обвинений Э. Аникина в адрес правоохранительных органов. Можно, разумеется, понять желание горожанина иметь свой участок земли, но нельзя при этом нарушать закон: выявлен факт самовольного захвата земли Э. Аникиным. Участок этот будет передан садоводческому обществу «Ми-чуринец», определяется порядок пользования им.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ СЛУЖБА:

КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ?

Хочу сообщить, что опубликованная в вашем журнале (№ 3, 1990 год) статья А. Пчелинцева «Свобода совести и... воинский долг» не осталась незамеченной.

Высказанное в ней (а также в ряде других публикаций, появившихся последнее время в прессе) предложение о введении у нас в стране института альтернативной или, как еще ее иногда называют, замещающей службы привлекло внимание народных депутатов. В Верховном Совете СССР при Комитете по делам молодежи создана рабочая группа по подготовке проекта Закона СССР об альтернативной службе, возглавляемая народным депутатом В. П. Золотухиным. Майор юстиции А. Пчелинцев и автор этой статьи включены в ее состав.

Уже сегодня ясно, что нашей рабочей группе придется столкнуться со многими трудностями: от оргвопросов до мировоззренческих позиций возможных оппонентов. В частности, весьма непросто осуществить правовую регламентацию определения истинности религиозных убеждений юноши, отказывающегося от военной службы. Желających уклониться от воинской службы у нас и сейчас достаточно, а тут такая возможность открывается... Однако институт альтернативной службы (гражданского служения, «замещающий» службы и т. д.) наряду со всеобщей воинской обязанностью успешно действуют в Бельгии, ФРГ, Дании, Франции, Греции, Италии, Нидерландах, Норвегии, Португалии, Испании, Польше, Чехословакии, Венгрии.

Во всех этих странах с учетом национальных особенностей удалось разработать действенные способы предупреждения возможных злоупотреблений правом отказаться от воинской службы. Спектр таких способов достаточно широк. Многие из них можно использовать и у нас. Например, приглашение экспертов в суд, поручительство за призывника со стороны религиозных общин или пацифистских организаций, более продолжительный по сравнению с воинской срок альтернативной службы и т. д. Необходимо предусмотреть в проекте и уголовную ответственность за уклонение от прохождения альтернативной службы, халатное выполнение обязанностей или самовольное оставление места ее прохождения. Например, в Польше за самовольное оставление места прохождения замещающей службы и невозвращение к месту работ юноша может быть наказан лишением свободы на срок до восьми лет.

М. ТИМОФЕЕВ,
капитан III ранга

СВИДЕТЕЛЬ — ТЕЛЕФОН?

(Окончание. Начало на стр. 24)

казнь или длительное лишение свободы. И суть моего упрека авторам проекта состоит преимущественно в том, что, добиваясь введения суда присяжных, они тем не менее не только не разработали подробной процедуры деятельности такого суда, но и не предусмотрели принципиально важных вопросов пересмотра приговора, вынесенного судом присяжных, оставив в неприкосновенности существующий порядок, который явно не подходит для вердикта присяжных.

Н. Радутная. Считаю своим долгом поддержать основные положения демократического проекта, подготовленного Институтом государства и права, в том числе и о суде присяжных. Конечно, не все в нем сформулировано достаточно детально и точно. Это не так страшно. Важно, что теперь у нас есть законодательная база для дальнейшего совершенствования уголовного процесса.

Л. Савюк. На протяжении всего нашего обсуждения я не мог отделаться от впечатления, что мы с вами, товарищи, оторвались от реальной жизни. Дело заключается в том, что сейчас законодательная работа совсем не та, что была раньше. Раньше депутаты только одобряли все предполагаемые проекты, ни над чем не задумываясь. Сегодня они все осмысливают, во все вникают. Вот вы предлагаете два альтернативных проекта. А почему не три? А сколько проектов придет в Верховный Совет СССР — пять, десять? И что будет делать Верховный Совет с этими десятью альтернативными законопроектами? Ведь среди народных депутатов СССР всего 62 юриста! Дайте им лучше один проект, но добротный, продуманный, чтобы не было недоразумений.

В. Савицкий. Простите, Леонид Корнеевич, но то, что вы говорите, даже слушать как-то неудобно. Дай Бог, чтобы больше было проектов в Верховном Совете. Чем больше возможность выбора, сопоставлений, сравнений, тем оптимальнее будет конечное решение. А вы связываете количество проектов с числом юристов. Это же беда, несчастье наше, что в высшем законодательном органе страны всего три процента юристов. Но это, к сожалению, факт. Значит, тем более важно, чтобы у депутатов было на руках несколько альтернативных законопроектов. Тогда недостаток юридических знаний будет в какой-то степени компенсироваться широтой выбора.

От редакции. Нельзя не согласиться с В. Савицким: вероятность выбора оптимального решения той или иной проблемы прямо пропорциональна количеству рассмотренных вариантов. Поэтому и ученых, работающих над проектом Основ уголовного судопроизводства, и наш журнал интересует твое, читатель, мнение по затронутым в ходе обсуждения вопросам. Ждем письма.

Материал подготовили
Н. ГАЛИНА, С. ВАЛЕРЬЕВ

СВОИ — ТЯКИЕ ЧУЖИЕ

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

— Не трогай ничего! — нервно закричала на малышку молодая мама. — Здесь так грязно! — И она, подхватив с затоптанного паркета ребенка, потащила его от высокого окна с широченным подоконником. На нем, как на неприбранном столе, валялась забытая кем-то из посетителей игрушка — кукла в замаранном платице.

Девчушка расплакалась и продолжала ручонками тянуться к пластмассовому человечку. А я, оглядев сумрачный, скудно обставленный мебелью вестибюль областного суда, его серые от пыли потолки и выкрашенные в тоскливый желтый цвет стены, почувствовал спасительное облегчение от мысли, что волен в любой миг, послав все подальше, покинуть это здание. И ничем мне этот поступок, никакой неприятностью грозить не будет.

В вестибюле сидели вдоль стен, толпились возле дверей кабинетов, залов заседаний, ходили из угла в угол люди. Они в своих поступках не были так вольны, как я.

* * *

История эта, закончившаяся много позже в зале судебных заседаний, началась лет двадцать с небольшим назад. Однажды на танцах, в Доме культуры села, что со временем оказалось в черте города Астрахани, к черноволосой, стройной тогда девушке с живыми карими глазами подошел высокий парень. Он был крепко сложен и недурен собой. Только глаза так дерзко смотрели, словно он не девушку собирался пригласить на танец, а готовился к драке.

Зульфие* он не понравился именно дерзким взглядом, и она отказала ему. Роман в первый раз молча стерпел отказ. А когда объявили следующий танец, подойдя к ней вновь и цедя каждое слово, упредил отказ: «Не пойдешь со мной — пожалеешь!»

Зульфия, посмотрев ему в глаза, испугалась.

Этот страх засел в ней на всю жизнь. Когда Роман, где назойливыми ухаживаниями, где откровенными угрозами, склонил ее к браку и они поженились, страх заменил любовь.

Из показаний свидетелей о Роме Рашидове.

...Сам он никого не боялся, так как был физически здоровым. У него была кличка «Черный»...

Сначала их семья держалась на страхе. Потом на ее любви к родившемуся ребенку и уже двойном страхе — за себя и за него: затем к страху примешалась сила привычки и меркантильные соображения.

Роман поколотит, но Рома же и задарит.

Делалось это примитивно просто. Даже сложился своеобразный тариф: легкая ссадина, синячок — флакончик духов, дешевенькая

* Имена и фамилии героев изменены.

бижутерия; кровоподтек или шишка — подарок подороже; а за серьезную трепку Рома расплачивался золотишком: то сережки, то колечко, то перстенок.

Раза два-три Зульфия отважилась уходить от мужа. Забирала ребенка — и к матери. Запирались втроем и сидели в бабушкином доме: тише воды, ниже травы. А Роман ходил вокруг да около и караулил момент, чтобы заглянуть Зульфие в глаза своим бешеным взглядом. И когда это ему удавалось, чувствовала она, как леденеет все у нее внутри и душа уходит в пятки.

Как кнутом, гнал ее Рашидов этим взглядом: возвращалась Зульфия к нему в дом. На какое-то время все успокаивалось и затихало до следующего скандала. Случилось в начале их семейной жизни событие (подробнее об этом несколько позже), когда можно было все круто повернуть. Но и тогда не хватило Зульфие решимости начать все заново.

Так и жили Рашидовы.

Так и растили свою единственную дочь — Сабину.

Она появилась на свет девятнадцать лет назад. Росла бойкой и здоровенькой девочкой, повадками напоминавшая мальчишку. Это больно отозвалось в Рашидове-отце. Он мечтал о сыне, но жизнь распорядилась иначе.

Дочь в семье чаще всего ближе к матери. Это легко объяснимо, и большинство отцов воспринимают такое со спокойным сожалением. Роман же воспринял как личное оскорбление, нанесенное не судьбой, а женой. Как еще одно доказательство неприязни к нему.

Рашидов не смог полюбить свою дочь. Первое время девочка не понимала этого, но, подрастая и чувствуя холодность отца, начала его избегать, каменела от его редких ласк, подолгу жила у бабушки. Роман посчитал это заговором жены и дочери против него. Вражда между близкими делалась все ожесточеннее, как полая вода, подмывая семейный дом Рашидовых.

Роман стал чаще пускать в ход кулаки, уже не заботясь об «откупе». Зульфия научилась мстить ему по-женски изворотливо. Но дом, нажитый скarb, автомашина, а главное, страх продолжали крепко держать жену и дочь подле мужа и отца.

В физике это называется состоянием неустойчивого равновесия. А раз оно неустойчивое, то когда-то...

Пришло это «когда-то» к Рашидовым. Много безрадостных дней было в их семье, но самый черный ждал впереди.

После бесед и разговоров с людьми, близко знавшими Рашидова, мне не составило большого труда мысленно прожить тот мартовский день вместе с Романом.

Он, отработав вахту, сел в поезд, идущий из Аксарайска — район Астраханского газоперерабатывающего комплекса — в Астрахань. Вахта выдалась похожей на многие другие. С рабочей суетой, с вялым переругиванием в конце смены.

Характеристика на Рашидова.

...За время работы показал себя с хорошей стороны, в бригаде пользуется авторитетом и уважением. Закрепленный за ним автопогрузчик содержит в технически исправном состоянии... неоднократно награждался премией. Занимался общественной работой. Морально устойчив...

Работать Рашидов привык (рос в многодетной семье, где дел каждому было по горло) и, привыкнув, во взрослой жизни не давал себе в труде поблажек. Но, окончив вахту, не любил вспоминать

о работе. Любил Роман другое. Зарабатывать деньги. Много денег. Не получать, а именно зарабатывать, чтобы не чувствовать себя зависимым, чтобы не слышать ни от кого никаких упреков. На что уж непробиваемые люди в бухгалтерии — и те не рисковали связываться с Рашидовым — ошибаться в начислении зарплаты.

Отработанные дни тяжким грузом лежали на Романе недосыпом и физической усталостью. Но все это скрашивало удовлетворение от сознания, что в сумке с бельем надежно упрятан солидный заработок за минувшие полмесяца. И еще приятно грела мысль, что впереди несколько дней, когда он поработает не на государство, а на себя.

Я вообразил, как в мыслях об этом Рашидов поплотнее запахнулся в полупальто из черного искусственного меха — в вагоне пригородного поезда не разжаришься — и, откинувшись на спинку жесткого сиденья, попытался задремать.

Повторяя несколько месяцев спустя тот рашидовский маршрут, я отчетливо представил, как стрелки часов показывали одиннадцатый час ночи, когда Роман, сделав пересадку, вышел из автобуса на остановке поблизости от дома. В салоне было душно и воняло бензином. Рашидов, поправив шапку, с наслаждением вдохнул свежий воздух. На улице пахло вскопанной землей и навозом, чувствовалось, что соседи даром времени не теряли — усиленно перекапывали огороды, готовясь к базарно-овощному сезону.

«Надо Колька-зятка под этим подписать. Ему, бычаре, здоровья не занимать, пускай попашет. Узнает, как «рванный» дается, а через деньгу... Рупь, он черта полюбить заставит», — рассуждал Рашидов, шагая по скользкому от грязи тротуару.

Из темноты возникли двое...

Здесь нам вновь придется возвратиться лет на двадцать назад. Когда Рашидовы играли свадьбу, еще две семьи, имеющие отношение к нашей истории, отмечали радостные события. В семьях астраханцев Александровых и Юрьевых праздновали пополнение.

Коля Александров и Зиновий Юрьев родились в одном роддоме, росли и воспитывались в одном микрорайоне. Даже их детские садики располагались поблизости и были похожи, так как строились по одному проекту. Кажется, сама судьба позаботилась, чтобы они не разминулись в жизни и стали друзьями.

Коле не повезло с семьей. Вскоре после его рождения отец сел на скамью подсудимых. Мать развелась, воспитывала мальчика сама. Но недолго. Потом занялась устройством личной жизни и перепоручила Колю дедушке и бабушке.

Те были от внука без ума. Особенно дед. Учился Коля неровно. Деда школьные неудачи внука сильно огорчали. Но он, убедившись, что мальчику не видать медали за учебу, решил сделать все, чтобы восполнить ее отсутствие спортивными наградами. Коля виделся ему большим спортсменом, и дедушка всячески помогал ему развивать в себе спортивные начала.

Делал это не без успеха. К восьмому классу у Коли наметились весомые удачи в водном поло — он в составе сборной города среди юношей. Во многом благодаря этому Николай после восьмого класса поступает в техникум. И там спорт и дедушкины походы к начальству выручали его в моменты крупных учебных неприятностей. Деду уже стало казаться, что внук на верном пути, а его мечты близки к осуществлению.

Зиновию больше повезло с семьей. Она оказалась, что называет-

ся, благополучной. Мать с отцом дружны. Зиновий не один, в семье еще двое детей, и со всеми родители находили общий язык. Они его не считали трудным ребенком. Мальчик рос послушным, может быть, несколько замкнутым. Учился, не балуя родителей успехами, и после восьми классов со школой расстался, поступив в профтехучилище.

В какой-то момент родители заметили в поведении Зиновия что-то неладное (пало подозрение на плохую компанию), но доискаться до истинных причин не удалось, и все списали на переходный возраст. Отец не спускал с Зиновия глаз и после окончания ПТУ сам занялся его трудоустройством. Он пристроил сына в учреждение, где трудился сам, чтобы тот был на виду.

Прошло какое-то время, и родителям показалось, что все наладилось. Они успокоились.

Николай и Зиновий, как уже сказано, одноклассники, и микрорайон жилгородка Астраханского тепловозоремонтного завода слишком тесен, чтобы люди одного возраста не знали друг друга, хотя бы в лицо. А ко времени их личного знакомства и у Николая, и у Зиновия появилось общее «увлечение».

Свободное время они чаще всего проводили на танцах в Доме культуры АТРЗ. На танцплощадке они оказались в одной «команде». У каждой «команды» — свой интерес. У одной — музыка, у другой — мотоцикл, у третьей — модная одежда, у четвертой — сила мышц, у пятой — наркотики. Интересы разные, но закон один: попал в команду — живи ее интересами.

Из приговора Советского райнарсуда г. Астрахани от 25 марта 1987 года.

...Суд приговорил: Александрова Н. А. признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 224 ч. 3 УК РСФСР, — незаконное изготовление, приобретение, хранение наркотических средств без цели сбыта и назначить ему наказание 3 года лишения свободы, отсрочив на основании ст. 46¹ УК РСФСР исполнение приговора сроком на 2 года.

Справка.

Астраханская областная психоневрологическая больница сообщает, что Юрьев Зиновий Ярославович 1968 года рождения действительно с 13 ноября 1986 г. по 12 января 1987 г. находился на стационарном лечении в данной больнице с диагнозом: полинаркомания [опий, гашиш] II степени.

Николай и Зиновий выбрали наркотики.

Но как бы было просто в этой истории все списать только на наркотики — мол, накурились гашиша и вышли на большую дорогу! Трагическая, мол, случайность, приправленная запахом наркотического зелья.

...Те двое, что вышли из темноты навстречу Рашидову, как вы уже догадались, были Николай Александров и Зиновий Юрьев.

Но не наркотическое зелье руководило их действиями. Встреча не была случайной. К тому мартовскому вечеру все они были уже больше, чем просто знакомые.

Александров и Юрьев ждали Романа на перекрестке двух улиц. Они не знали, какую он выберет на пути к дому. Ждать пришлось долго, почти два часа. Скрашивали ожидание куревом и разговорами. Позже, вспоминая, они скажут, что в основном речь шла о планах на будущее. Они уверяли друг друга, что оно у них должно быть без проблем.

Рашидова парни увидели неожиданно, потому что тот пошел не по освещенной улице, как они надеялись. Но и почти наткнувшись на них в темноте, он их заметил не сразу, и у них еще оставалась возможность, притаившись, избежать роковой встречи.

Николай решил по-другому. Они вышли из засады, и Александров поприветствовал Рашидова. Роман не выказал радости от встречи, не поспешил ответить на приветствие. Николай стал объяснять ему, что послужило причиной свидания. В ответ Рашидов, уяснив суть разговора, по показаниям Александрова и Юрьева, принялся осыпать Николая бранью и оскорблениями. Тот обхватил его руками за плечи. Это было воспринято Юрьевым как сигнал к действию. Он выхватил из-под куртки молоток и ударил Рашидова по голове. От мгновенной смерти того спасла шапка. Она смягчила удар. Рашидов попытался вырваться из объятий Николая. Пока они возились, Зиновий успел нанести еще два удара: первый — в грудь сообщнику, второй — в голову Рашидову. Сила последнего такова, что рукоять сломалась. Но Роман, крича от боли, уже вырвался...

Ночная темень, скользкая дорога мешали нападавшим, но не настолько, чтобы спасти Романа. Николай первым догнал его, и, сцепившись, они упали. Побоище продолжалось на земле. Оказавшись внизу, Александров вытащил нож и пустил его в дело. Он несколько раз ударил им Рашидова. Зиновий тоже был с ножом...

Судебно-медицинская экспертиза обнаружила на теле Рашидова 22 колото-резаные раны.

Из заключения Бюро судебно-медицинской экспертизы Астраханской области.

...Проникающие колото-резаные раны грудной клетки и шеи с повреждением аорты, общей сонной артерии, сердца и легкого по признаку опасности для жизни относятся к тяжким телесным повреждениям и состоят в прямой причинной связи со смертью...

Крики нападавших и вопли жертвы привлекли внимание людей в домах. Кое-где в окнах зажглись огни, во дворах залаяли собаки. Рашидов еще был жив, когда нападавшие испугались поднятого шума и бросили его. Но никто не вышел на улицу, и скончавшийся от потери крови Роман пролежал всего в нескольких десятках метров от дома до утра.

Не хочется делать какие-либо выводы из этого факта, в который раз клеймить безразличие ко всему, что не касается нас лично. Но высказать соображения об «идеологии» такого поведения, его подоплеке, попытаюсь.

Когда я встречался с соседями Рашидова, то они вначале не понимали, о чем речь, а уяснив, заявляли: у них не принято «лезть не в свои дела», «на это есть милиция».

Каждый сам за себя...

Вспоминаю соседа — отрешенное лицо мужчины лет сорока пяти, которое не назовешь цветущим, несмотря на крепкий южный загар. Не покидало ощущение, что разговаривал он с тобой, а мысленно был где-то далеко, в своих краях и делах. Взгляд его наводил на мысли о ящике с двойным дном. Мельтешили в глазах какие-то блики, имитировавшие живизну. А в глубине — неподвижная омертвелость.

От этого начинает мне казаться... Может, все мы, как на огромном бале-маскараде нарядились, нацепили всяк свою маску и не снимаем их ни днем, ни ночью. Лишь тогда, когда прищучат нас

обстоятельства, срываем их и начинаем драться жестоко, чем попало, за кровную свою беду-обиду, начинаем голосить на всю округу, трясти, как грушу, общественность, стучаться в двери всевозможных инстанций.

Не оттого ли так трудно и медленно меняется к лучшему наша жизнь, что не спешим выбраться из нор-норушек, что не расстаемся ни на минутку с масками, что самими собой были в далеком детстве, а нынешнее детство перекраиваем на свой взрослый лад?

Неужели права популярная рок-группа, утверждающая в песне, что мы «сильны и добры лишь в общей беде»?

«Каждый сам за себя» — жил ли по такому закону Рашидов? И не стал ли он его жертвой?

Рашидов убит. За что? Каковы мотивы преступления?

Раздумывая над этим, листая документы дела, вновь ловлю себя на мысли: как просто было бы объяснить все наркотиками! Или попыткой грабежа, или злостным хулиганством... Дико, возмутительно, печально, но, к сожалению, привычно...

Так не хочется думать, что двое вполне обычных парней могут, вооружившись ножами, затаиться в засаде, поджидая не один час свою жертву и ... убить.

Нормальные ли это люди?

Из акта судебно-психиатрической экспертизы.

...Комиссия приходит к заключению, что Александров Н. А. психическими заболеваниями не страдает... В период, относящийся к инкриминируемому деянию, это видно из материалов дела и рассказа самого подэкспертного, не отмечалось у него признаков какого-либо временного расстройства психической деятельности. Он помнит детали событий того периода. Его действия носили целенаправленный характер и совершались с учетом окружающей среды.

...Юрьев З. Я. психическими заболеваниями не страдает, а является психопатической личностью возбудимого типа... В отношении инкриминируемого деяния его следует считать вменяемым.

Они вполне нормальны. Но в этой скорбной истории все много сложнее и, на мой взгляд, страшнее.

К КОМУ бежали преступники с места злодеяния?

Александров и Юрьев бежали по направлению к сельскому Дому культуры, чтобы встретиться с Сабиной, дочерью убитого ими человека.

И снова нам придется вернуться в прошлое. На этот раз на три года назад.

Сабина Рашидова и Николай Александров учились в одном техникуме, но на разных курсах. Случаю было угодно так распорядиться их судьбами, что встретились они, когда учеба Николая подходила к концу. Это произошло на молодежном вечере. Александрову приглянулась высокая, под стать ему, девушка. Они протанцевали весь вечер, а после его окончания Николай попросился в провожатые. Сабина жила в противоположном конце города, и за долгую дорогу они успели многое рассказать друг другу. Ей понравился Николай общительностью и веселостью характера, силой и уверенностью в себе. И еще. С ее ростом нелегко было подыскать хорошего партнера по танцам, а танцевать Сабина любила.

Прощаясь в тот вечер, они условились о свидании, но Сабина на него не пришла. Николай тогда был очень занят делами и не скоро выкроил время, чтобы разыскать ее в техникуме. А когда он

все-таки встретил ее через несколько дней, она вела себя с ним очень скованно. Разговаривала неохотно, на расспросы отвечала односложно. Перед Николаем был совершенно другой человек, словно не было доверительных и откровенных бесед памятного вечера.

Потом они виделись еще, но мимолетно. На все предложения Николая погулять, сходить на танцы или в кино она отвечала отказом, ссылаясь на строгость отца.

Сабина панически боялась отца. Она боялась за себя, а еще больше за мать. Рашидов все чаще бил Зульфию. Побой сопровождались издевательствами. Он считал, что Зульфия слишком часто прикладывается к рюмке: «Пьяная жена — чужая баба», — цинично, при дочери, приговаривал при побоях Рашидов. А чтоб сей «афоризм» глубже проникал в сознание супруги, вколачивал его не только кулаками, но порою и тем, что попадало под руку.

Однажды во время семейного скандала Рашидову в руки попала мотыга. Этот инструмент в руках пьяного Романа оказался страшен. Зульфия очутилась в больнице.

Из истории болезни З. Рашидовой.

...Диагноз: сотрясение головного мозга, ушибленная рана головы и 1-го пальца левой кисти, вывих ногтевой фаланги 1-го пальца левой кисти, ссадины лица и конечностей.

Отец бил мать на глазах шестнадцатилетней Сабины, а затем остался в доме один на один с дочерью — Зульфию увезла «Скорая».

Из показаний Зульфии Рашидовой.

«...Дочь рассказала, что 11 октября, когда меня муж избил, дочь хотела убежать, но муж догнал ее и сказал, чтобы она вернулась в дом. Так вот, в тот день мой муж изнасиловал Сабину, и с тех пор он с ней сожительствовал».

Метаморфоза, происшедшая с Рашидовым, которого в начале этой истории еще можно было принять за человека, деликатно выражаясь, с тяжелым характером, но уж никак не за преступника, не может быть объяснена случайностью, роковым стечением обстоятельств, минутным затмением разума.

Рашидов шел к ней долгим путем.

Кто посеял в его душе зубы дракона?

Может, это случилось еще в детстве, когда вместо беззаботных игр и забав приходилось, сцепив зубы от обиды на всех и вся, носить в тоненьких плетях рук тяжеленные ведра с водой для полива огорода?

Может быть, это сделали учительница и одноклассники, некстати посмеявшись над потертой и штопаной школьной формой?

Может, это родилось в первой по-настоящему взрослой драке, в жестокости, когда, чтобы возвыситься над другим, надо было впинать того, другого, в грязь, избить до потери сознания?

А может быть, от безвольной покорности Зульфии при первой встрече?

Помнится, в начале этой истории я говорил, что жизнь давала Зульфие возможность переменить ее жестокий семейный уклад.

Из приговора Трусовского райнарсуда г. Астрахани от 17 октября 1983 года.

...Рассмотрев дело по обвинению Рашидова Р. К. ... ранее судимого: 23 апреля 1976 года осужден Наримановским райнарсудом по ст. ст. 206 ч. 2, 109 ч. 1, 15—117 ч. 1, УК РСФСР на 5 лет

лишения свободы; освобожден в 1977 году досрочно (амнистия); 13 июня 1978 года осужден Советским райнарсудом по ст. 206 ч. 2, 218 ч. 2, УК РСФСР на 3 года 6 месяцев... установил его виновность в совершении преступления, предусмотренного ст. 206 ч. 2, УК РСФСР.

Суд приговорил: Рашидова Р. К. признать виновным по ст. 206, ч. 2, УК РСФСР и назначить наказание в 3 года лишения свободы в ИТК строгого режима.

В начале их семейной жизни Рашидов был осужден за злостное хулиганство. Получил первый срок. Зульфия на какой-то миг вздохнула свободно. Но именно на миг, потому что, во-первых, под жестоким прессом Романа она отвыкла от самостоятельности и та ее страшила, а, во-вторых, Рашидов, отбывая наказание, через родственников и друзей продолжал держать в страхе Зульфию, и она так и не решилась на расторжение брака.

Все последующие события уверенно говорят, что пребывание в местах лишения свободы не перевоспитало Рашидова, а еще тверже убедило в том, что миром правят сила и жестокость, вскормленные обладателями денег. В этом меня убедили встречи с людьми, знавшими его лично, поведение в семье и материалы дела.

Зульфия и Сабина в разговорах со мной дальше жалоб на жестокость мужа и отца не шли. Зажатые в шорах страха, они даже в мыслях не допускали защиты их кем-то со стороны, хоть теми же правоохранительными органами...

«Почему?» — не единожды спрашивал я их, но в ответ получал долгое и тяжкое молчание.

Потому что нельзя требовать от человека того, чего в нем нет, что вытапывалось в нем годами. Это только редчайшее исключение, как протест человеческого духа высочайшей пробы, пример, когда в семье потомственных алкоголиков вдруг вырастает ребенок, сознательно исповедующий трезвость. Будь по-иному — общество «Трезвость» не успевало бы оформлять членские билеты.

Семьи, подобные Рашидовым, обречены на неблагополучную судьбу потому, что отклонения в них ломают и принижают личностные качества человека, убивают веру в лучшую долю и способность бороться за нее. А если человек и решается на такую борьбу, то использует методы, которые в нем воспитали искореженные семейные отношения.

Сабина пережила случившееся с ней как во сне: словно это было не с ней, словно с кем-то... Один только раз ее сердце не выдержало свалившейся тяжести, и она рассказала обо всем куратору своей группы. Но когда та предложила пойти с ней к руководству техникума, Сабина умолила ее никому ничего не говорить, пригрозила наложить на себя руки.

Ужасное и прекрасное причудливо переплетаются в реальностях бытия. Позднее, рассказывая о пережитом, Сабина признается, что Николай, сам того не подозревая, был в те дни единственным светлым пятном в ее жизни. Отец продолжал пользоваться ее беззащитностью и страхом. Несколько облегчало ее положение то, что он вынужден был ненадолго уезжать на работу в Аксарайск. И тогда девушка немного переводила дух под тяжестью свалившегося на нее несчастья.

Николай продолжал искать встреч с ней. Их отношения крепили, а беседы становились задушевнее и откровеннее. Наступил момент, когда Николай предложил Сабине стать его женой. Но она не согла-

силась, отговорившись молодостью лет и строгостью отца. Александров проявил настойчивость и, не получив у нее ни отказа, ни согласия, решил действовать сам. Однажды, когда она была на занятиях, поехал знакомиться с ее родителями и объявил им о своем намерении жениться на Сабине.

Зульфия, возвратившаяся из больницы, уже успела почувствовать, что с дочерью творится неладное, заподозрила странность в отношениях между отцом и дочерью, а потому намерение Николая приняла благосклонно.

Рашидов встретил его, мягко выражаясь, прохладно. А в дальнейшем, когда Зульфия оставила их, Роман отозвался о супруге и дочери в таких выражениях, в каких порядочный человек не говорит даже о падших женщинах. На прощание он, в весьма грубой форме, посоветовал Николаю забыть к ним дорогу, а счастье свое искать в другом месте.

Александров, ошарашенный итогом визита и знакомства, не отказался от Сабины и своих планов. Он сумел настоять на своем, убедив девушку в искренности и серьезности своего чувства, уговорив своих родных сосватать Сабину.

Рашидов противился браку как мог. Но в конце концов молодые проявили характер и настойчивость, их объединенные усилия увенчались успехом — Николай и Сабина стали мужем и женой.

После дня свадьбы Рашидову отпущено было судьбой жить восемнадцать дней. Из документов следствия и судебного заседания, слов близких можно понять, что прожил он их не лучшим образом.

В семье Рашидовых появилась семья Александровых. Но общей семьи не получилось. Была материальная зависимость молодых от старших. Она вынудила молодых начать совместную жизнь под опекой старших. Можно спорить, чего в таком решении молодых больше — инфантильности или меркантильности, но результат совершенно ясен: зависимость усилила неприязнь. А безобразная сцена, когда Рашидов в присутствии Николая стал домогаться Сабины, переполнила чашу — молодые перебрались жить к деду Александрова.

Тогда-то Сабина, под напором расспросов Николая, призналась в вынужденной интимной связи... с отцом.

Из показаний дочери Рашидова, Сабины.

«...В октябре 1986 года меня заставил отец вступить в половой акт, то есть совершил его... еще два раза мой отец, по пьянке, совершал со мной половой акт. Про это я Николаю говорила...

Однажды, когда мы были вдвоем, я предложила убить отца, поскольку не питаю к нему чувств как дочь...»

Николай сразу и безоговорочно поверил ее рассказу.

Они «судили» Романа Рашидова на квартире Юрьевых, в комнате Зиновия. Сабина почти все время молчала, а молодые люди, захлебываясь в эмоциях, разбирали до тонкостей его поведение, припоминали его выходки, обсуждали поступки и слова, уголовное прошлое, в общем все, что запомнилось и узналось за недолгое время знакомства с Рашидовым.

А потом пришел тот мартовский день. Вечер выдался слякотным. Все вокруг было серым и промозглым. Автобусы, троллейбусы, грузовики и легковушки, разбрызгивая грязь, неслись по улицам.

Николай, Сабина и Зиновий изрядно перепачкались, добира-

ясь из жилгородка АТРЗ на окраину, где жили родители Сабины. В их планы не входило заходить к Рашидовым — о дне приезда отца с работы Сабина узнала у матери заранее. Они направились к подруге Сабины — Раисе, с которой та вместе училась в техникуме.

Рая жила через улицу от дома Рашидовых. У нее Александров переоделся в захваченную из дома куртку и переобулся в старые кроссовки (потом то и другое выбросили в туалет Дома культуры), и с Зиновием отправился подстергать Романа Рашидова.

Сабина и Рая пошли в Дом культуры на дискотеку. Они договорились, что там будут дожидаться возвращения парней.

Что случилось потом, уже известно.

Расставаться с иллюзиями всегда неприятно. Вдвойне тяжело, когда происходит это внезапно. Поэтому нам так больно сейчас сознавать, что наше общество прямо-таки пропитано насилием.

Одной из жертв насилия стал Рашидов. Древние говорили: «О мертвых следует говорить или хорошо, или ничего».

Советами древних не принято пренебрегать. Но говорить хорошо о Рашидове у меня не поворачивается язык. Попробую говорить ничего.

После вскрытия судмедэксперт записал в заключении: «Вес сердца убитого — 390 граммов».

Этими граммами жил Роман Рашидов. Как мало надо человеческому телу, чтобы жить! Всего 390 граммов! Это они поили кровью его мозг и тело, это в них вмещалась его жизнь.

И все могло быть иначе, если б сердце Рашидова весило хотя бы на гран больше. Если бы в нем нашлось еще чуть-чуть места... для души.

Из показаний жены брата Рашидова Р. К.

«...Эта семья Рашидовых никогда не приносила людям добра, одно зло».

Десять дней длился заключительный акт этой человеческой трагедии. Все эти дни в народном суде решалась судьба Николая, Сабины и Зиновия.

Слишком долго рассказывать, как вели себя на процессе обвиняемые, свидетели. Но в вестибюле не на шутку бушевали поистине шекспировские страсти.

Родственники Рашидова то и дело вступали в словесные перепалки с Александровыми, с Зульфией Рашидовой, с Юрьевыми. Накал страстей достиг апогея за день до провозглашения приговора. Стороны, напрочь забыв о родственных чувствах и правилах поведения, не ограничившись словами, схватились врукопашную.

Пришлось вызывать усиленный наряд милиции.

Наблюдая за руганью и свалкой, я с трудом верил, что несколько месяцев назад эти люди все вместе дружно оплакивали Рашидова, слали проклятья убийце, говорили друг другу слова соболезнования и утешения.

А это действительно было именно так. Что же изменилось? Ведь как были они родственниками, так и остались.

Тогда у них был общий враг — убийца сына и брата для Рашидовых, мужа и отца — для Зульфии и Сабины. Это на его голову призывались проклятия, искренние и лживые. Следствие отрабатывало несколько версий, и родственники подозревали в убийстве дружков Рашидова.

Убийцу искали среди чужих. Поэтому в показаниях родственников следствию на первом этапе Рашидов мог показаться если не ангелом во плоти, то уж человеком добропорядочным — кому же хотелось выносить сор из избы, да еще прилюдно. Истинный портрет Рашидова проявился позже, когда злодеи обнаружили среди своих. Скрывать сор стало не только бесполезно, но и небезвредно для оставшихся в живых.

Ненависть так пропитала их взаимоотношения, что они перестали думать о будущем. Его у них не стало: главное — отомстить, отомстить сейчас, немедленно!

Из приговора Судебной коллегии по уголовным делам Астраханского областного суда.

Судебная коллегия приговорила: Александрову С. Р. признать виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 190 УК РСФСР, и подвергнуть 2 годам лишения свободы. На основании ст. 44 УК РСФСР назначенное наказание считать условным с испытательным сроком в 1 год.

Юрьева З. Я. признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 103 УК РСФСР, и подвергнуть 8 годам лишения свободы с отбыванием наказания в ИТК усиленного режима.

Александрова Н. А. признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 224 ч. 4, 103 УК РСФСР и подвергнуть: по ст. 224 ч. 4, УК РСФСР к 3 годам лишения свободы, по ст. 103 УК РСФСР к 9 годам лишения свободы. На основании ст. 40 УК РСФСР по совокупности совершенных преступлений определить к отбытию 9 лет лишения свободы. На основании ст. 41 УК РСФСР по совокупности присоединить частично наказание по приговору от 25 марта 1987 года и окончательно определить к отбытию 9 лет 6 месяцев лишения свободы с отбытием наказания в ИТК усиленного режима.

Верховный суд РСФСР по кассационным жалобам через два месяца пересмотрел решение Судебной коллегии Астраханского областного суда и вынес окончательный приговор. События того мартовского вечера обернулись для Николая и Зиновия восемью годами несвободы. Сабине назначено условное наказание за недонесение о готовившемся преступлении сроком в два года с установлением испытательного срока в один год.

...Во время провозглашения приговора из посторонних был я один. Родственники Романа, в одном конце зала, Александрова и Юрьева — в другом. А между ними солидная по числу группа сотрудников милиции. Памятуя печальный опыт, решили подстраховаться от каких бы то ни было неожиданностей и происшествий.

Побелевшие от волнения лица подсудимых, и, как капли холодной воды на выбритые макушки, слова: ...девять лет шесть месяцев, восемь лет...

«Господи, как много,— прошептали посиневшие от горя губы женщины, стоявшей поблизости от меня,— за одного подонка мальчишек-то превратят тоже бог весть в кого».

А в другом конце зала едва сдерживаемый шумок недовольства: «Мало...»

Могли ли Николай и Зиновий рассчитывать на снисхождение? Наверное, могли бы. Для этого им надо бы быть просто другими.

Но, как могли, они прикрывались только благородными мотивами, которыми якобы руководствовались, совершая преступление.

Документы же рисовали их не защитниками женской чести, не мстителями злодею, а людьми невысоких моральных качеств.

Не заметно было искренности в их показаниях. Они защищались так, как подсказывали их совесть, их разум. Первой у них оказалось не в избытке, а действие последнего они направили на несправедную сторону.

Такая малоприметная подробность. Она в большей мере относится к Николаю, но и Зиновий почти весь тот день провел с Александровым. Это все тот же злополучный мартовский день. День суда над Николаем за незаконное хранение наркотиков. И что он делает? Раскаивается, получив первую судимость? Как бы не так. Идет на новое преступление.

Справка.

Александров Н. А. был зачислен на работу мастером с испытательным сроком в СМУ-16 с 19 июля. Но на работу не вышел... Появился на работе 23 июля, устно объяснив, что ввиду сложных семейных обстоятельств выйти на работу не мог. Имел несколько опозданий, 19 августа утром, придя на объект, отпросился с работы, мотивируя тем, что кладет жену в больницу. Больше до настоящего времени на работу не выходит.

Он не мог на нее выйти, потому что после совершения второго преступления готовился совершить третье. Николай, судя по следующему документу, в то время был занят совершенно другими делами.

Постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

Следователь ОВД Кировского района г. Астрахани капитан милиции Слученко Л. В. ...установил, что 8 сентября 1987 года в 18 часов в кафе «Соки — воды» Центрального универсама задержан Александров Н. А., у которого изъят гашиш в количестве 7,6 грамма, хранимый им при себе без цели сбыта, для собственного употребления, изготовленный в тот же день в поле... Своими действиями Александров совершил преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 224 УК РСФСР, — незаконное изготовление наркотических средств без цели сбыта, совершенное повторно.

...С поникшими головами и заплаканными лицами расходились после оглашения приговора родные и близкие Рашидова, Александрова и Юрьева. Я смотрел на них, терзаясь мыслью: «Что же происходит с нами? За что мы пытаем и казним близких так, как не всякого чужого?»

Из материалов дела. Акт.

Мы, нижеподписавшиеся: народный судья Буренин В. А., секретарь суда Кулубаева А. Ч. и секретарь судебного заседания Гишко Н. В. составили настоящий акт об уничтожении вещественных доказательств: молоток — путем закапывания в землю, гашиш — путем сжигания...

Как было бы просто и легко, если бы со всем, что тревожит нас ныне, можно было расправиться столь же беспроблемно...

г. АСТРАХАНЬ.

НА КОЛЕСАХ И ПЕШКОМ

«БЕЗОПАСНЫЙ» АВТОМОБИЛЬ

Столкновение на скорости 80 километров в час равноценно падению автомобиля с высоты шестого этажа современного здания. Как в этом случае смягчить удар? Специалисты таких известных фирм, как, например, чехословацкая «Шкода», шведская «Вольво» и западногерманская «Мерседес-Бенц», считают, что здесь уже о самой машине думать не приходится — важно любой ценой защитить водителя и пассажиров. Конструкторы предложили делать переднюю и заднюю части кузова заведомо менее прочными, чтобы, сжимаясь в гармошку, эти части конструкции играли роль своеобразного амортизатора.

Проблема безопасности движения широко исследуется сейчас в четырех основных направлениях: человек — автомобиль — дорога — окружающая среда. При этом разрабатывается система активной и пассивной безопасности с целью предупреждения аварий и ослабления их последствий, охраны природы от вредных воздействий автомобиля. Под активной безопасностью понимают комплекс мероприятий, направленных на предотвращение аварий. Пассивная безопасность — это мероприятия, смягчающие последствия совершившегося происшествия, особенно тяжесть травм, получаемых водителем и пассажирами.

Конфликт между человеком и автомобилем приобрел угрожающие размеры. Любимое детище цивилизации перестало приносить только блага — оно доставляет серьезные неудобства и неприятности: несет своим владельцам смерть и увечья, оглушает их шумом, засоряет воздух ядовитыми газами, губит животных. Что касается безопасности движения, здесь вопрос стоит особенно остро. Достаточно сказать, что в нашей стране только в прошлом году в дорожных катастрофах погибло 58 тысяч и ранено 319 тысяч человек (причем половина из них останется инвалидами на всю жизнь). Столько же людей каждый год гибнет и получает увечья на ультрасовременных дорогах Соединенных Штатов Америки. Есть, однако, большая разница между этими одинаковыми вроде бы показателями: у нас на 1 тысячу населения приходится 45 автомобилей, в США — 588. Характерно, что 45 процентов всех жертв дорожно-транспортных происшествий приходится на Европу, 28 — на США и Канаду и 27 — на остальные страны мира.

В связи с обострением рассматриваемого конфликта кое-кто предсказывает конец автомобильного века. Слишком дорогой ценой

приходится расплачиваться за существование автомобиля. Однако прогнозы на «безавтомобильность» человечества в будущем нереальны. Люди не хотят отказываться от автомобиля. Вот почему они так усиленно ищут пути к снижению, предотвращению аварийности, к устранению причин дорожных трагедий.

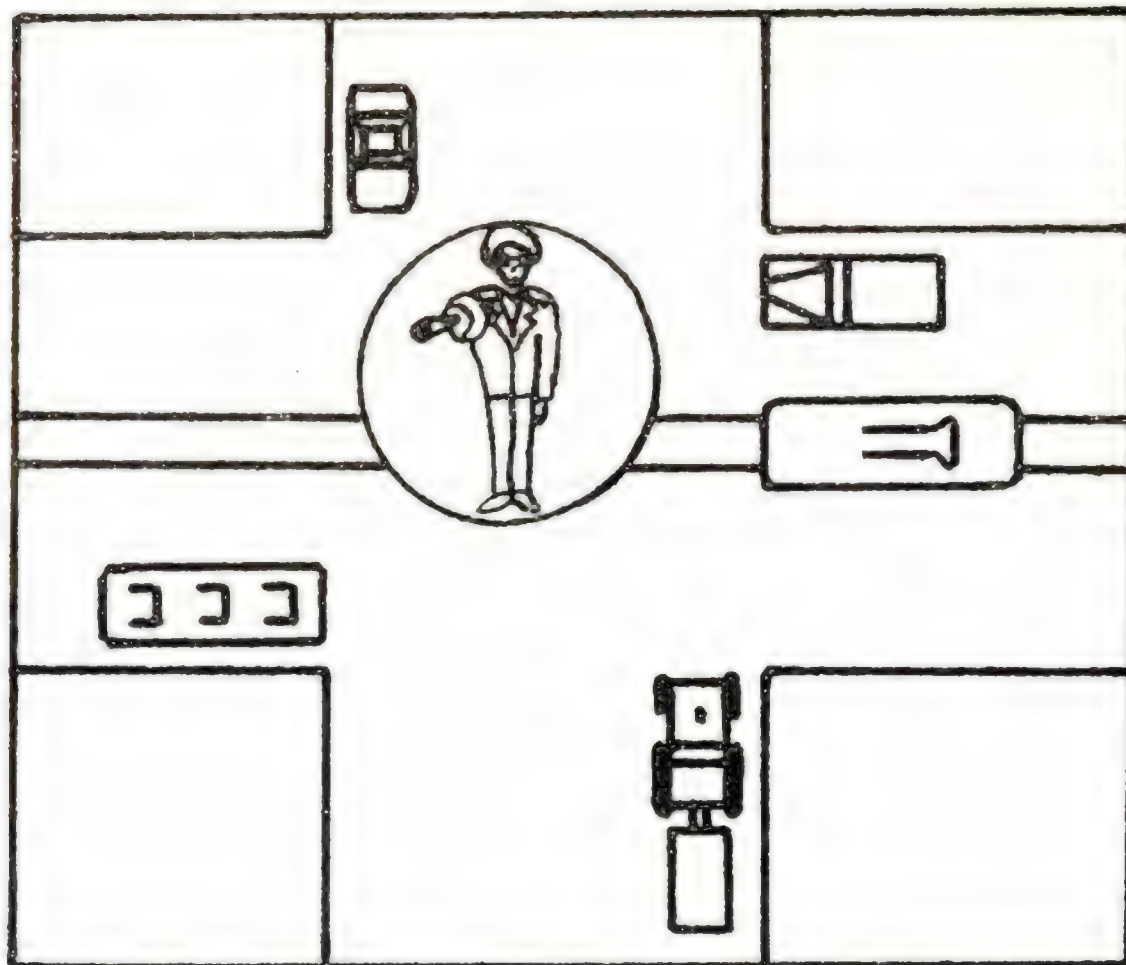
Нельзя говорить о стопроцентной надежности того или иного звена автотранспортного процесса. В анализе любого происшествия необходимо искать комплексные показатели. Автомобиль, водитель и дорога выступают как единое целое, как единый комплекс: автомобиль — водитель — дорога. Несчастные случаи на дорогах в силу такого представления следует рассматривать в системе, а факторы, определяющие или сопутствующие аварии, классифицировать в соответствии со свойствами всего комплекса автомобиль — водитель — дорога.

Дополнительными звеньями в цепочку автотранспортного процесса входят пешеход и окружающая среда. Поиски каких-либо отдельных или единственных причин несчастного случая не могут дать положительных результатов. Иными словами, надо совершенствовать систему целиком. В принципе, если бы автомобиль, водитель и дорога находились в идеальном состоянии, дорожно-транспортных происшествий не было бы. Однако идеальное состояние недостижимо: автомобиль изнашивается, водитель устает, дорога под действием окружающей среды меняет свои свойства. Но, главное, неизвестно, что это такое — идеальное состояние. То, что было идеальным, скажем, при интенсивности движения 100 автомобилей в час, совсем неидеально при 1000 автомобилях. Вопрос может ставиться только таким образом: соответствуют ли дорожные условия (а о дорогах речь впереди) эксплуатационным свойствам автомобиля? И хотя «поведение» автомобиля целиком зависит от воли человека, роль автомобиля в обеспечении безопасности движения огромна. Своей надежностью он в какой-то степени должен компенсировать ошибки сидящего за рулем. Если, например, произойдет столкновение и автомобиль противопоставит силе удара жесткость и упругость кузова, потопляемость рулевой колонки, силу ремня безопасности, жертв удастся избежать. Таким образом, вырисовывается вариант некоего «безопасного автомобиля». Реален ли безопасный автомобиль?

Прежде всего определим, что это такое. Это автомобиль, конструктивные особенности которого способствуют предотвращению аварий либо в случае дорожно-транспортного происшествия снижают тяжесть получаемых водителем, пассажирами и пешеходами травм. Первые опытные образцы безопасного автомобиля созданы в США и Италии в 1957—1963 годах. К элементам активной безопасности были сразу отнесены улучшенная устойчивость и управляемость автомобиля, повышенная эффективность тормозов, увеличение обзорности и т. п. Пассивную безопасность обеспечивали «защитная оболочка» вокруг водителя и каждого пассажира — ограничение перемещения относительно сиденья, уменьшение вероятности травмы о внутренние поверхности кузова, обеспечение удобного выхода из автомобиля в случае аварии и т. п. В нашей стране научные исследования и внедрение конструктивных разработок узлов и деталей, повышающих безопасность автомобиля, ведутся с 1968 года.

Г. КРУГЛОВ

КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ?

1. Какие транспортные средства могут повернуть направо?
2. Может ли водитель автобуса (не относящегося к категории междугородных или туристических) совершить опережение легкового автомобиля, едущего со скоростью 70 километров в час?

ПРОВЕРЬТЕ ВАШИ ЗНАНИЯ

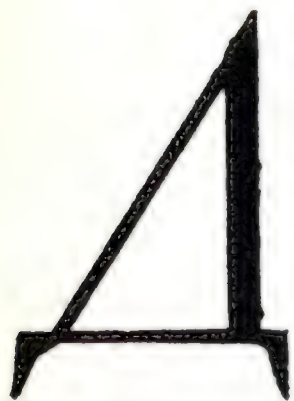
Какое административное взыскание может быть наложено за:

- 1) нарушение правил пользования осветительными приборами в темное время суток или в условиях недостаточной видимости, повлекшее за собой создание аварийной обстановки?
- 2) невыполнение водителем требования работника милиции об остановке транспортного средства?
- 3) превышение установленной скорости движения, повлекшее повреждение транспортных средств, грузов, дорог, дорожных и других сооружений или иного имущества?
- 4) участие водителей мотоциклов и иных транспортных средств в групповом передвижении в городах и других населенных пунктах, создающем помехи дорожному движению или угрозу безопасности движения?
- 5) нарушение правил проезда железнодорожных переездов?

Ответы см. на стр. 69.

АЗБУКА

ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

ДИСК СИГНАЛЬНЫЙ. Применение его в качестве отличительного знака регулировщика или в качестве элемента сигнального устройства регламентируют п. 1.4.; 7.4. Правил дорожного движения.

ДИСТАНЦИЯ. Этот термин в большом ходу среди водителей и инспекторов ГАИ, особенно в связи с авариями, вызванными неправильно выбранным расстоянием между своим и впереди идущим транспортным средством. В ПДД термин «дистанция» упоминается, например, в п. 11.6., который рекомендует водителю в зависимости от скорости движения соблюдать такую дистанцию до движущегося впереди транспортного средства, которая позволит избежать столкновения в случае его торможения. А п. 11.7. требует от водителей транспортных средств, скорость которых не должна превышать 50 км/ч, а также транспортных средств с полной массой более 12 т, на дорогах вне населенных пунктов поддерживать между своим и следующим впереди транспортным средством такую дистанцию, чтобы обгоняющие их автомобили могли без помех перестроиться на правую сторону дороги. Дорожный знак под индексом 3.16. запрещает движение транспортных средств с дистанцией между ними меньше указанной на знаке.

ДОВЕРЕННОСТЬ. Требование иметь ее (причем в установленной форме) водителю в отсутствие законного владельца личного автомобиля или мотоцикла обуславливает п. 3.1. ПДД.

ДОЖДЬ. Как вести себя автомобилисту во время дождя, указывает раздел 2 (термин «Недостаточная видимость») ПДД. Затем «дождь» фигурирует в контексте понятия «метеорологические условия» в связи с требованием выбора безопасной скорости движения (п. 11.1.). И третье, о чем обязан в дождь помнить водитель, — это об исправности стеклоочистителя, хотя бы напротив своего места в машине (п. 25.6.).

ДОКУМЕНТЫ. В этой статье нашего словаря постараемся перечислить все пункты ПДД, рассказывающие водителю о том, какие документы и в каких случаях он обязан иметь: управляя механическим транспортным средством (п. 3.1.), въезжая или выезжая из страны (п. 3.2.), доставляя пострадавшего в лечебное учреждение (п. 4.4.), обучая вождению (п. 21.3), находясь за рулем велосипеда, мопеда или управляя гужевой повозкой (п. 24.2).

Одновременно ПДД указывают водителю на обязанность предъявлять перечисленные документы сотрудникам милиции, дружинникам.

Слово «документы» встретится в ПДД еще раз, в п. 25.1., где говорится о регистрационной и нормативно-технической документации в качестве основания для заключения о техническом состоянии транспортного средства. Например, при техосмотре.

ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА. ПДД почти ничего не говорят об их правах и привилегиях. Однако в первом разделе (п. 1.6.) правила требуют от должностных лиц не создавать своими действиями опас-

ности или помех для дорожного движения, не причинять вреда государственным, общественным организациям и гражданам. Таким образом, права тех, кто дает, например, указания раскапывать дорогу или вешать запрещающий знак, ограничены. Раздел 27 посвящен обязанностям должностных лиц автотранспортных и других организаций по обеспечению безопасности дорожного движения.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ. О требованиях к нему можно прочитать: тем, кто организует учебную езду — в п. 21.4. и в разделе «Опознавательные знаки транспортных средств» Приложения № 1; автомобилистам, чьими пассажирами являются дети (соответственно на грузовом и легковом автомобилях) — в п. 22.4. и 22.7. П. 24.7. требует дополнительного оборудования на велосипеде и мопеде при перевозке детей. А п. 22.3. и 22.6. заботятся о дополнительном оборудовании грузового автомобиля при перевозке людей. К дополнительному оборудованию относятся, в частности, огнетушители, наличия которых требует п. 22.2.

Отдельные эксплуатационные требования к дополнительному оборудованию транспортных средств водители и владельцы мотоциклов, автомашин найдут в разделе 7 Приложения № 3 к ПДД.

ДОРОГИ. Этот термин в ПДД встречается настолько часто и в таком разнообразном контексте, что не так-то легко систематизировать его значения. Однако попытаемся сделать это, указав пункты, так или иначе трактующие права и обязанности водителей в связи с особенностями дорог, по которым они следуют. Итак, определение термина «дорога» дается в разделе 2, «автомагистральные дороги» — в Приложении № 1 к ПДД в описании к знаку «Автомагистраль» (индекс 5.1.); «дороги для автомобилей» — в описании к знакам под индексами 5.3., 5.4..

Дороги со встречным движением — см. дорожный знак 1.19., разметку 2.6., 2.7.;

главные — см. термин «Главная дорога» в разделе 2 ПДД;

правила безопасности на неосвещенных дорогах — п.п. 19.1.—19.3.;

неровные — дорожный знак 1.16.;

с ограниченной видимостью — п. 8.11., дорожные знаки 1.11.1., 1.11.2., 1.12.1., 1.12.2., 1.13., 1.14., 1.18.1.—1.18.3., 1.23., 1.29.;

с односторонним движением — п. 13.1., дорожные знаки 5.5., 5.6., 5.7.1., 5.7.2., разметка 1.5.;

с опасной обочиной — дорожный знак 7.12;

с опасным участком — дорожные знаки 1.30., 3.17.2., разметка 2.5.;

пересекаемые — дорожные знаки 2.3.1—2.3.3., 2.4., 2.5.;

с полосой разгона (торможения) — п. 9.8., разметка 1.8.;

с полосой для транспортных средств общего пользования — п.18.2., дорожные знаки 5.9., 5.10.1.—5.10.4., разметка 1.23.;

равнозначные — дорожный знак 1.6., п. 14.11.;

с реверсивным движением — п. 7.2., 10.8., дорожные знаки 5.35., 5.37., раздел «Транспортные светофоры» Приложения № 1, разметка 1.19., 1.23.;

скользкие — дорожный знак 1.15.;

суженные — п. 15.2., дорожные знаки 1.18.2., 1.18.3., 5.34.1., 5.34.2., разметка 1.19.;

трехполосные с двусторонним движением — п. 10.3., дорожные знаки 5.8.7., 5.8.8., разметка 1.5.;

тупиковые — дорожные знаки 5.19.1—5.19.3.;

четырехполосные с двусторонним движением — п. 10.2., разметка 1.3.

ДОРОЖНАЯ РАЗМЕТКА. Ее описание водители найдут в Приложении № 2 к ПДД. Об обязательности выполнения требований разметки для участников дорожного движения говорится в п. 1.3. Разметка в качестве «официального» средства введения ограничений в дорожном движении узаконивается п. 1.7.

В. ЕРЕМЕЕВ,
майор милиции

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Задача 1

Пчелинцева с согласия профсоюзного комитета была уволена за прогул. Увольнение она обжаловала в суд.

В ходе судебного разбирательства Пчелинцева не оспаривала сам факт прогула, но полагала, что наказали ее слишком строго. 20 мая (в день прогула) она должна была выйти во вторую смену. Не дождавись сына из школы, Пчелинцева решила по дороге на работу зайти в школу и узнать, почему ребят задержали. Учительница ей объяснила, что класс, где учится ее Игорь, ходил на экскурсию в музей, и по дороге обратно Игорь потерялся. Пока Пчелинцева вместе с учительницей занималась розысками сына, решившего вместо последнего урока сходить в кино, а потом в гости к приятелю, рабочий день закончился. Ранее Пчелинцева трудовую дисциплину не нарушала.

Суд согласился с тем, что в данном случае администрация избрала чрезмерно строгую меру дисциплинарного взыскания, восстановил Пчелинцеву на работе, обязал администрацию выплатить ей средний заработок за время вынужденного прогула и взыскал причиненный таким образом предприятию ущерб с директора фабрики, издавшего приказ об увольнении.

Правильно ли решение суда?

Задача 2

По окончании рабочего дня шофер автопредприятия Фокин на закрепленной за ним машине перевозил свою семью на дачу. По дороге произошла авария, в результате которой автомобилю потребовался ремонт.

Администрация автопредприятия взыскала с Фокина стоимость ремонта (430 рублей) и неполученные доходы за период простоя машины в связи с ремонтом (610 рублей).

Законны ли действия администрации?

ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ

Семен Гражданкин пришел с работы крайне возбужденным.

— Ты даже не представляешь, какая история вышла у нас на работе с одной хорошей женщиной...

При этих словах мужа Вита вздрогнула и нахмурилась. Ей вспомнилось прошлогоднее письмо и все события, последовавшие за ним: заявление в нарсуд о разводе, трудное примирение. Что, опять в судьбу ее мужа вмешалась какая-то «хорошая женщина»? Но Семен продолжал как ни в чем не бывало свой рассказ.

...Оказывается, речь шла о сотруднице их отдела Оксане Васильевне Власенко. По возрасту Оксана Васильевна могла бы выйти на пенсию, но продолжала трудиться. На ее рабочем столе — фотография двух девочек. Все знали — это любимые внучки Оксаны Васильевны. Всем, кто впервые видел снимок, Оксана Васильевна объясняла:

— Этой вот курносой блондиночке семь лет. Младшенькая. Такая шустрая, спасу нет. Очень любит животных. Каждую бездомную собачонку в дом тащит. А в куклы совсем не любит играть. Завела себе котенка, так он за ней как привязанный ходит. Даже когда она плещется в ванне, котенок сидит возле и ждет, даже брызг не боится. А старшая, брюнетка, уже сама себе стирает, гладит школьную форму, хотя ей всего одиннадцать лет...

— Это, конечно, прекрасно, — всегда при этих рассказах вступала в разговор экономист Петрусева, — что одиннадцатилетняя девочка сама себе гладит школьную форму, но... Мне все-таки кажется, что гладить форму должна ее мама, то есть твоя сноха. Разве не так?

В такие минуты лицо Оксаны Васильевны каменело, и она глядела в сторону с отрешенным видом, словно не слыша сослуживицы.

На выручку ей всегда приходила Софья Андреевна, работающая пенсионерка, как она сама себя называла. Житейского и иного опыта ей было не занимать.

— Это, между прочим, дорогая Петрусева, тоже не метод воспитания. Разве это педагогично — отстранять девочек от забот по хозяйству и дому?

Однажды на безобидный вопрос Софьи Андреевны, как внучки проводят летние каникулы, Оксана Васильевна разрыдалась. А успокоившись, рассказала:

— Сын у меня в длительной командировке. Деньги снохе присылает, а она эти деньги пропивает. Я спрашиваю: почему не работаешь? А она — не твое, мол, это дело, могу и не работать, а заниматься только воспитанием детей, закон это позволяет. Закон-то, может, и позволяет, но детям от этого не легче. И сыну сообщать не хочется. Что делать, ума не приложу.

Петрусева, как всегда, была категорична:

— Как это что делать? Сходи в школу, подними на ноги домовую общественность — пусть поставят перед органами опеки РОНО вопрос о лишении родительских прав твоей снохи.

— Разве это прилично — через общественность влиять на сноху? — вздохнула Оксана Васильевна.

— Будешь страдать в одиночку и ничего не предпринимать, она дойдет до крайности. Потом ее уже ничего не исправит. С такими только так и надо...

Софья Андреевна тотчас вступила в разговор:

— Ты что такое говоришь, Петрусева? Ты хоть представляешь, какие последствия для семьи сына Власенко могут иметь твои советы, если она им последует? Ведь это последняя мера, когда все другие средства исчерпаны. Ты заглядывала в «Кодекс о браке и семье РСФСР»? Хотя бы в статью 59? Послушай...

Софья Андреевна вытащила из письменного стола синюю книжку, перелистала ее и стала читать. Голос ее дрожал от волнения:

— «Статья 59. Лишение родительских прав. Родители или один из них могут быть лишены родительских прав, если будет установлено, что они уклоняются от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей или злоупотребляют своими родительскими правами, жестоко обращаются с детьми, оказывают вредное влияние на детей своим аморальным, антиобщественным поведением, а также если родители являются алкоголиками или наркоманами. Лишение родительских прав производится только в судебном порядке...» — скажи, Оксана, а твоя сноха плохо влияет на своих детей?

— Ну разве пьяная мать может хорошо повлиять? Девочки допоздна гуляют на улице, боятся в квартире сесть за уроки — пьяная мать может к ним придраться, накричать, а то и поколотить! — вздохнула Власенко.

— Тогда поступай так, как гласит эта 59-я статья. Слушай: «Дела о лишении родительских прав рассматриваются по заявлению государственных или общественных организаций, одного из родителей или опекуна (попечителя) ребенка, а также по иску прокурора...»

— Вот я и советую: пусть поднимет на ноги общественность, заявит в РОНО... — опять вмешалась в разговор Петрусева. — Иного выхода у нее нет.

Тут заговорила Оксана Васильевна:

— Конечно, это неприятно. Но что делать, если разговоры и наставления на сноху не действуют?

— Ты хорошо представляешь последствия своего поступка? Вот послушай. «Статья 60. Последствия лишения родительских прав. Родители, лишенные родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав, в том числе и право на получение содержания от своих детей...» Дальше я пропускаю, — перевернула страничку кодекса Софья Андреевна. — А вот главное: «Если родитель, лишенный родительских прав, систематическим нарушением правил социалистического общежития делает для ребенка невозможным совместное с ним проживание, то этот родитель может быть выселен в соответствии со статьей 98 Жилищного кодекса РСФСР без предоставления другого жилого помещения...» Ты представляешь, на какие муки ты обрекаешь своих внуков? Их увезут в детдом. До приезда отца! И как ещеотреагируют внуки на такой твой шаг?..

— Лишат сноху родительских прав, и я могу взять над ними опеку, — снова возразила Оксана Васильевна.

— Вот-вот, — обрадовалась Петрусева поддержке со стороны Оксаны Васильевны, — в самом деле, опеку возьмет, и все...

— Но у них же есть отец. Он вернется, и тоже неизвестно, как отнесется к таким поступкам своей матери? — говорила Софья Андреевна.

...Вита перебила рассказ Семена:

— Ну и что решила ваша Власенко?

— Она решила подумать...

— Да, торопливость здесь не нужна. И пусть она сначала обо всем напишет сыну. И если он согласится с матерью, тогда может начинать действовать. Сложная штука жизнь. Но иногда надо быть твердой — во имя спокойствия детей.

В. СЛАВИН

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ!»

1. Грузовой автомобиль и трактор (пункт 7.4 Правил дорожного движения).

2. Нет, не может. Поскольку для опережения легкового автомобиля водителю автобуса придется развить скорость более 70 километров в час, а это запрещено. Автобусам разрешено двигаться со скоростью не более 90 километров в час лишь на автомагистралях (пункт 11.3 ПДД).

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «ПРОВЕРЬТЕ ВАШИ ЗНАНИЯ»

Первые два вопроса имеют одинаковый ответ: согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1989 года «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты СССР об ответственности за нарушение правил дорожного движения» за указанные нарушения виновный может быть оштрафован на 20—50 рублей или лишен права управлять транспортным средством на срок до 3 месяцев.

3) Штраф в 30 рублей или лишение права управления транспортным средством на срок от 3 до 6 месяцев.

4) Штраф в размере 50 рублей или лишение права управления транспортными средствами на срок до 3 месяцев.

5) Штраф в размере 30 рублей или лишение права управления транспортным средством на срок до 6 месяцев.

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

О результатах рассмотрения жалобы В. Шляхтуновой, ее несогласии с отказом в выплате суммы по договору страхования сына сообщает заместитель начальника управления государственного страхования Витебской области Министерства финансов БССР В. Рыжов.

Проверкой установлено, в инспекции госстраха Ушачского района не на должном уровне был организован учет страховых взносов, в связи с чем взносы по договору страхования ребенка, уплаченные В. Шляхтуновой, в лицевом счете зачтены не были.

Письмом инспекции госстраха предложено произвести выплату страховой суммы в связи с истечением срока страхования и возратить излишне уплаченные взносы.

ЦЕНА ИСКА

Николай Петрович Аверченко поднялся на девятый этаж и, не заходя домой, позвонил в квартиру соседа по лестничной площадке Кривоносова Владимира Ивановича.

— А, очень кстати,— обрадовался соседу Владимир Иванович,— только что чайник закипел, так что придется тебе составить старику компанию.

— Чайку-то я с удовольствием поью. Только, Владимир Иванович, мне не терпится задать вам один вопрос.

— Задавай.

— Что такое цена иска?

— А почему это тебя заинтересовало?

— Да, понимаете, понес я сегодня, как вы мне и советовали, заявление в суд. Ну, о взыскании долга с Цыганкова, сослуживца моего. Помните, я вам рассказывал: занял он у меня два года назад 600 рублей и не отдает.

— Помню, помню.

— Так вот, отдаю судье заявление и расписку Цыганкова о том, что, мол, взял он у меня эти деньги. А судья мне и говорит, что заявление мое она принимает, но оставляет его без движения до тех пор, пока я не заплачу государственную пошлину — 48 рублей. Я спрашиваю ее, почему так много. А она мне: «Как положено—8 процентов от цены иска». А как она эту цену высчитала — одному богу известно! Вдруг ошиблась, лишнего чего насчитала. Перед тем как в сберкассау идти, дай, думаю, к Владимиру Ивановичу зайду, пусть он мне все пересчитает, все-таки бывший судья.

— Все правильно тебе судья посчитала. Тем более, что никаких сложных расчетов в твоём случае и не требуется. Цена иска — это денежное выражение требований имущественного характера, которые предъявляются истцом к ответчику и подлежат судебному или арбитражному рассмотрению, то есть сумма денег или стоимость имущества, отыскиваемых истцом. Цена твоего иска — 600 рублей. Так как ты подал иск о взыскании долга, денег, а в этом случае цена иска определяется взыскиваемой суммой. Но предположим, ты бы разводился со своей женой и предъявил бы к ней иск о разделе совместно нажитого имущества, требуя передать тебе вещи общей стоимостью 1500 рублей. Здесь цена иска равнялась бы 1500 рублей, так как в исках об истребовании имущества она определяется стоимостью отыскиваемого имущества. Понятно?

— Хм, интересно. Ну, хорошо, в моем деле и правда все очень просто. Но ведь бывают случаи и посложнее. Как там определяется эта цена?

— Если тебе это интересно, могу рассказать. Действительно иногда цену иска бывает довольно сложно определить. Поэтому гражданским процессуальным законодательством (статья 83 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик) установлены определенные правила, по которым она и определяется. Например, жена предъявляет тебе иск о взыскании алиментов на сына. Как установить цену иска в этом случае? Статья 83 ГПК РСФСР (соответствующие статьи ГПК других союзных республик) предусматривает, что цена иска о взыскании алиментов определяется совокупностью платежей за один год. Чтобы знать размер этих платежей, при подготовке дела к судебному разбирательству судья истребует справку о твоей заработной плате за предыдущий год. Предположим, по этой справке выходит, что твой среднемесячный заработок после вычета подоходного налога составляет 160 рублей. Ежемесячно на ребенка ты должен платить одну четвертую долю — 40 рублей. За год должен уплатить 480 рублей. Это и есть цена иска.

Или другой пример. На тебя наехала автомашина. Ты получил травму, в связи с чем утратил трудоспособность. Поэтому предъявляешь к транспортному предприятию иск о взыскании платежей по 70 рублей ежемесячно. Как здесь определить цену иска? Опять вернемся к статье 83 ГПК РСФСР, она устанавливает, что по искам о срочных или бессрочных платежах, рассчитанных на длительное время, цена иска определяется совокупностью платежей, но не более чем за три года. Предположим, в нашем примере суд установил, что платежи должны быть произведены за прошедшие полтора года и за три года в будущем. Цена этого иска, исходя из совокупности, за три года составит 2520 рублей.

Статьей 83 ГПК предусмотрены правила установления цены иска и для некоторых других случаев. Но все они определяются общим принципом: цена иска определяется по условным критериям, а именно совокупность платежей или выдач, но не более чем за установленный законом период. В исках, состоящих из нескольких самостоятельных требований, цена определяется общей суммой всех требований.

Чтобы рассказ о цене иска был более полным, добавлю, что, подавая заявление в суд, истец сам определяет цену иска.

Если указанная истцом в исковом заявлении стоимость оспыскиваемого имущества явно не соответствует его действительной цене, то цену иска определяет судья. Иногда определение цены иска в момент его предъявления бывает затруднительным как для истца, так и для судьи. В таком случае судья устанавливает размер государственной пошлины исходя из предположительной цены иска.

Из правила о свободной оценке стоимости оспыскиваемого имущества истцом имеется исключение. В исках о праве собственности на строения, находящиеся в собственности граждан, цена иска определяется стоимостью строения, но не ниже инвентаризационной оценки или при отсутствии ее не ниже оценки по обязательному окладному страхованию, а для строений, принадлежащих учреждениям, предприятиям и организациям, — не ниже балансовой оценки строения.

По аналогичным правилам определяется цена иска и в арбитраже при рассмотрении хозяйственных споров между предприятиями, учреждениями и организациями.

реклама ≡ объявления

ИНФОРМАЦИЯ

Продолжается подписка на журнал «СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО» на 1991 год. Этот ведущий журнал в области юридической науки издается с 1927 года. В своих публикациях журнал ориентируется в основном на профессиональных юристов самых разных специальностей, а также лиц, интересующихся развитием юридической науки и ходом правовой реформы.

Как и в прошлые годы, журнал будет уделять внимание вопросам борьбы с преступностью, малоисследованным событиям и идеям послеоктябрьского периода нашей истории, проведению «круглых столов» и обсуждений официальных и инициативных авторских законопроектов. Журнал также предполагает открыть новую рубрику «Из истории правовой и политической мысли XX века», в которой будут публиковаться фрагменты из малоизвестных произведений русских и зарубежных юристов. Регулярно будут освещаться важнейшие события юридической научной жизни.

Журнал «Советское государство и право» (индекс 70866) выходит ежемесячно. Журнал распространяется только по подписке и в розничную продажу не поступает.

* * *

В американском штате Калифорния, в центре Кремниевой долины, на перекрестке дорог № 101 и № 237 стоит странное синеголубое здание под названием «Синий Куб». Это насыщенный компьютерными системами центр слежки за всем миром.

Так начинается книга Ю. М. Батурина «Право и политика в компьютерном круге». Открыв ее, читатель обнаружит совершенно неожиданные факты и новую необычную информацию, узнает, какова степень компьютеризации современного западного общества и какие политические и юридические проблемы она порождает.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, но, думается, будет интересна и специалистам в области информатики и вычислительной техники, юристам, политологам.

Эту книгу вы можете получить по почте, направив свой заказ по адресу: 117393, Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2. Магазин № 3 «Книга — почтой», «Академкнига» (цена книги 40 коп.).

НАША АНКЕТА

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Скоро нам предстоит готовить первый номер журнала за 1991 год. Размышляя о том, как сделать «Человек и закон» лучше, интереснее, полезнее для каждого из наших подписчиков, мы решили попросить вас ответить на несколько вопросов. Надеемся, и нам, и вам это будет полезно.

Прежде чем отвечать на вопрос, внимательно прочитайте его и все предложенные варианты ответов, затем выберите тот, который соответствует вашему мнению, и обведите слева его номер. Если ни один из предлагаемых ответов вас не устраивает, на свободных строках впишите свой вариант ответа.

Возможно, журнал читает вся ваша семья, тогда анкету пусть заполнит самый активный читатель.

Благодарим вас за сотрудничество!

1. Сколько лет вы выписываете журнал?

001 более 10 лет

002 от 5 до 10 лет

003 от 3 до 5 лет

004 2—3 года

005 выписываю журнал первый год

006 журнал не выписываю, но читаю отдельные номера, которые покупаю в киосках, беру у знакомых

007 _____

2. С какой целью вы знакомитесь с материалами, опубликованными в журнале?

008 чтобы лучше знать свои права и обязанности и разбираться в спорных ситуациях

009 для повышения общего культурного уровня

010 правовая информация необходима мне по роду работы (или общественной деятельности)

011 привлекают остросюжетные материалы

012 _____

3. В нашем журнале есть разные разделы и рубрики. Какие из них, по вашему мнению, следует расширить, какие сократить, от каких вообще отказаться?

РУБРИКИ	расши- рить	сокра- тить	снять	затруд- няюсь от- ветить
Перестройка: демократи- зация и право	013	014	015	016
Дискуссионный клуб	017	018	019	020
Молодежи о праве	021	022	023	024
Страницы истории	025	026	027	028
Публицист размышляет	029	030	031	032
Собеседник	033	034	035	036
Семейная хроника	037	038	039	040
Комментирует пресс- центр МВД СССР	041	042	043	044
Закон. Комментарий.				
Практика	045	046	047	048
Повести, романы	049	050	051	052
Судебный очерк	053	054	055	056
Судебная хроника	057	058	059	060
Новое в законодательстве	061	062	063	064
Заочная юридическая консультация	065	066	067	068
Фельетон	069	070	071	072
Преступность: организа- торы и исполнители	073	074	075	076
Редакции отвечают	077	078	079	080
Юридический практикум	081	082	083	084
Почтовый ящик «ЧиЗ»	085	086	087	088
Информация к размыш- лению	089	090	091	092
На колесах и пешком	093	094	095	096

4. Каким темам, по вашему мнению, следует уделять больше внимания?

097 Больше разъяснять и комментировать новое законодательство и практику его применения

098 Больше рассказывать о конкретных сложных, конфликтных ситуациях

099 Шире освещать деятельность суда, прокуратуры, милиции

100 Увеличить публикацию детективной литературы

101 Больше публиковать дискуссионных статей по различным юридическим проблемам

102 Шире знакомить с зарубежным законодательством и опытом правоприменительной деятельности

103 Больше рассказывать о международно-правовых проблемах, внешнеполитической деятельности нашего государства

104 _____

5. Какие формы подачи материалов вас больше привлекают?

105 Статьи

106 Очерки

107 Интервью, беседы

108 Короткие сообщения, заметки

109 _____

А теперь ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов о себе:

6. Ваш возраст?

110 до 20 лет

111 21—25 лет

112 26—30 лет

113 31—40 лет

114 41—50 лет

115 51—60 лет

116 60 лет и старше

117 _____

7. Образование?

118 начальное и неполное среднее

119 среднее (в том числе и среднее специальное)

120 высшее (в том числе незаконченное высшее)

121 _____

8. Место жительства?

122 столица союзной республики, областной центр

123 иной город (поселок городского типа)

124 сельская местность

125 _____

Заполненную анкету отправьте, пожалуйста, по адресу: 129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22. Редакция журнала «Человек и закон». На конверте пометьте «Анкета». Подписывать анкету и указывать обратный адрес не обязательно.

Большое спасибо!

ПРЕСТУПНОСТЬ:

ОРГАНИЗАТОРЫ И ИСПОЛНИТЕЛИ

А. ГУРОВ,
начальник Управления по борьбе
с организованной преступностью МВД СССР

КРИМИНАЛЬНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ

Почему человек совершает преступления, несмотря на тяжесть установленного наказания? Почему не останавливается, испытав его? Почему совершает корыстные преступления, не имея порой материальной нужды? Чем объяснить, что в преступной среде есть люди случайные и те, кто живет только на средства, добываемые преступным путем? Почему среди них есть выходцы из бедных слоев населения и люди «благородного» происхождения?

Интерес к изучению этих вопросов, поиск ответов на них привели не только к развитию философских теорий об отношениях в обществе, но и к возникновению различных направлений и школ, объясняющих причины криминальных эксцессов, психологический тип преступника. Например, в 1897 году на Гейдельбергском съезде международного союза криминалистов была принята следующая классификация:

- 1) преступники случайные, эпизодические;
- 2) преступники, обнаружившие серьезную неустойчивость в поведении или несколько раз совершившие преступления;
- 3) преступники упорные, или **профессиональные**.

Таким образом, ученые-криминалисты конца XIX века выделили особый тип правонарушителя — профессиональный.

Это понятие связывали с признаком упорства, нежелания личности преступника отказываться от совершения преступления.

Однако сам термин «профессиональный» появился гораздо раньше. Уже в конце XVIII века Ф. Видок — начальник парижской тайной полиции (точнее резидент) — называл профессиональными преступниками тех, кто систематически совершал кражи, мошенничества и другие преступления против собственности, отличался ловкостью и изощренностью в достижении криминальной цели.

Но... это было давно. Сегодня современная наука более четко определяет, что такое профессиональная преступность. В США, например, она характеризуется следующими элементами:

- организация преступного бизнеса в форме рэкета, проституции, контрабанды наркотиков, в форме азартных игр;
- принадлежность к группе, совершающей преступления для добычи источников существования;
- незаконная деятельность, пользующаяся спросом у законопослушного общества.

В нашей стране, как известно, до недавнего времени объявлялось о полной ликвидации профессиональной преступности. Да и во-

общее тема эта относилась к числу запретных, что, естественно, сказалось на изучении причин возникновения такой преступности. И вот теперь, когда криминальные явления в нашем обществе расцвели буйным цветом, мы во весь голос заговорили о советской мафии. Надо признать, что проблема профессиональной преступности относится к одной из самых сложных, острых и дискуссионных проблем советской криминологии. Что касается организованной преступности, которая самым тесным образом связана с криминальной профессионализацией личности, то лишь теперь, в условиях обновления общества, мы начинаем делать первые шаги к изучению этого опасного феномена.

Впрочем, не будем вдаваться в теоретические рассуждения. Попробуем лишь ответить на вопрос: что такое профессиональная преступность и кого считать профессиональным преступником?

Чаще всего на этот вопрос отвечают так: профессиональным преступником может быть тот, кто совершает преступления, не занимаясь общественно полезным трудом. Подобная точка зрения в корне неверна. Во-первых, преступная деятельность запрещена, а потому ее обычно скрывают, прибегая к различного рода ухищрениям, в том числе созданию видимости трудовой активности. Во-вторых, отдельные виды преступлений (например, хозяйственные) нельзя совершить, не работая в определенной должности. В-третьих, и это самое главное, нельзя забывать, что преступник может и работать, и одновременно систематически совершать преступления в виде промысла.

Вспомним, слово «профессиональный» означает не только присущий профессии, но и «занимающийся чем-нибудь как профессией». Под профессией, как известно, понимается род трудовой деятельности (занятий), требующей определенной подготовки и являющейся источником существования. Однако любая деятельность человека не может находиться вне социальной сферы, поскольку в ней аккумулируется производственный опыт, носителем которого выступают конкретные люди. Они формируют микросферу, поддерживают и развивают престижность своей профессии, вырабатывают собственную лексику и этику поведения.

Можно сказать, что профессиональную преступность характеризуют четыре основных признака: 1) устойчивый вид преступного занятия (специализация); 2) определенные познания и навыки (квалификация); 3) преступления как источник средств существования; 4) связь с асоциальной средой.

«СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ»

Особенность современной криминальной специализации — значительное увеличение ее границ в связи с распространением хозяйственных и должностных преступлений. Подавляющая их часть связана с хищением социалистического имущества, и нередко в особо крупных размерах. Поэтому деятельность расхитителей можно отнести к преступно-профессиональной, а их самих — к типу профессионального преступника. Надо сказать, что наиболее ярко она проявляется в спекуляции, коммерческом посредничестве, частнопредпринимательской деятельности, хищениях в виде краж, присвоений и растрат, фальшивомонетничестве.

За последние 15—20 лет получила устойчивое распространение такая форма хищения, как выпуск неучтенной продукции, изготавли-

ваемой в специально созданных нелегальных (а иногда и в легальных) цехах.

Частнопредпринимательская деятельность была известна и раньше. Однако за эти годы она постепенно превратилась в источник накопления значительных материальных ценностей, охватив многие регионы страны, о чем свидетельствуют даже специально выработанный жаргон и утвердившаяся в уголовной среде категория — «цеховики». Последние, являясь, как правило, материально ответственными лицами, объединяются в уголовные кооперации, имеют разветвленную систему связей, в том числе коррумпированных, создают свое криминальное окружение, централизованно вырабатывают контрмеры, обеспечивающие их безопасность. «Цеховое» хищение получило значительное распространение в южных регионах страны, особенно в Средней Азии и Закавказье, Казахстане, Краснодарском крае, ряде областей Украины и Белоруссии, в Москве и Московской области, Ленинграде, других крупных городах.

Одна из опасных тенденций имущественных преступлений — рост числа разбойных нападений с проникновением в жилище, а также на водителей автотранспорта. С начала 70-х годов они увеличились более чем в десять раз.

В последнее время изменился и характер насилия над потерпевшими. Как показали исследования, в 80-е годы в каждом третьем случае (в 20-е годы лишь 11 процентов) жертвам причинялись тяжкие и менее тяжкие телесные повреждения, в пяти процентах случаев их убивали. Каждое пятое преступление было связано с пытками потерпевших, для чего преступники использовали электронагревательные приборы (паяльники, утюги), примусы. Известны и такие виды истязания, как имитация повешения, введение под кожу воды, использование наркотических веществ. Например, преступная группа А. Ментуза, действовавшая в центральной России и Днепропетровской области, подвергала свои жертвы пыткам с помощью электроутюгов и паяльников. Отметим, что подобные действия не являлись характерными для профессиональных преступников прошлых десятилетий.

Изменился характер и групповых преступлений. Чаще всего они связаны с посягательствами на собственность. Сегодня темпы роста корыстных групповых преступлений в полтора раза опережают аналогичный показатель по посягательствам на жизнь и здоровье граждан.

В последние годы среди лиц, систематически совершающих корыстные преступления, обнаружилась тенденция к «легализации» антиобщественного образа жизни с помощью постановки на учет в психоневрологические диспансеры или приобретения за взятку документов о нетрудоспособности. Как правило, на учете в психоневрологических диспансерах стоят так называемые «боевики», деятельность которых связана с тяжкими преступлениями против личности и здоровья граждан. То же самое можно сказать об «авторитетах» и «ворах в законе». Например, среди «воров в законе», состоящих на учете в МВД Грузинской ССР, 50 процентов — инвалиды II группы. Как показала проверка, документы об инвалидности они получили за взятку. Поэтому не случайно выявлено стремление профессиональных преступников к установлению связей с работниками медицинских учреждений.

Особая «специальность» в преступной среде — бродяжничество. Предвижу вопрос: что же, собственно, общего у бродяг с профес-

сиональным преступником? Во-первых, среди бродяг и попрошайек очень много «дисквалифицированных» профессиональных преступников. Во-вторых, само бродяжничество становится своеобразной «профессией» «свободного» человека. Для бродяг типичны противоправные способы существования, криминальная стратификация (иерархия), своя субкультура и даже «идеология». В-третьих, бродяги специализируются по конкретным видам преступлений: воровство, разбой, карманные кражи.

Однако устойчивость преступно-профессиональной деятельности не следует связывать только со специализацией и совершением однородных преступлений. Ее необходимо рассматривать значительно шире. С одной стороны, она способствует расслоению уголовной среды, с другой — ведет к корпоративности целого ряда сформировавшихся категорий устойчивых преступников. Поэтому современная среда профессиональных преступников как в местах лишения свободы, так и вне их имеет четкую иерархию в зависимости от рода противоправной деятельности. Это свидетельствует о наличии не просто уголовной «профессии», а о своеобразных направлениях криминальной деятельности.

«КВАЛИФИКАЦИЯ»

При выборе того или иного вида преступлений (кража, мошенничество, разбой, вымогательство) или при универсальном их со-вмещении степень и характер знаний, подготовки преступника, его физические возможности определяют более узкую специализацию — своеобразную квалификацию. Профессионально-преступная деятельность отличается от какой-либо другой противоправной тем, что вырабатывает определенные знания, практические навыки, нередко доведенные до автоматизма. Этим объясняются дифференциация и многообразие специфики в преступной деятельности, постоянное совершенствование ее криминальных приемов и способов. Кражи, например, как общий вид специализированной деятельности, включают более 20 разновидностей. Кроме того, в воровской среде существует разделение функций внутри группы преступников — одни занимаются разведкой и контрразведкой, другие — отключением систем технической защиты, третьи — сбытом похищенного и т. п. В целом криминальная специализация у современных преступников представлена гораздо шире, чем в уголовном мире 20-х и 50-х годов, а степень их подготовки и технической оснащенности значительно выше.

В настоящее время насчитывается свыше 100 криминальных специальностей только в среде преступников по линии уголовного розыска. Это почти в два раза больше, чем в 20-е годы. Причем наряду с сохранением практически всех видов специализаций прошлых десятилетий вырабатываются совершенно новые, обусловленные современными социально-экономическими, правовыми и иными формами.

Воровская квалификация наиболее ярко выражена у карманных и квартирных воров, воров государственного имущества из магазинов самообслуживания и некоторых других категорий преступников.

Квалификация вора-карманника всегда считалась классическим выражением преступной «профессии» и до наших дней существенно

не изменилась. Различается шесть основных специализаций и связанных с ними квалификаций.

По месту совершения преступлений: на рынках и базарах («рыночники»); в метро («кроты»); на железнодорожном транспорте («майданщики»); на городском транспорте («гонщики» или «маршрутники»); в магазинах и театрах («магазинные», «театральные»); на улицах («уличные»).

Наиболее стойко квалификация карманника проявляется в способах совершения краж, каждый из которых требует своих, присущих ему приемов, знаний и навыков.

По способу совершения преступлений различается восемь воровских квалификаций:

совершение краж с помощью разреза одежды, сумок и портфелей специальными техническими приспособлениями (в среде карманников лица, совершающие кражи таким образом, называются «писаками» либо «технарями»);

кражи под прикрытием рук различными предметами — плащами, сумками, букетами цветов и т. п. («ширмачи»);

кражи из сумочек и карманов с помощью специально изготовленных крючков («рыболовы»);

кражи с помощью пинцетов, особенно из труднодоступных потайных мест («хирурги»);

кражи без технических средств и «ширмы» группой лиц при массовом скоплении народа («щипачи»);

кражи с помощью выталкивания предметов точными и быстрыми движениями («трясуны»).

Распространены среди глухонемых карманных воров:

кражи из всех видов дамских сумочек («сумочники»);

похищение вещей из хозяйственных сумок (презрительно — «дубило» или «верхушечник»).

Однако указанным выше разделением воровская среда карманников не ограничивается. Существуют также более мелкие квалификации. Например, карманник, принимающий похищенное («пропальщик»), навыки которого заключаются в специальном приеме и хранении краденых предметов. Вор, отвлекающий внимание жертвы («тырщик», «оттырщик») или обучающий навыкам краж новичков («козлятник»).

Чем выше криминальная квалификация, тем интенсивнее преступная деятельность. В среднем карманный вор-профессионал в течение месяца совершает до 25 карманных краж.

Хотя воровская квалификация карманника не претерпела существенных изменений со времен феодальной России, однако общественная опасность личности вора значительно повысилась. Это обусловлено использованием технических средств (машин, радиостанций), способами маскировки преступного образа жизни. Квалифицированный вор может одновременно в зависимости от ситуации столь же успешно совершать как карманные кражи, так и кражи из квартир, карточное мошенничество, заниматься сбытом краденых документов. Характерно, что в действиях современных карманников все более отчетливо сочетаются тайное хищение с элементами обмана, для чего разрабатываются целые операции по обворовыванию конкретных лиц, имеющих на руках крупные суммы денег. Квалификация преступника самым тесным образом связана с вопросами раскрытия совершаемых ими преступлений: чем она выше, тем ниже уровень раскрываемости.

К другой воровской специальности, пожалуй, самой распространенной в последние 10—15 лет, относятся кражи личного имущества граждан с проникновением в их жилище.

К основным криминальным специальностям квартирных воров относятся кражи, совершаемые: с помощью воровского инструмента, подбором ключей, путем взлома либо выбивания дверей и дверных коробок, через форточку, под видом посещения квартиры должностным лицом, оказания помощи и т. п., с использованием виктимологического фактора (открытых дверей, окон).

Каждый из указанных способов имеет специфические приемы проникновения в жилище. Поэтому среди квартирных воров выделяют «хвостовщиков», «обходчиков», «балконщиков», «сычей», «крысоловов» и т. п.

На особом счету — воровская разведка. Ее задача — обнаружение квартиры, имеющей ценности, выяснение распорядка дня жильцов, времени нахождения их в отъезде (путем проверки показаний электросчетчика, почтового ящика, непосредственного наблюдения, прозванивания по телефону, через соседей и др.); изучение путей отхода с места происшествия; выбор технических средств или их изготовление в зависимости от конструкции запирающих устройств; подыскание скупщиков краденого и т. д. Среди воров выделилась самостоятельная категория, которая занимается сбором необходимой информации, а затем «продает» полученные сведения (на жаргоне — «наводку») за 10—15 процентов от суммы похищенного.

Изучение образа жизни воров позволило выявить тенденцию переориентации части профессиональных преступников на совершение краж у лиц, живущих на нетрудовые доходы, в том числе у квалифицированных преступников, которые обращают добытые противоправным путем деньги в драгоценности, покупают на них машины, дачи и т. д., или, как говорят квартирные вору, «пакуются». Об устойчивости квалификации современного квартирного вора говорят сами преступники, по мнению которых, половина воров, отбывающих наказание в исправительно-трудовых колониях строгого режима, по выходе из них снова занимаются кражами из жилищ.

У сегодняшних квартирных воров на вооружении современные технические приспособления, нередко уникальные. Для того, чтобы их использовать, необходимо иметь специальную подготовку. И они, надо признать, с пристрастием занимаются повышением квалификации. Так, с появлением новых отечественных и зарубежных конструкций замков повышенной секретности, предусматривающей один из тысячи вариантов подбора ключей, среди них почти сразу же появились специалисты высокого класса, открывающие подобные устройства в течение трех минут.

Значительно усовершенствовался в последнее время и воровской инструмент. Преступниками разработаны специальные отмычки — «гребешок» и «метелка», которые в отличие от «фомок», гораздо эффективнее и не оставляют явно видимых следов. Были случаи, когда при совершении краж применялись портативные радиопередатчики, с помощью которых обеспечивалась безопасность находящихся в квартире воров.

Изготовлением воровского инструмента, разработкой технических приемов занимаются особые «специалисты», которые имеют своих консультантов среди технически образованных работников производства.

О высокой преступной квалификации квартирных воров свидетельствует и разработка в их среде методик совершения преступлений. Например, под видом работников санэпидемстанции с предварительным письменным объявлением о проведении дезинфекционных работ, что позволяет беспрепятственно совершать кражи сразу в нескольких квартирах.

Другая категория квартирных профессионалов — «тихуши» — ведет исключительно скрытный образ жизни. У них, как правило, сняты и погашены судимости, они работают, не поддерживают прямых связей с антиобщественными элементами, но время от времени совершают преступления.

К третьей, относительно новой воровской специальности можно отнести совершение краж из магазинов самообслуживания.

И, наконец, категория воров, совершающих кражи из промтоварных и комиссионных магазинов.

Если попытаться классифицировать воров по специализации, то их деятельность можно рассматривать по четырем признакам криминального профессионализма:

похищение одежды путем переодевания и оставления старой;

с помощью одевания новой одежды под старую;

кража обуви, предметов верхней одежды с помощью специально изготовленных сумок и баулов с двойным дном;

кражи вещей с использованием детей и подростков.

Профессиональные воры, как правило, действуют в составе групп, где роли распределены до деталей: имитация подозрительного поведения с целью отвлечь внимание продавца, вынос похищенных вещей, их сбыт. Сбыт похищенного осуществляется по предварительному заказу, а также через комиссионные магазины и ломбарды.

Особая воровская квалификация — хищение автомашин с целью их сбыта. Интересно, что этот вид краж в настоящее время превратился в престижную воровскую специальность и содержит все четыре признака криминального профессионализма. Так как кражи машин с целью сбыта обычно совершаются группами, квалификация воров связана с разделением обязанностей. Основные среди них следующие: угонщик машины; лицо, занимающееся ее техническим переоборудованием и камуфляжем (перекраска, перебивка номеров на узлах и деталях и другие работы); подделыватель документов, технических паспортов, справок; сбытчик похищенного, который находит покупателя и договаривается о цене (как правило, это делается до похищения автомашины); перегонщик автомашины (если сбыт осуществляется в другом городе или области).

И еще одно направление, связанное с квалификацией воров. Речь идет о посягательстве на культурные ценности. Здесь действуют не профессионалы-одиночки, а кооперации лиц и групп, в которых есть специалисты самых различных квалификаций. Их можно разделить на шесть основных групп: воры, специализирующиеся на похищении культурных ценностей из музеев, частных коллекций и квартир (домов); скупщики («купцы»), занимающиеся скупкой предметов религиозного культа и изобразительного искусства; посредники, которые способствуют сбыту похищенных культурных ценностей коллекционерам, собирателям, спекулянтам и т. п.; оценщики («комиссионеры»), занимающиеся своеобразной экспертизой скупаемых и сбываемых культурных ценностей. Они определяют их подлинность и устанавливают цены в соответствии с существующими расценками и конъюнктурой «черного» рынка; посредники, имею-

щие возможность выхода на международные преступные связи через иностранных студентов, работников посольств и других категорий служащих; ростовщики, дающие в долг под процент определенные суммы денег и имеющие на связи специальную охрану («боевиков») для обеспечения гарантии выплаты долгов и личной безопасности.

Весьма многочисленны их связи и специализация. Многие имеют контакты с официальными государственными учреждениями, легализованы и хорошо подготовлены в области искусствоведческих и краеведческих познаний. В их распоряжении специальные каталоги, литература по искусству, планы расположения музеев и церквей на территории той или иной области. В среде воров данной категории есть свои профессиональные наводчики и разработчики планов похищений культурных ценностей. Высок уровень их технического обеспечения. Так, например, 80 процентов воров использовали личный или наемный транспорт. Многие пользуются такими средствами связи, как «приборы безопасности», позволяющие определять наличие радарных установок у работников ГАИ. Ворами антиквариата принадлежит изобретение портативного домкрата, чтобы раздвигать оконные металлические заграждения и стены в церквях.

Как видим, каждая категория профессиональных преступников имеет свою специализацию и множество квалификаций. То же самое относится и к «специалистам» по кражам вещей у пассажиров на вокзалах и в поездах, из автоматических камер хранения, из объектов финансовой системы и потребительской кооперации, из гостиниц, кемпингов и т. п.

Квалификация мошенников еще более разнообразна, чем воровская. Она зависит от многих экономических факторов, психологии человека, его изобретательности. Сейчас только одних видов уголовно наказуемого обмана существует более 40. Каждый из них содержит значительное число подвидов, или, иными словами, специальностей.

Наиболее ярко квалификация мошенников проявляется: в среде игорных преступников; лиц, совершающих обман с помощью подмены одних предметов (вещей) другими; похищающих деньги, чеки при их размене; совершающих обман под видом услуг, купли-продажи.

Квалификация карточных шулеров зависит от места и способа совершения преступлений. В настоящее время она делится на пять основных групп:

1. Мошенники, обыгрывающие крупных спекулянтов, расхитителей, а также граждан в специально обусловленных местах (их называют «катранщиками»). Это наиболее элитарная часть преступников, находящаяся на верхней ступени шулерской иерархии.

2. Шулера, обыгрывающие граждан в общественных местах («туссары»). Они подразделяются на три категории по месту совершения преступления: играющие в такси или иных машинах («гонщики»); в поездах («майданщики»); на пляжах.

3. Шулера, действующие в одиночку («паковщики»). Основная их специальность — обыгрывание приемом «катать в половину» — выиграть вначале все деньги, затем часть проиграть и прекратить игру.

4. Ростовщик, дающий в долг деньги, и перекупщик, скупающий долги под процент.

5. Лица, обеспечивающие блатные санкции («жуки») в отношении мошенников, занимающихся обманом внутри шулерской среды.

Подробно о шулерах всех специальностей мы уже рассказывали в материале, опубликованном в № 4 журнала за 1990 год. Поэтому перейдем к следующим разновидностям мошеннической квалификации.

Одна из них, наиболее традиционная, заключается в подмене вещей или денег специально изготовленными «куклами». Различают три разновидности профессионалов-«кукольников». Первая занимается обманом с помощью денежной «куклы», подбрасываемой заранее выбранной жертве в общественных местах. Вторая специализируется на вещевых «куклах», с помощью которых подменяет продаваемые гражданам дефицитные вещи. Обе эти специальности в последние годы стали заметно терять престижность в среде мошенников. Поэтому все большее распространение получает третья группа преступников, действующая посредством денежной «куклы» при так называемых сделках — купле-продаже автомашин по ценам, превышающим комиссионные.

И, наконец, самая многочисленная группа мошенников, занимающаяся обманом при совершении различных сделок. К наиболее квалифицированным профессиональным преступникам этой группы относятся следующие: совершающие обман при купле-продаже автомашин («разгонщики»); продающие поддельные железнодорожные и иные билеты; продающие фальшивые драгоценные металлы или изделия из них, поддельные картины, иконы, предметы антиквариата и т. п.; совершающие обман под видом гадания и знахарства; сбывающие поддельные лотерейные билеты на выигрыш дефицитных товаров и т. п.; выдающие себя за героев и участников гражданской и Отечественной войн.

Кроме того, существует свыше десяти специализаций по завладению государственным имуществом. Например, под предлогом перевозки товаров со складов и баз (используются фальшивые накладные), покупки вещей в кредит или взятия их напрокат с помощью поддельных кассовых чеков. Однако степень профессионализма преступников здесь несколько ниже, чем у мошенников.

Квалификация грабителя. Преступники этого корыстно-насильственного типа имеют меньшее число криминальных специальностей. Три из них относятся к основным, связаны они с разбоем и грабежом. Это захват денежных средств на объектах финансовой системы; похищающие имущество граждан в их жилищах; завладевающие автомашинами при нападении на их владельцев.

Такие преступления совершаются обычно организованными группами, которые действуют с применением различных видов оружия, технических средств, средств маскировки. К последним относится, в частности, милицейская форма.

Некоторые особенности данной категории выявлены и в способах нападения на жертву. Например, при нападениях на инкассаторов, работников сберкасс преступники действуют максимально стремительно, затрачивая на свою операцию в среднем 4—6 минут.

Несколько иначе «работают» лица, специализирующиеся на «квартирном» разбое. Обычно они проникают в жилище под видом работника милиции, слесаря, почтальона. Однако, нападая на жертву, оружие используют лишь в крайних случаях.

К категории насильственных преступников можно отнести и так называемых вымогателей. Их условно можно разделить на tradi-

ционных и «новых». К первой группе относятся лица, которые угрожают жертве уничтожением имущества, распространяют о ней порочащие сведения. Ко второй — похитители детей с целью получения выкупа. Последние отличаются крайней жестокостью: при отказе или невозможности уплатить назначенные суммы за детей они, как правило, убивают их.

Другая, правда, несколько модифицированная квалификация вымогателя — это завладение деньгами под угрозой изобличения в преступной деятельности. Такие вымогатели изучают образ жизни расхитителей, других лиц, совершающих противоправные действия, собирают компрометирующие их данные, а затем предъявляют свои условия. В последние годы вымогательство стало явлением достаточно распространенным и приобрело совершенно иное качественное содержание. Оно приблизилось вплотную к понятию рэкета, когда преступники облагают данью свои жертвы и систематически получают от них деньги или материальные ценности, то есть находятся на их постоянном содержании. Взамен им гарантируют безопасность. Чаще всего такими жертвами становятся кооператоры или индивидуалы.

Квалификация расхитителей. Расхитителями обычно называют тех, кто систематически совершает хозяйственные преступления. Но для того, чтобы совершать их, необходимо иметь две квалификации — по официально занимаемой должности и по преступной деятельности.

В настоящее время установлено свыше 200 распространенных и опасных способов хищений, совершаемых с использованием служебного положения. Каждый из них требует специальных знаний, навыков и обязательной подготовки.

Таковы основные направления и особенности преступных квалификаций. В целом же деятельность профессиональных преступников зависит от многих социальных факторов и потому постоянно совершенствуется, видоизменяется, порождая новые криминальные «профессии». Так, если в 60-х годах ростовщики были преимущественно в среде карточных мошенников и дельцов, то теперь их услугами пользуются не только правонарушители, но и правопослушные граждане. Появление ростовщиков в какой-то мере связано с распространением наемной охраны, а увеличение воровства — с возникновением квалифицированных информаторов-«наводчиков». Но особая роль в сфере «криминальных услуг» отводится профессиональным скупщикам похищенного.

Таким промыслом занимается абсолютное большинство скупщиков антиквариата, монет старой чеканки, нагрудных знаков, орденов и медалей, драгоценных металлов, книг и других вещей, требующих особого контингента покупателей.

Естественно, что в условиях усиления социального контроля преступники закономерно стремятся к установлению тесных контактов с профессиональными скупщиками, которые обладают известными навыками и имеют свою клиентуру.

ОБУЧЕНИЕ ПРЕСТУПНОМУ «РЕМЕСЛУ»

Криминальные познания и навыки приобретаются либо в процессе непосредственного обучения опытными профессионалами, что типично для карточных шулеров, карманных и квартирных воров, либо методом «проб и ошибок». По степени распространенности и крими-

нального эффекта доминирует первый. Только в местах лишения свободы получили необходимые противоправные познания и навыки до 40 процентов карманных и квартирных воров, попавших туда за другие преступления, в том числе хулиганство. При изучении преступной деятельности организованных сообществ выявлена тенденция обучения не просто конкретному способу совершения преступления, а целой программе действий применительно к создаваемым ситуациям. При этом преступники использовали типичные методы педагогики: организовывали занятия, давали вводные, отрабатывали действия на мнимом объекте. В целом ряде групп преступники пользовались услугами консультантов, литературой по правоведению, медицине, криминалистике и другим отраслям знаний.

Таким образом, вхождение в роль профессионального преступника приобретает все более организованный и целенаправленный характер. Установлено, что преступников интересуют не только способы совершения того или иного вида преступления, но и ошибки, приведшие к разоблачению. В настоящее время среди профессиональных преступников существует правило, согласно которому при разоблачении милицией преступной группы назначается специальная проверка («разбор») в отношении криминогенных лиц того района (города), где были задержаны гастролеры. Ее цель — выявить причины провала, среди которых первостепенное место отводится обнаружению источников информации оперативных служб. Например, когда Московским уголовным розыском была разоблачена и задержана группа карманных воров из Донецка, в Москву для разбора ситуации прибыли специальные донецкие команды, которые выразили неудовольствие московским карманникам, позволившим милиции задержать в столице «гостей».

Особенно тщательно ошибки анализируются в местах лишения свободы, где в обсуждении этих вопросов участвуют многие осужденные. Там же вырабатываются и соответствующие рекомендации, установки по избежанию ошибок в дальнейшей преступной деятельности.

Думаю, стоит поговорить подробно о формах и методах преступного бизнеса, доходах профессиональных преступников. Но об этом в следующем номере журнала.

Великий государь указал: бояром и окольными и думным людям и дьяком, которые ведают приказы, с сего числа в приказы приезжать с утра за час до дня, а из приказу выезжать в шестом часу дня, а в вечеру в приказы приезжать в первом часу ночи, а из приказу выезжать в седмом часу.

Указ о времени работы приказов
(Россия. 1679 г.)

РАЗМАХ МАЛОСЕРДИЯ

На Денежниковскую школу-интернат в Московской области среда бела дня совершили форменный налет. Представились налетчики работниками санэпидемстанции и под видом санитарных врачей облазили помещение буквально сверху донизу. Короче говоря, всюду совали свой медицинский нос. Видимо, искали сокровища. Таковых найти им не удалось, и в отместку за потраченные время и силы они составили протокол своего посещения. Вот в этом документе перлов не счесть. Нет, не стилистических перлов, которые вызваны пробелами образования. Имеется в виду редкостное коварство самозванцев в изобретении ну просто немыслимых в наше время безобразий, якобы обнаруженных ими.

Чего они там только не написали! И то, что уже наступил новый учебный год, а ремонт школы не закончен, раздевалки, сушилки одежды и душевые не оборудованы, канализация неисправна. И грязь, видите ли, везде, от полов до постельного белья. И вообще у детей отсутствуют предметы личной гигиены.

Впрочем, я пошутил: пришельцы были действительно работниками санэпидемстанции, но с налетчиками у них было кое-что общее. Например, решительность, напористость. И еще — бескомпромиссность. Совокупность этих качеств привела к единственному возможному в антисанитарной ситуации выводу — так дальше жить нельзя. Что на санэпидстанционном языке вылилось во фразу: «Приостановить деятельность школы-интерната».

Когда эта фраза дошла до Раменского горисполкома, там выразили с указанным мнением полную солидарность: нельзя так жить нашим детям, конечно же, нельзя. Ведь это наше будущее, дети-то. Тем более обездоленные, живущие вне семьи, лишенные повседневной родительской ласки. Короче говоря, исполком принял срочное решение и довел его до сведения заинтересованных лиц.

Чего там только не было, в этом решении! Горремстройтресту под страхом строжайших репрессий предписывалось в двухнедельный срок закончить ремонт и сделать школу-интернат похожей на старорежимную бонбоньерку. Директору и прочему обслуживающему персоналу под угрозой увольнения мягко рекомендовалось ежедневно мыть полы, еженедельно менять ребятишкам простыни и наволочки. На торговых работников возложили особую миссию: следить, чтобы воспитаннику — каждому по потребности — всегда хватало туалетного мыла, зубной пасты и зубных же щеток.

Держу пари, никто не догадался, что я опять шучу. По закону жанра должен последовать категорический вывод: ни один пункт хорошего и правильного решения не был выполнен. Но все дело в том, что его и нельзя было выполнить. По той простой причине, что такого решения не было в природе. А было совсем другое — закрыть школу-интернат. Насовсем. Навсегда. И детишек рассовать по другим подобным учреждениям...

Ах, как я понимаю дорогих товарищей исполкомовцев! Ну сами посудите: есть под боком позабытые-позаброшенные ребятишки — и с ними десятки проблем; нет под боком этих ребятишек — нет проблем.

Это решение исполкома опротестовано прокуратурой. А пока униженные бесприютством и наплевательским, безразличным отношением персонала интерната, воспитанники разбредаются по окрестностям, подворовывают по мелочам. Наиболее отчаянные и вовсе сбегают в поисках лучшей доли, не желая более мириться с мерзостью и запустением дома, который по приговору судьбы они должны считать родным.

Однако если бы терпело бедствие только одно это детское учреждение Московской области, может быть, автор и не взялся бы за перо.

Яхромская *вспомогательная* (запомните это слово!) школа-интернат который год слезно просит местные власти: подключите к системе центрального отопления! А ветхая, убогая мебель этой обители? Да она не представит интерес не только для любителей антиквариата, но даже для старьевщиков.

Задыхается без жизненного пространства Хорловская *вспомогательная* школа-интернат: двенадцать из четырнадцати спален переполнены сверх всяких норм, не у каждого ребенка есть тумбочка и стул.

А каково воспитанникам школы-интерната в Воскресенске, давно забывшим, что такое тишина и покой из-за восьми частных гаражей прямо во дворе. Да и как может быть иначе, когда то и дело под окнами слышатся рев двигателей и скрежет тормозов! Трудно сказать, чем руководствуются взрослые дяди и тети из местных органов власти, допуская такое. Может, они считают, что, лавируя среди гуляющих детишек, чтобы не наехать, частники способствуют их воспитанию? Мол, дети уже в начале жизненного пути привыкают к осторожности, учатся избегать опасности и ловко выскальзывать из-под колес. Для будущего это немаловажно и всегда пригодится.

Есть свои маленькие радости и у биологического кружка школы-интерната города Жуковского. Он достиг больших успехов, изучая природу грибка, обильно поразившего стены. Это хоть немного компенсирует такое неудобство, как крыша, просящая каши: износ ее всего восемьдесят процентов.

Кстати, о каше.

Может быть, если не красна детская изба углами, то хоть красна пирогами?

Куда там!

Конечно, не сидят сироты на хлебе и воде, хотя кое-где не мешало бы и воде быть получше. Например, в Электрогорской *вспомогательной* школе-интернате, где в пору открывать подсобное металлургическое производство. Сырье там будет поставлять артезианская скважина: вода из нее содержит железа в шестнадцать раз больше, чем положено по норме. Не думаю, что это помогает выковывать у детей железный характер...

Что касается калорийности разносолов, то речь может идти только о первом, потому что разносолов нет и в помине, а калорийность соблюдается в основном за счет углеводов. Для недиеетологов, которых среди нас подавляющее большинство, поясняя: это хлеб, крупы, лапша-макаронны и прочая вермишель да еще сахарок.

Но при этой мучнисто-сладковатой жизни детям хронически не хватает белков и витаминов, содержащихся, как известно, в мясе, рыбе, фруктах, овощах.

Бедные педагоги всю жизнь воюют с торговлей — отдайте что положено. И всю жизнь мечтают о том, чтобы прекратить войну. Добиться вечного мира между ними просто — надо питание детей перепоручить общепиту, у которого и продукты, и повара свои. А то в одном детском доме при постоянном штатном некомплекте поварскую службу несли солдаты из ближайшей войсковой части. Перековали, так сказать, автоматы на кухонные ножи...

Однако ведь и не хлебом единым жив человек. Как говорится, было бы здоровье... Увы, и это больной вопрос.

Мизерные медицинские штаты некогда богоугодных заведений, а ныне, попросту детских учреждений, у специалиста могут вызвать только смех, а у всех нас — слезы. Помните, по ходу повествования у нас то и дело повторялось словечко «вспомогательная»? За этим ничего не объясняющим туманно-стыдливym термином кроется вот что: во вспомогательных школах-интернатах находятся дети, сильно отличающиеся от здоровых детей. Они и физически иногда не столь шустры по слабости своих организмов, а то и школьную программу усвоить могут только в замедленном темпе. Тем не менее на правонарушительное озорство энергии у них хватает с лихвой. Надеюсь, все ясно?

Казалось бы, уж такой специфический контингент надо бы окружить усиленным медицинским вниманием. Но это подсказывает нам здравый смысл и логика, а они не всегда в ладу с бедностью и тем более с нищетой. В Колычевской вспомогательной школе сто тридцать один ребенок. По замыслу учредителей, здоровье этой оравы должны денно и нощно охранять (и сохранить) один(!) врач и четыре медсестры... И даже прославленный зарубежный детектив Мегрэ не сыщет там штата психологов и психиатров.

Считается, что глаза, уши и всякие там горла-носы должны лечить этим детям специалисты из ближайшей поликлиники. Но это теоретически. А практически Бронницкая поликлиника наотрез забастовала — не будем, своих больных много. Пришлось местному прокурору особым предписанием напомнить людям в белых халатах о клятве Гиппократата...

О времена, о нравы!..

Уже не удивляешься, что грязная обитательница солдатских казарм, пресловутая «дедовщина», потихонечку внедряется в детские дома со своим кулачным правом, по которому старшие воспитанники избивают и обижают младших.

...Я поймал себя на том, что готов говорить о детских несчастьях до бесконечности, благо недостатка в сюжетах нет. Притормозило меня воспоминание о нагловатой сентенции «Критика должна быть конструктивной. Что вы предлагаете?».

Извольте.

Я предлагаю признать, что на фоне множасьихся разговоров о размахе милосердия фактически мы имеем дело с *малосердием*.

Детский фонд — это хорошо. Это прекрасно. Можно даже сказать, что великолепно.

Но вот совершенно рядом, под боком, — живой детский фонд; более того, генофонд, ибо все эти плохо леченные, недокормленные, недоразвитые и ужасно воспитанные, короче — недолюбленные об-

ществом дети рано или поздно (скорее рано, чем поздно) породят других...

Вокруг каждого (не поленюсь и повторю — каждого!) детского приюта, как бы он ни назывался, десятки заводов и строительных организаций, колхозов, совхозов и птицефабрик, автоколонн и ресторанов, театров музкомедии и войсковых частей. И пусть начальники этих хозяйственных единиц под ручку с председателем женсовета, в сопровождении руководителя совета трудового коллектива и другими, но обязательно добрыми людьми раз в месяц придут в гости к казанским, калужским, самаркандским (и всем иным — без исключения!) сиротам; и пусть облазят помещение сверху донизу, как это делают санитарные врачи и прокуроры.

Поводырями здесь должны быть исполкомы местных Советов. Но пока излишка энтузиастов среди исполкомовских функционеров что-то не видно. Одни исполкомовцы последнее время не суетились, предвидя необходимость смены амплуа, другие — их преемники — не торопятся повернуться лицом к юной смене, потому что еще не осмотрелись как следует и вообще опыта маловато. А интерна-товским и детдомовским подросткам нет дела до смены исполкомовских команд. Им хочется организовать велосипедную команду, поехать на мотороллере, получить права вождения мотоцикла. И если взрослые дяди и тети не захотят им в этом помочь, уведут чужой велосипед, угонят чей-то мотороллер, украдут приглянувшийся мотоцикл. Что сплошь и рядом имеет место быть...

М. ХАЗИН,
старший советник юстиции

ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА

Если жена, обещавшись сидеть во вдовстве по смерти мужа, проживет имение, и пойдет замуж, то обязана возвратить детям все прожитое.

Если же она, оставаясь вдовою, захочет жить в одном доме со своими детьми, а дети не захотят того, то в подобном случае творить волю матери, а не детей, и что дал ей муж и что следовало получить ей на свою часть из имущества, оставшегося после мужа, то составляет ее достояние.

На часть матери дети не могут иметь никакого притязания; но кому ее назначит, тому и взять; назначит всем — то и разделить между всеми; если же умрет без языка, то у кого она жила и кто ее содержал, тому и взять ее достояние.

Если будут дети разных отцов, но одной матери, бывшей за двумя мужьями, то наследуют одни одного, другие другого отца имущество.

Русская Правда, Пространная редакция
(вторая половина XI — начало XII в.в.)

СУД ДА ДЕЛО

Записки народного заседателя

НАЧАЛО

В народные заседатели, оказывается, попадают очень просто. Подходит ко мне однажды секретарь партбюро и говорит:

— Понимаешь, из облсуда бумага пришла, нам надо кого-то выбрать народным заседателем. Я тут посоветовался — против твоей кандидатуры никто не возражает. Как смотришь?

А как я могу смотреть, если в этом деле ничего не понимаю? Да, в судах приходилось быть пассивным зрителем, но решать чью-то судьбу...

— Да не будешь ты ничего решать, — успокаивает секретарь, — все равно, как судья скажет, так и будет.

Ну, уж нет, мое самолюбие по инерции начинает чуть слышно бунтовать против такой «подкаблучной» роли, и я неожиданно для себя вдруг решительно соглашаюсь. Потом на несколько минут собирается весь наш «народ». Меня выдвигают, голосуют, поздравляют (не от радости ли, что не их выбрали?). И все. Отныне я — заседатель областного суда.

По элементарной логике жду, когда позовут на какой-нибудь хотя бы простейший инструктаж, беседу или как там еще это называется. Ничего подобного! Сразу вызывают «на дело». О деле никакого понятия не имею. Просто звонит секретарь суда и говорит: «Пожалуйста, завтра к девяти утра придите на процесс, судья такой-то, кабинет такой-то». Прихожу. Судья (председательствующего на процессе для удобства я буду коротко называть судьей) наскоро сообщает, что дело простейшее: пьяный капитан посадил на мель «Ракету», пострадавших почти нет, одна бабулька получила ушибы. Дело в это время листает прокурор, до процесса остаются считанные минуты, поэтому выяснить детали не удастся. Второй заседатель сидит смирно и к папке с делом не рвется. Сажусь рядом.

И вот — первый процесс. Слова секретаря: «Встать, суд идет!» — никак не могу применить к себе, воспринимаю происходящее как бы со стороны. Размещаемся за столом: судья — в центре, мы — по бокам. Процесс начинается. Читается обвинительное заключение. Вдруг выясняется, что совсем не просто удобно устроиться в кресле: оно очень высокое и шатается. Но вида не подаю, кое-как устраиваюсь на краешке и оглядываю зал, который сам по себе абсолютно не внушителен: какое-то все обшарпанное, ветхое.

Народу мало; это лишь те, кто вызван по делу: свидетели, потерпевшая, есть, видимо, родственники. Прошли те времена, когда судебные процессы собирали полные залы людей. Правда, наше нынешнее дело не из разряда громких, но придется потом убедиться, что и при рассмотрении других дел зал практически пуст, хотя почти все процессы открытые. Поэтому и судья, и адвокаты, и прокурор работают исключительно «на дело», но никак не «на публику», а ведь этот фактор был в прошлом очень немаловажен и существенно влиял на яркость речей сторон и даже порою на исход дела. Объяснить нынешнее «нелюбопытство» к судебным процессам не

берусь, но могу предположить, что связь здесь обратная: процессы теперь никак не афишируются, протекают нединамично, вяло, порою затягиваются на недели, а то и месяцы. Редкость, если судебное заседание начнется точно в назначенное время, перерыв любой длительности можно объявить без всяких объяснений.

...Обвиняемый — капитан, далеко не молодой — держится совершенно пришибленно, видно, что он проклял уже и себя, и своего механика, объясняющего суду, что «он хранил в холодильнике спирт для уколов». Словом, когда «Ракета» вылетела на песчаную отмель, капитан спал крепким сном, да и потом долго не мог ничего сообразить. Потерпевшая и свидетели особого зла на него не держат, хотя должны благодарить судьбу, что отделались легким испугом. Со всеми предъявленными обвинениями капитан полностью согласен и, видимо, хочет только одного — чтобы все это поскорее закончилось.

Когда судья время от времени спрашивает у меня и у другого заседателя, есть ли вопросы, мы, как болванчики, отрицательно качаем головами, и если я в первые минуты еще усиленно соображала, что бы такое умное спросить, то потом прекращаю эти попытки: о чем тут спрашивать, — взрослый человек, сам понимает, что натворил.

На следующий день, уже в клубе речников, где собрались сослуживцы подсудимого, зачитывается приговор. А до этого долго сидим в партбиблиотеке, превращенной на время в совещательную комнату, где судья пишет приговор. Раньше я всегда думала: да что они там так долго совещаются, спорят, что ли, истину выясняют? Оказывается, чисто механическое написание приговора или определения требует уйму времени: надо вновь перевернуть все дело, описать его, сформулировать обвинение или обосновать другое решение и т. д. Никаких споров у нас не возникло. Судья — энергичная, волевая женщина — показала нам в кодексе статью, по которой, на ее взгляд, следует наказать капитана, мы согласно кивнули. Осталось лишь ждать, пока она все изложит на бумаге.

Зачитывается приговор. Мера наказания — условная, осунувшийся капитан с ней торопливо соглашается и, судя по всему, обжаловать приговор не собирается. Правда, это я так думаю, а говорят, всякое бывает...

Второе дело приводит нас... прямо в тюрьму. Преступление совершено в зоне: заключенный порезал ножом офицера. Наверное, в тюрьме побывать все же нелишне, я имею в виду — побывать просто так, сторонним наблюдателем, чтобы потом даже в душе шарахаться от нее, как черт от ладана. Правда, говорят, что для кого-то тюрьма — дом родной, что «езде люди живут», и все-таки...

Железных засовов, с которыми у меня ассоциировалось представление о тюрьме, здесь давно нет. Кто-то где-то нажимает кнопки — и перед нами раскрываются поочередно многочисленные двери. Отлично понимаю, что обратный путь будет выглядеть точно так же и что будет это очень скоро, и все же в душе поселяется какой-то неуют: а вдруг механизм заест или электроэнергия отключится, как тогда отсюда выберемся? Все же человек — изначально свободное создание, и любая несвобода, даже временная, должна действовать на него угнетающе. Или человек ко всему может привыкнуть?..

Идем длинными узкими коридорами, похожими на лабиринты, и, наконец, заходим в более-менее светлую комнату — это «крас-

ный уголок»: столы со стульями, большой стол наподобие учительского, телевизор почему-то под самым потолком.

Усаживаемся. Конвоиры вводят подсудимого, который одет неожиданно пижонски: цигейковая шуба, хорошая меховая шапка, модный пуловер. Недоуменно смотрю на судью, он меня понимает и шепчет: «Это все не его, содрал с кого-то из новичков, сидит уже третий год...» Парню 26 лет. Это его четвертая судимость. Поработать почти не успел, на воле жить скорее всего совершенно не умеет. По природе, видать, неглупый: смысленные глаза, грамотная, хотя и крепко сдобренная тюремным жаргоном речь. Заметно, что к участи заключенного он не только привык, но даже считает это своим естественным состоянием, — во всяком случае, чисто внешнее впечатление именно такое. Не утерпел, чтобы в начале процесса не начать валять дурака: забился в руках конвоиров, упал головой на скамейку, начал истерично кричать: «Уведите меня отсюда! Приговор в камере зачитаете — и пошли вы все!» На его истерику никто особого внимания не обратил, и он через пять минут затих, а когда сняли наручники — и вовсе успокоился, начал толково и связно отвечать на вопросы. Да, майора он порезал. Чем? Ножом, который нашел на крыше слесарки. Зачем это сделал? Сам не знает. Шел по лагерьной аллее, было уже темно, увидел майора, подозвал его — и ударил ножом.

На вопросы отвечают ряд свидетелей, тоже заключенных. Боже мой, кого здесь только нет — русские, казахи, эстонцы, цыгане... Почти все — мужики в расцвете лет: есть красивые, умные, и не очень — всякие, как и в любой другой жизни. Правда, на первый взгляд все они очень похожи, наверное, из-за тюремной роботы с нашитыми на груди белыми бирками с фамилиями.

Потерпевший жив, находится здесь же, рана зажила, хотя он и опасается за последствия, неоднократно это подчеркивая. Рядом — его сослуживцы. Когда фабула начинает раскручиваться, то остается просто удивляться, на чем вообще в зоне держится хоть какой-нибудь порядок. Здесь возможно свободное хождение, без труда можно смастерить нож, до полуночи идет игра в карты, причем не просто игра, а на крупные суммы денег. Спрашиваю у одного из свидетелей-заключенных, который считается игроком не из слабых, сколько можно выиграть за вечер. Отвечает: рублей пятьсот — шестьсот. Наличными? Можно наличными, можно в долг, можно денежный выигрыш заменить чем-нибудь другим. Чем, например? Смеется: о, всего не перечислишь! Кстати, если «порезать офицера», — проигрыш тоже прощается. Подходим к истине? Кто его знает! Да, подсудимый играл, выигрывая и проигрывая. Но теперь утверждает, что карты здесь ни при чем, на преступление пошел «просто так». Верить ему? Но ряд фактов наталкивает на вывод, что кто-то надушил его «отыграться» именно таким способом. Кто? Всплывает и имя. А подсудимый и свидетели-заключенные категорически этот вариант отрицают, и ожидать от них признания по крайней мере смешно. Как проникают деньги в зону? По-всякому. В том числе и через некоторых сотрудников этого учреждения, у которых отношения с заключенными складываются по-разному: кто-то с ними явно заигрывает, кто-то держит «в кулаке». Один из свидетелей-заключенных кричит другому свидетелю в военной форме: «А помнишь, как ты ни с того, ни с сего на мне дубинку испытывал? Я-то помню, не забыл!»

Разумеется, по отрывочным эпизодам трудно окончательно судить о жизни в зоне. По закону обстановка здесь должна быть исправительно-трудовой, трудовая — может быть, но вот насчет исправительной возникают сомнения. Во всяком случае, прокурор начинает злиться: «Это что за порядки! Вкатить руководству учреждения частное определение!» С трудом верится, что прокурор услышал на этом суде какие-то новости.

В конце концов добавляем к прежнему сроку подсудимого еще несколько лет. Ему, по-моему, безразлично, хотя — кто знает...

Теми же лабиринтами выбираемся из тюрьмы. Вновь неприятно поражает обилие служащих здесь женщин. Зачем они здесь, что за необходимость? Разве можно здесь женщине добровольно работать? Оказывается, не только можно, но и место денежное и дефицитное — вот те на! А по-моему, это все же какая-то аномалия, во всяком случае, мне кажется, что запах тюрьмы пропитал меня насквозь, а ведь мы пробыли здесь всего-то несколько часов. Ладно, оставим этот разговор. Каждый волен сам распоряжаться своей судьбой.

ПОПРОСИЛ ЗАКУРИТЬ...

Подсудимый Гребенщиков, похоже, уже приготовился к «вышке». Он только что освободился, отсидев от звонка до звонка девять лет за умышленное убийство, и вот снова аналогичное преступление. На вид типично дегенеративная личность, но рассказывает неожиданно складно: «Утром проснулся, собрался идти увольняться и куда-нибудь уезжать: участковый надоел, ходит и ходит, все ему мерещится, что я режим нарушаю. Иду, смотрю — пиво продают. В стороне нож лежит, взял, посмотрел — хороший нож, сунул в карман, пошел дальше. Смотрю — очередь за вином. Двум незнакомым парням дал деньги, взяли три бутылки, поехали на Иртыш. Там у одного мать недалеко живет, он пошел к ней за стаканами, пару кусков хлеба еще принес. Ну, этот быстро напился и ушел. А мы с другим разодрались, я его ударил ножом, он побежал, я его не стал догонять, на кой он мне сдался. Уже вечер наступил. Я пошел по улице Куйбышева, дошел до вокзала, там шарахался. Встретил мужика, попросил закурить, он не дал, я его ударил ножом. Он пошел в подъезд, а я — домой. Утром за мной приехали, начали спрашивать, где был да что делал. Я все рассказал, но я не знал, что этот — возле вокзала — умер в подъезде. Меня потом привозили туда. Да, он точно в этот подъезд пошел...»

...Николай Георгиевич Ведерников, 1943 года рождения, хороший работник, прекрасный отец и муж, приветливый сосед, возвращался от сына: пока поужинали — припозднился. Но знал, что скоро жена будет со смены возвращаться, торопился ее встретить, как обычно. Возле своего дома встретился какой-то мужчина, попросил закурить. Что ответил Ведерников — теперь никто не узнает, а результат встречи трагичен: «колото-резаная рана живота с повреждением печени, желудка, брюшной аорты, повлекшими острую кровопотерю...» Николай Георгиевич умер в своем подъезде за несколько минут до прихода жены, которая и обнаружила его здесь. Сиротами остались десять детей, шестеро из которых еще несовершеннолетние, только двое живут отдельно. Жена погибшего, Анна Александровна, меня просто поразила, когда сказала: «Не надо этого Гребенщикова убивать, мне от этого не станет легче. Пусть лучше ра-

ботает и платит моим детям». Милая Анна Александровна, увы, немного этот «работник» может наработать, и вряд ли уже найдется та сила, которая сможет наставить его на путь истинный, во всяком случае, я в это не верю. Да, адвокат, как это ему и положено, говорил о трудном детстве подсудимого, о семейных неурядицах. Но на суд пришла родная сестра Гребенщикова, которая сумела точно в тех же условиях стать хорошим человеком, работает, растит детей.

Всегда можно докопаться до первопричин падения личности, но на суде мы имеем дело уже с последствиями. Хотя... Проходящие по этому делу свидетели — красноречивая иллюстрация того, как легко они могут превратиться в подсудимых, причем без чьей-то посторонней помощи. Не зная человека, пьют с ним, едут куда попало, дерутся, причем один из них получает ножевое ранение, у другого — дома беременная жена с ребенком. «Отец семейства», по собственному признанию, выпивает часто, судя по производственной характеристике, «особого усердия к работе не проявляет». Еще один свидетель когда-то работал в колонии, уволен за аморальные поступки. Сейчас работает в другом месте, есть семья. Им чуть за тридцать, а уже сморщенные, потасканные, желтые. Вряд ли в их семьях царят счастье и согласие. Жаль их жен, жаль детей. Но горе Анны Александровны Ведерниковой ни с чем не сравнимо. Я была в этой семье после суда. Хорошая квартира, старательно отделанная Николаем Георгиевичем, симпатичные ребятишки смотрят цветной телевизор, вместе с ними 85-летняя бабушка — мама погибшего. Анна Александровна ведет себя мужественно, старается перед детьми не раскисать, да и они молодцы, слушаются ее с полуслова. За что этой семье такое испытание? «Вот ему дали 15 лет, — рассуждает Анна Александровна — но ведь он тогда совсем человеком не будет». Хочется сказать: «Да забудьте вы про него!» Не забудет. Как станет вспоминать мужа, так и того вспомнит, кто его отнял. Так и будут жить рядом две памяти — добрая и худая...

ТРУДНЫЙ ЭКЗАМЕН

Дело тянется три года. Мы рассматриваем его в очередной (девятый) раз. Оно порядком надоело свидетелям, которые под всякими предлогами стараются в суд не являться. Да и у потерпевших, и у подсудимого уже притупились все эмоции по поводу случившегося три года назад, и они монотонно повторяют давно заученные фразы, иногда прибавляя, к всеобщей досаде, и что-нибудь новенькое.

Кроме того, по закону мы обязаны огласить на нашем процессе показания всех проходивших по делу на каждом из предыдущих судебных заседаний. Плюс ко всему адвокат подсудимого записывает процесс на магнитофон, и мы обязаны после каждого заседания пленку прослушивать, чтобы убедиться в ее чистоте и потом приобщить к делу.

Дни бегут, процесс напоминает переливание из пустого в порожнее. Начинают нервничать адвокаты. Адвокат подсудимого вдруг заявляет отвод председательствующему суда за такую нечаянно оброненную фразу в адрес одного из свидетелей: «А вы, видно, хорошо подготовлены!» Поворот для нас, народных заседателей, совершенно неожиданный, поскольку абсолютно все, в том числе и судья, выходят, а мы остаемся вдвоем и должны писать определение, отводим мы судью или не отводим. Как это делается, мы не

знаем. Приходится действовать чисто интуитивно. Беру уголовно-процессуальный кодекс Казахской ССР, нахожу статью, где перечислены обстоятельства, устраняющие судью от участия в расследовании дела. Ни под один из пунктов этой статьи действия нашего судьи вроде бы не подходят. Все это излагаем на бумаге, но на всякий случай, поскольку субъективное высказывание все же имелось, объявляем судье замечание. Оглашаем. Председательствующий вновь занимает свое место. А если бы мы его отвели — дело передали бы другому судье, и все началось бы сначала. Что хуже, что лучше — не знаем, но иногда судья в сердцах восклицает: «Да лучше бы вы мне отвод сделали, надоело мне все это!» Надоело не надоело, доводить дело до конца надо. На работе ни у меня, ни у второго заседателя никто не в восторге, что мы третью неделю в «выключенном» состоянии. С судьей отношения тоже все больше обостряются.

Оказывается, дело находится на контроле где-то в верхах, и это, естественно, вольно или невольно давит на судью, хотя прямых доказательств виновности подсудимого я лично никак усмотреть не могу. Нам, заседателям, кажется, что намечается обвинительный уклон, и мы говорим об этом судье. Он кричит: «Мы здесь ничего из пальца не высасываем, внимательно читайте дело, это вы, журналисты, можете из пальца высасывать, а у нас факты!» Злюсь и тоже кричу в ответ: «Да и вы здесь, как я посмотрю, такие же, как и мы!» Хлопаем дверями, расходимся по домам.

Утром — все сначала. Судья считает, что надо удовлетворить очередное ходатайство стороны потерпевших и отказать стороне подсудимого. Снова ругаемся: «Да давайте хоть чисто формально удовлетворим ту и другую стороны, нельзя же так!» Обстановка накаляется после того, как прокурор в конце своей речи просит определить подсудимому меру наказания в виде лишения свободы на девять лет усиленного режима. Все! Дальнейшие действия кого-либо меня больше не интересуют. Дело за это время мною читано-перечитано, в совещательной комнате я буду только за дополнительное расследование. Пусть лучше виновный пока погуляет, чем будет сидеть невиновный.

Но до совещательной комнаты еще надо дожить. Уже после прений вдруг начинаются всякие неожиданности. Стороны поочередно заявляют ходатайства о вызове каких-то дополнительных свидетелей, которые явно никому не нужны. Но здесь уже начинаются «принципы»: ах, вы заявили, ну и мы тоже! Да хоть кого теперь вызывай, если предварительное следствие велось безграмотно, в деле масса серьезнейших пробелов, и чем дальше, тем это становится очевиднее.

...И вот мы в совещательной комнате. Подвал. Холодно и тоскливо. Однако спор получается жарким. Пишем все-таки не приговор, а определение о направлении дела на дополнительное расследование. Завтра утром зачитаем — и все! Но не тут-то было. С утра сидим в холодном подвале. За окном моросит противный мелкий дождик. Определение зачитывать не перед кем: подсудимый не явился из Экибастуза. Медленно тянутся минуты, часы, проходит полдня, хочется поесть и согреться (выходить-то мы не имеем права). Наконец секретарь стучит в дверь: приехали!

Ясно, что подсудимый полдня прощался со свободой и собирался в тюрьму: одет в теплый спортивный костюм, рядом родственники, знакомые. Его адвокаты (их было двое) явно нервничают. По-

терпевшие ведут себя внешне спокойно, но я думаю, что пробелы в деле и для них были заметны. Во всяком случае, мне хочется надеяться, что они нас поймут.

Входим в зал. Все встают. Тревожная тишина. И когда вместо слова «приговор» судья произносит «определение», вижу, как один из адвокатов подсудимого бросает на стол ручку и прислоняется к стене, а один из потерпевших с тоской смотрит на своего адвоката: все сначала, когда же это кончится?

Выходим на улицу. Вечереет, сеет и сеет мелкий дождь. Долго нет ни автобуса, ни такси. А на душе вдруг становится легко и спокойно, как после успешно сданного трудного экзамена...

Л. ГРИШИНА,
народный заседатель
Павлодарского областного суда
Казахской ССР

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «ЧиЗ»

Иск к... обкому КПСС

В № 7 нашего журнала была опубликована беседа с председателем Свердловского районного народного суда г. Москвы Л. В. Глебовой, где речь шла о рассмотрении в судах дел по статье 7 Гражданского кодекса РСФСР по искам к редакциям газет и журналов.

А можно ли привлечь к судебной ответственности по статье 7 ГК РСФСР партийный орган? Оказывается, действующее законодательство такую возможность предусматривает.

Вот что рассказал в своем письме в редакцию один из наших читателей.

Многие годы мне приходилось обращаться с заявлениями в ЦК КПСС, Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, редакцию «Правды» и сообщать о различных недостатках и злоупотреблениях, имевших место в Карельской республиканской санэпидемстанции, о тенденциозной позиции Минздравов КАССР и РСФСР, о неправильных действиях Карельского обкома КПСС. Мои заявления эти инстанции переадресовывали Карельскому обкому партии. А там вместо разбора конкретных фактов сотрудники обкома составляли позорящие меня справки, на основании которых секретари обкома и Петрозаводского горкома КПСС дезинформировали высшие партийные органы.

Каким образом я, беспартийный, узнал об этом?

Карельская республиканская санэпидемстанция в одном из заявлений была названа мною «заповедником социальной несправедливости». СЭС обратилась в Октябрьский райнарсуд г. Петрозаводска с иском о защите чести и достоинства. Суд удовлетворил иск. В протоколе судебного заседания я обнаружил фразу: «Обозреваются материалы из обкома КПСС...» Однако в ходе судебного заседания указанные материалы не «обозревались». Свое недоумение по этому поводу я выразил в замечаниях на протокол заседания суда и попросил познакомить меня с этими материалами. И через две не-

дели после судебного заседания мне вручили третий том дела с 392 листами документов из обкома КПСС. Там были мои заявления в высшие партийные органы, справки заведующих отделами обкома КПСС, копии ответов в Москву и другие документы.

Познакомившись с копиями ответов секретарей Карельского обкома и Петрозаводского горкома партии в высшие партийные органы, я обнаружил там вот такие сведения, касающиеся меня и моих заявлений: «сутяжнический характер писем», «умышленно отвлекает ответственных работников разбором своих кляуз» и т. д. и т. п.

Вполне резонно, на мой взгляд, решив, что подобные характеристики затрагивают мою честь и достоинство, я по всем правилам гражданского судопроизводства оформил исковое заявление по статье 7 ГК РСФСР, ответчиками по делу указал: Карельский обком и Петрозаводский горком КПСС. И получил определение судьи Октябрьского райнарсуда г. Петрозаводска Б. В. Бубнова об отказе в приеме искового заявления на том основании, что «...изложенное в заявлении является обычной жалобой на действия коллегиального органа, которые разрешаются в установленном порядке, а народные суды неправомочны проверять деятельность партийных комитетов...»¹. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Карельской АССР в составе Э. Ф. Пенние, А. А. Качаловой, И. И. Михильянен оставила определение народного судьи Бубнова без изменения.

Иной, к счастью, оказалась позиция заместителя Председателя Верховного суда РСФСР Н. Ю. Сергеевой. В своем протесте, внесенном в Президиум Верховного суда Карельской АССР, она писала, что «названные судебные постановления являются незаконными и подлежат отмене. Как видно из искового заявления Розенберга, свой иск он предъявил в порядке статьи 7 ГК РСФСР, считая, что содержащиеся в справках, составленных работниками Карельского обкома КПСС и Петрозаводского горкома КПСС и направленных в высшие партийные органы, сведения порочат его честь и достоинство. Согласно статье 7 ГК РСФСР гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Таким образом, спор Розенберга подведомствен суду и подлежит рассмотрению по существу. Указание в определении судьи, что заявление Розенберга — жалоба на действия партийного комитета, которые суд неправомоchen проверить, противоречит тексту искового заявления Розенберга».

Президиум Верховного суда КАССР удовлетворил протест: отменил определение народного судьи, коллегии по гражданским делам своего суда и передал материалы дела для рассмотрения по существу в Верховный суд КАССР по первой инстанции.

Еще до рассмотрения дела в судебном заседании (очевидно, предвидя его результаты) секретарь Карельского обкома КПСС опроверг все порочащие меня измышления и принес извинения, о чем сообщил письменно Комитету партийного контроля при ЦК КПСС, Верховному суду КАССР и мне. Секретарь Петрозаводского горкома КПСС также опроверг порочащие мои честь и достоинство сведения письмом в редакцию «Правды», Верховный суд республики и мне лично, извинился.

¹ В то время законодательство еще не предусматривало возможность судебного обжалования решений коллегиальных органов (прим. ред.).

Поскольку ответчики до судебного разбирательства полностью удовлетворили мои исковые требования, я отказался от иска, и Верховный суд КАССР вынес определение о прекращении дела.

А. РОЗЕНБЕРГ

г. ПЕТРОЗАВОДСК

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ИЗ МИЛАНА

Он очень разный, полицейский из Милана. Как, впрочем, неодинаковы те многочисленные заботы по охране порядка в городе, которые ему приходится решать ежедневно и ежечасно. Подтянутый, элегантный, в ослепительно белой рубашке и «при галстук», но — всегда с пистолетом в кобуре, висящей поверх пиджака, он максимально приветлив и доброжелателен в толпе многочисленных туристов. По-отечески, несмотря на возраст (а средний возраст миланского полицейского весьма невелик), заботлив в беседах и встречах с детьми. Встречи эти, надо сказать, постоянны, они регулярно проходят в школах, в клубах, в многочисленных жилых кварталах города. Цель их одна — профессионально помочь юным жителям Милана адаптироваться в непростой обстановке большого города, научить их навыкам поведения в различных ситуациях, в том числе и тех, что именуют экстремальными.

Вечерами на улицах Милана полицейских заметно больше. По ночам, к утру, туда, где, как правило, регулярно возникают «горячие точки», подтянуты усиленные наряды, здесь сосредоточены патрульные машины, и их тоже значительно больше, чем днем. Впрочем, далеко не всегда возникает необходимость для использования «готовности № 1». Нередки вечера без происшествий, как, впрочем, и ночи, не отмеченные в сводках никакими «ЧП».

Но для того, чтобы «ЧП» любого масштаба имели место как можно реже, в Милане создан своего рода институт полицейской службы, эффективно решающий вопросы профессионального отбора и подготовки полицейских, технической оснащенности (на самом высоком уровне!) всех подразделений полиции, разработки современных методов по охране правопорядка и профилактике преступности.

Существующая ныне модель городской полиции создавалась годами, при этом формировались традиции, практикой отбиралось все то лучшее, что сегодня является ее характерными чертами. Какие это черты? Прежде всего высокий авторитет полиции среди населения. Авторитет основан на доверии, на постоянной уверенности, что на помощь любому жителю всегда готов прийти человек в мундире полицейского.

И все же на вопрос «Какой он, миланский полицейский?» однозначного ответа я не нашел. Создав вначале лишь визуальный портрет городского стража порядка, наблюдая за ним в солнечный день на фоне белых каменных кружев всемирно известного местного

собора и в темный вечер, разрываемый оглушительным треском мотоциклов, оседланных не знающими удержу юнцами, подумал, что, видимо, лучше всего о полицейских могут рассказать... сами полицейские.

Отделение полиции, отвечающее за порядок в центральном районе Милана, в тот июньский вечер жило своей обычной жизнью. Дежурный у пульта отвечал на многочисленные звонки, постоянно держал связь с патрульными машинами и возможностью для беседы не располагал. У Марка Чинзано и Умберто Сорди, рядовых полицейских отделения, заступивших на дежурство, экстренных дел пока не было, и они охотно ответили на вопросы русского журналиста.

Как в Италии становятся полицейскими? «Это нелегко,— объяснили мои собеседники.— Прежде всего необходимо желание человека работать в полиции. Затем каждый, кому исполнилось 17 лет, может пройти специальное тестирование на профессиональную пригодность для службы в полиции и в случае положительных результатов испытания вправе рассчитывать на звание рядового полиции». Месячная зарплата полицейского составляет 1 миллион 200 тысяч лир. Много это или мало, судите сами. Один килограмм хлеба в Италии стоит 1800—2000 лир, овощей—3—4 тысячи, мяса—в среднем около 20 тысяч лир. Замечу, что зарплата начальника отделения, где служат Марко и Умберто, лишь в два раза превышает зарплату рядовых. Кстати, продолжительность рабочего дня—6 часов с одним выходным в неделю. И практически никаких сверхурочных. Потому что за любую задержку, за любой вызов в нерабочее время администрация должна дополнительно платить сотрудникам. И платить немало.

В кабинет Роберто Висконти, начальника отделения полиции центрального района Милана, мне удалось попасть без особого труда. Более того, хозяин кабинета был рад гостю и не скрывал этого. Заминка произошла после первых минут знакомства и объяснения цели визита. «Интервью для журнала?»—Роберто Висконти снял телефонную трубку и начал переговоры с «инстанциями». Звонил долго, по телефонному пути дошел до Рима и там, в министерстве, дать интервью без предварительной проработки ему «не рекомендовали».

Нет так нет. «Но и без интервью мы можем поговорить»,—Р. Висконти открыто улыбнулся и охотно внес немало важных деталей в создаваемый нами портрет полицейского из Милана.

— Желание юношей (и даже девушек!) служить в рядах полиции, конечно, важное, но не единственное условие отбора будущих полицейских. Формируя пополнение среди претендентов, мы отбираем молодых людей с определенными чертами характера, с достаточно высоким уровнем культуры, с хорошей физической подготовкой. Помимо тех молодых людей, кто, пройдя испытания, заключает контракт с полицейским управлением, в наших рядах немало юношей призывного возраста. Вместо службы в вооруженных силах Италии они могут год отслужить в полиции, что и престижнее и более привлекательно с материальной точки зрения. Ведь находясь год на службе в полиции, призывники получают ту же зарплату, что и работающие по контракту.

Но повторю: в полицию может попасть далеко не каждый. Тесты, которые министерство обороны предлагает призывникам, содержат ряд вопросов, внесенных по предложению полиции с единственной целью—не ошибиться в выборе будущих полицейских.

Без ложной скромности должен заметить, что, как правило,

в полицию благодаря научно обоснованной системе профессионального отбора приходят лучшие. Правда, не всегда министерство обороны готово из числа призывников лучших отдать полиции. Так что с армией у нас существует здоровая конкуренция в вопросах набора нового пополнения.

Полицейский в Италии — профессия престижная. Ежегодно около трех тысяч молодых людей приходят на службу в полицию. И служба начинается с профессиональной учебы. В течение полугода «новобранцы полиции» овладевают навыками будущей профессии. Их учат стрелять и оказывать первую медицинскую помощь, учат методам преследования преступников и навыкам культуры общения. Наряду со многими секретами полицейской профессии, изучением современных технических средств, которыми сейчас оснащены в Италии службы полиции, учебные программы значительное место уделяют юридической подготовке. Доскональное знание законов, умение пользоваться ими — одно из основных требований к человеку, избравшему карьеру полицейского.

Карьера эта может складываться по-разному. Прослужив девять лет, рядовой полицейский может стать бригадиром. Спустя 2—3 года, после необходимой подготовки и при наличии требуемых человеческих и профессиональных качеств, бригадир может стать инспектором, а затем полиция Италии из инспекторов формирует ряды своих функционеров среднего и высшего звена.

Основная часть разговора с Роберто Висконти была посвящена казалось бы заурядной стороне жизни итальянских полицейских — условия приема на работу, зарплата, отпуска. Отпуск, кстати, у полицейских зависит от стажа работы. Те, кто проработал более 15 лет в полиции, имеют право на 35 дней отдыха, стаж свыше четверти века позволяет находиться в отпуске 45 дней — любому служащему полиции: и рядовому, и генералу. И тогда подумалось, что так называемая бытовая сторона жизни полиции, пожалуй, во многом определяет ее достаточно высокий профессиональный уровень, дает возможность решать сложные вопросы, которые постоянно задает жизнь.

Однако годами сложившийся из книг, из кино стереотип итальянской полиции подталкивал к разговору на «остросюжетную тему» — об операциях с перестрелкой, захватах бандитов, найденных складах оружия, обезвреживании бомб, заложенных террористами. Летопись миланской полиции содержит немало таких страниц — и страшных, и трагических, и грустных. Терроризм 70-х годов печально памятен повсюду в Италии. Напоминание о нем не только толстые тома расследований, фотодокументов, запечатлевших взорванные дома, офисы, автомобили, бесследно исчезнувших жертв, но и фотографии в черных рамках, которые сегодня можно увидеть на стенах многих полицейских участков. И тот, которым сегодня руководит Роберто Висконти, не исключение.

— Что вас, как руководителя одного из подразделений полиции Милана, беспокоит сейчас больше всего? — этот вопрос я задал Роберто Висконти под конец беседы. «Наркотики и террористы» — ответ был предельно лаконичным.

Что ж, и наркотики, и террористы, видимо, еще долго будут «зоной повышенного внимания» и Роберто Висконти и тысяч его коллег во всем мире.

П. МОРГУНОВ

МИЛАН — МОСКВА

Бой в кишлаке

ПОВЕСТЬ*

Заставы, расположенные на сопках и земляных вершинах прикабульских долин, перекрывали караванные пути, по которым в Кабул шло оружие.

Конца афганской войне не было видно, и это было обидно, хотя люди уже устали от войны, устали от запаха крови, устали от всего, даже от жизни своей, они избегали друг друга, боялись всех подряд — американцев, китайцев, иранцев, французов, пакистанцев, наших, самих себя боялись — всех! Оказалось, война и боязнь более совместимы, чем война и бесстрашие.

Днем на заставу пришел старик, сутулый, с редкой седой бородой, выгоревший, блеклый, с белыми, порченными жгучим солнцем глазами, такой сутулый, что казалось — на спине у него бугрился горб.

В мешке старик принес виноград — подкормить ребят. Жил он внизу, под заставой, в кишлаке, у мелкого песчаного ручья, который тихо сочился из-под рыжего камня, пытался дотянуться своими слабыми струями до оврага, но силенок у ручья не хватало, и он исчезал на глазах, впитывался в землю, оставляя после себя небольшие влажные пятна.

Старик сел на камень, положил мешок перед собой, раскрыл его, будто собирался продавать, махнул рукой — подходи, кто хочет, сам обессиленно откинулся на спину, открыл рот — дедку не хватало воздуха: дорога на заставу крутая, все время вверх, в небо, тут и молодые задыхаются, отдыхают после подъема вот так же, с языком на плече, не то что старики.

Сержант Есенков присел перед стариком на корточки, тронул его руку, старик, не раскрывая глаз, отрицательно покачал головой: не прикасайся! Есенков, обернувшись, увидел своего земляка Володю Линева, крикнул ему:

— Пошуруй в аптечке, там валидол должен быть, — хотя сам Есенков, честно говоря, не знал, есть валидол в аптечке или нет,

* Журнальный вариант.

быть может, даже и не было его, ребята на заставе молодые, начиная с кока Бадина, кончая командиром лейтенантом Николаевым, все здоровые битюги, а битюгам валидол не требуется. Сморщился Есенков озабоченно — он переживал за старика, вновь тронул дедка за руку: — Что, совсем худо?

Нет, не понимал старик русского языка, он знал только два слова: «здравствуйте» и «спасибо». Есенков, который нечасто общался с афганцами, маху дал, забыв, что к чему, лицо его со светлыми усиками вновь сморщилось, и он выкрикнул:

— Переводчик! Фатахов!

Но прежде чем появился Фатахов, около сержанта возник, бесшумно скользя кедами по камням, Линева, разжал ладонь — в ладони лежала белая таблетка: имелись-таки «сердечные пилюли» в аптечке заставы. Вообще-то аптечка — это по части «Пинцета» — санитар заставы Крыгина, но Крыгина увезли в Кабул, получать медаль за Кандагарскую операцию — специально «бетеэр» прислали за Пинцетом. Крыгин был горд этим обстоятельством, быстро подшил свежий воротничок, сменил тельняшку и вприпрыжку спустился к бронетранспортеру. А будь он на заставе, мгновенно сообразил бы, чем и как оживить старика.

— На! Это самое... под язык положи, — Есенков протянул старику таблетку, — полегчает!

Но старик не понимал сержанта, и тогда Есенков, высунув язык, показал, как и куда надо заложить белую пилюлю, несколько раз почмокал, демонстрируя таблетку, дескать, надо сосать, потом погладил ладонью сердце, успокаивающе улыбнулся.

Старик открыл блеклые непонимающие глаза, что-то проговорил.

— Ну, что же ты, дедунь, — укоризненно покачал Есенков головой, — это так просто, таблетку вот сюда, под язык, — он вновь открыл рот, молодой и зубастый, старик с неожиданным интересом посмотрел ему в рот, — и перекатывай ее из стороны в сторону.

В это время подоспел Фатахов, все объяснил старику, тот наклонил голову и, сунув белый кругляш под язык, причмокнул громко, совсем как Есенков.

— Чай можно пить, — глухо произнес дедок, — таблетка сладкая.

— Сладкая, — согласился переводчик, — да только чай пить не надо. Лекарство тогда не поможет.

— А если чай отдельно, таблетку отдельно?

— Тогда поможет.

— Разбирай виноград, мужики! — скомандовал Есенков. — Не то его Спирин в одиночку прикончит. Спирин, прекрати расправляться единолично с коллективным имуществом!

Рядовой Спирин вытащил из мешка огромную, на полкилограмма отборную гроздь «дамских пальчиков», лениво глянул на сержанта:

— Коллективное имущество — это ничейное имущество. Что есть оно, что нет — один черт.

— Ребятам хоть винограда оставь, — попросил сержант.

— А вон, полная котомка. — Спирин показал на мешок.

Спирин был москвичом, единственным на заставе, и это чувствовалось — он отличался от других, мало кого признавал, даже лейтенанта Николаева, единственный, с кем он считался, был Линева. И не потому, что он очень уважал Линева либо боялся его

физической силы — на войне физическая сила не самое главное, куда главнее факт, полон или пуст у тебя рожок автомата, пан тот, у кого больше патронов — просто по закону ребячьих ватаг ему надо было с кем-то водиться.

Старик шевельнулся, он подтянул к себе ноги в ветхих, сшитых из сыромятной кожи тапочках. Есенков посмотрел на его древние тапки и прищелкнул языком.

— Это ж из каких раскопок обувь?

Старик, естественно, не отозвался.

— Кто-то из челяди фараона Тутанхамона носил, — сказал Спирин, — покрой не из благородных. И материальчик — не из... — он потрогал пальцами воздух. Хохотнул коротко, громко.

— В кишлаке все тихо, аксакал? — Есенков отвел глаза в сторону, глянул в дымный, щемяще глубокий провал, в котором виднелись желтые глинобитные прямоугольники домов. Фатахов перевел.

— Зачем спрашиваешь, сорбоз? — Старик укоризненно покачал головой, натянул чалму поглубже на глаза, чтобы защищаться от шпарящего солнца. — Ты сам все лучше меня знаешь.

Прошедшей ночью в кишлак пришла группа. Пришли не пустые — с оружием. Есенков вздохнул, втянул в себя сквозь зубы воздух, пробуя остудить горячий рот, но воздух был обжигающе горяч, словно спирт, сух и горек, пахнул паутиной, травой и змеями — таким воздухом, как крутым кипятком, можно обварить себе рот, от него слабеют десны, крошатся зубы. Одно знал Есенков, как знала и вся застава, — эта группа была чужая.

— Сержант, у меня такое ощущение, что старик не просто сюда пришел. — Спирин ловко, держа виноградную кисть над собой, губами отщипнул одну ягоду, за ней другую, посмаковал. Профессионалом он был высокого класса, знал толк во многом, в том числе и в хорошем винограде.

— Ясно, не просто, — согласился со Спириным сержант, — виноград принес...

— Он за разведанными сюда пришел: сколько нас тут, чем вооружены, как укреплена сопка... Разве не видишь?

— Не вижу, — спокойно проговорил сержант, — старик проверенный.

— У тебя, сержант, отсутствует классовое чутье. Да ты посмотри на этого душка!

— Пора гражданской войны миновала. Понятие «классовое чутье» отменено.

— Слепота хуже коклюша, у этого душка руки в автоматной смазке! — Спирин снова отщипнул губами сладкую ягодину. Говорил он тихо, вроде бы для самого себя, голосом акына, рассказывающего своей лошади, какой сегодня выдался денек — земля, мол, такая, а облака этакие, все цветет, все поет, либо, напротив, день серый, пасмурный.

— В виноградном соке, в виноградном соке, Спирин, — поправил сержант ровным голосом. Он, как и Спирин, тоже умел не выходить из себя, отметать наваждения, побуждающие тихо взять в плен его душу, отличить душмана от недушмана: двадцатилетний Есенков был человеком обстоятельным, спокойствием и рассудительностью он отличался и в двухлетнем возрасте, и уж тем более теперь — в возрасте двадцатилетнем.

— Ты ему ботинки, а он тебе ночью очередь из автомата,— ленивым голосом протянул Спирин.

— Слушай, а вдруг виноград отравлен? — вдруг задал вопрос Спирину сержант.— Не боишься?

— Нет.

— То-то я смотрю, виноград очень лихо у тебя идет, мечешь, словно бисер.

— Смотри, сержант, насчет того, что старик — разведчик, я тебя предупредил, а там дело твое. Ты сейчас за командира остался.

Лейтенант Николаев вместе с Пинцетом отбыл в Кабул. Приедет обратно — почту привезет. Письмо из дома в Афганистане — радость номер один. Такая же радость, как и баня. Две радости только и существуют, больше ничего нет: письма и баня. Еще, может быть, наряд вне очереди.

Сержант скосил глаза в дымную расщелину: в сизой дрожащей глуби он заметил движение — в кишлаке, из одного дувала в другой перешли несколько человек. И вновь все застыло — кишлак был словно мертвый: вроде бы никто в нем не жил, никто не пек лепешки. Но люди в кишлаке жили, лепешки пекли, в схоронках прятали оружие, сушили кишмиш — сладкий бескостный изюм, из прозрачного изюма этого гнали кишмишовку — довольно пакостный самогон, перевод добра в дым.

— Сорбоз, где командир? — старик выплюнул наполовину иссо-санную таблетку в руку, спрятал половинку в карман халата.

— Отец, не жалея валидола, мы тебе целую упаковку дадим.

— Чего попусту расходовать лекарство? Не по-мужски это,— старик хлопнул рукою по карману,— я сказал: годится обсосок, значит, годится. Хорошее лекарство. Где, говоришь, командир?

— В Кабуле. Что-нибудь случилось?

— Жалко, что командир уехал в Кабул. Разговор к нему есть.

— Скажи мне.

— Не могу, командир нужен.

— Что ты, сержант, с ним ляды точишь? Ты с ним еще в шашки сыграй! Он тебе лапшу на уши вешает, а ты слушай, слушай больше,— ну хоть бы у Спирина голос дрогнул, повысился либо понизился, а нет — ровно, очень ровно и спокойно говорит Спирин. Будто старый, прокопченный в боях фронтовик читает лекцию допризывникам в военкомате.— Слушай, слушай, сержант! Умным будешь!

— За что ты ненавидишь старика?

— За то, что он душман.

— Из-за таких, как ты, Спирин, мы после тридцать седьмого года миллион человек недосчитались.

— А это, сержант, считается «приклеить ярлык». Не клей мне чужих этикеток. Тем более этикеток той поры, когда моей матери на свете не было — не только меня. Понятно?

Когда старик собрался уходить, Спирин вызвался его проводить. Сержант и виду не подал, что удивился этому предложению, хотя удивился он здорово, было чему удивиться — концы не сходились с концами.

— Иди, проводи,— спокойно произнес Есенков.— Фатахова еще возьми! — сосредоточенно посмотрел в разлом скал — не нравилось ему движение в кишлаке. Есенков засек уже третий переход людей из дувала в дувал, и все в одном месте.— Тропу посмотри — все ли

вешки на месте. Если через час лейтенант не вернется — будем минировать.

Тропу они на ночь обязательно минировали сигнальными минами — штукой в общем-то безопасной — мины лишь свистели, шипели, взлетая вверх, плевались в воздухе химическим светом, но особого вреда не причиняли, подавали только сигнал — за тропой следили, и по ней ночью не могла пройти незамеченной даже хитрая бадахшанская лиса, а вот у меток — небрежно брошенных консервных банок, трех клоков рваной десантной тельняшки, да двух кусков старой резины стояли мины боевые. Стояли как раз там, где на тропу могли выбраться душманы, застигнуть заставу врасплох не удавалось никому. Даже командиру родного батальона.

Со Спириным пошел переводчик Фатахов.

Завернули на гребень, с заставы не видимый. Фатахов проверил первую засечку, перевел взгляд на камни, под которыми стояли боевые мины, кивнул Спирину: порядок, хотя Спирин и без него увидел, что мины стоят нетронутые — засунутые под камни противопехотки волновали его меньше, чем старик.

— Ты, собственно, чего к бабаю, как репей, привязался? — спросил его Фатахов, проверяя вторую засечку, делая это так, чтобы старик ничего не заметил: дед этот опытный, от тропы в сторону, идя на заставу, никогда не отклонится, поскольку понимает — если отклонится, в кишлак может не вернуться. Но все-таки знать старику, где стоят мины, было необязательно. — Нормальный дед, свой, все понимает, проверенный, пакостей от него не было, худого мы не видели, только добро.

— Купил он всех нас котомкой винограда, наступит миг — и мы за это поплатимся. Но... — Спирин неожиданно замолчал, лицо у него сделалось задумчивым, — но дело с ним иметь можно, — закончил он рассеянно, думая о чем-то про себя.

На подходе к истоку тропы, к самому низу, Спирин настороженно оглядел долину, не заметил в ней ничего опасного, потом посмотрел назад — на плечи с крутизны им тоже никто не сваливался и попросил переводчика:

— Притормози, Фатахов, а? Передохнем!

Переводчик согласился — у солдата все в срок засчитывается — и часы боя, и перекуры. Присесть было где — они остановились у огромного, разваленного пополам снарядом гаубицы камня.

— Спроси у старика, он один живет в кишлаке или у него есть еще кто?

— К чему это тебе, Спирин? Лишняя информация. Только мозги впустую засоряет, спать плохо будешь.

— Интересно.

— И спрашивать нечего. Один он. Сына зарезали в Джелалабаде гульбединовцы, жена умерла, — Фатахов, жалея старика, вздохнул. — Жизнь у бабая прожита, осталось чуть.

— Чужая жизнь — не своя, чужую жизнь всегда прожить проще.

— Верное замечание. Сам додумался или где вычитал?

— Считай, Мирза, что сам, — Спирин назвал Фатахова по имени, и тот удивленно взглянул на него, будто увидел чистую, хорошо отмытую звезду: общение по имени всегда лучше общения по фамилии. Голос Спирина потеплел — что-то с ним происходило: всегда жесткий, настороженный, неуступчивый Спирин вдруг отмяк, душевное движение это не осталось незамеченным — он про-

тянул Фатахову руку, Фатахов протянул ему свою: — Скажи, Мирза, ты умеешь держать язык за зубами?

— Умею.— Фатахов не обиделся на вопрос.

— Не проболтаешься?

— Я же сказал тебе, что умею держать язык за зубами, дважды можешь не спрашивать.

— Спроси у старика, нет ли у него такого вот металла? — Спирин покопался в кармане бронежилета, вытащил оттуда бумажный пакетик, развернул — на промасленной, коричневатопрозрачной бумаге лежал маленький золотой ковшичек.

— Коронка? Чья это у тебя? — стараясь понять, откуда у Спирина зубопротезная поделка, спросил переводчик, помял пальцами шею: что-то он плохо соображал, в голове у него шарики за ролики зашли, а может, просто не выдержали жары и вспухли мозги.

— Моя собственная,— пояснил Спирин.— С зуба соскочила.

— Такой молодой и уже коронки?

— Я молод на вид, но трухляв здоровьем.

Фатахов не стал делать обходных маневров, напрямую спросил у старика, есть ли у него золото. Лицо старика дрогнуло, в неподвижных глазах затеплилась жизнь, он взял в руки коронку.

— Металл, к которому настоящий мужчина относится с презрением,— сказал он.

— Вовсе не обязательно,— возразил Спирин, красивое лицо его обузилось, утяжелилось книзу, словно он собирался выйти на помост и потягаться с кем-нибудь силами, как это было в Древней Греции.— И вообще это не его забота — мужское дело или не мужское. Ответ должен быть кратким: да или нет.

— Да,— неожиданно медленно произнес старик.

— Скажи ему, что он может иметь много денег. Купит себе целый железнодорожный вагон ботинок.

— Старик не знает, что такое железнодорожный вагон, он ни разу не видел железной дороги. В Афганистане никогда не было железных дорог.

— Тогда переведи: не вагон, а три машины таких ботинок — три грузовых «Бретфорда».

Засмеялись хрипло, в себя, старик отрицательно покачал головой:

— Мне не нужно три машины ботинок, с меня достаточно одних.

— Ну, я говорю иносказательно, чтобы дед понял, сколько он может занять денег, а там он может не ботинки купить себе — пусть купит себе корову. Стадо коров. Это его личное дело.

Старик снова засмеялся, засунул себе пальцы под чалму, вытер лоб.

— Эх, сорбоз, сорбоз,— с укоризной проговорил он, лицо его вновь изменилось, стало печеным, под глазами выступили глубокие морщины, взор погас, подернулся мутной мертвой пленкой, словно старик этот и не жил уже.— Ты знаешь, зачем я приходил к командиру?

— Не знаю. Ты же не сообщил.

— Я хотел сказать командиру, что в следующий раз могу не прийти. Меня убьют.

— Откуда такие предположения?

— Так,— старик сделал неопределенное движение, потом приподнял одно плечо.— Чувствую,— губы у него дрогнули.

— А как же с этим самым? — Спирин подкинул в ладони золотую коронку, металл на лету изловил лучик солнца, блеснул дорого, ослепляюще, ярко, с этим лучиком коронка и приземлилась, яркий отсвет словно бы прилепился к золотому тельцу. — С презренным металлом?

— Пошли сейчас в кишлак, сорбоз.

— Пошли! — быстро согласился Спирин.

— Ты что? — Фатахов, словно мальчишка, глянул на Спирина широко открытыми недоуменными и одновременно обиженными глазами. — Ты же слышал, что сказал сержант.

— Да плевал я на сержанта, — не сдержался Спирин, — плевал с высоты самого большого дерева, которое найдется в Афганистане. У меня служба с делом не должна расходиться — пусть все совмещается. Знаешь, кем я был до армии?

— Нет.

— Ювелиром. Золотых дел мастером. С этим металлом у нас ныне туго, — Спирин вновь подкинул коронку, и вновь та ловко изловила слепящий солнечный лучик, — валютный фонд государства. В год отпускают по крупинке, а жить-то бедному ювелиру надо.

— Смелый, однако, — насмешливо протянул старик, — настоящий сорбоз. Но в кишлак тебе, сорбоз, сейчас нельзя, — старик не стал пояснять, почему нельзя.

— Отчего же? — Спирина казалось, что он уже ухватил бога за бороду, осталось только щелкнуть ножницами и отсечь несколько кудрявых куделей, он уже зачищал ножницами, но упрямый старик оказался этим самым... не хочется оскорблять его плохим словом, а в глазах у Спирина, в самих зрачках вскипело жидкое железо.

— Я сам принесу металл на заставу, — сказал старик и прощально поднял руку, подкинул мешок на худом костистом плече, — сам! Если буду жив...

— Только тс-с-с, — Спирин приложил к губам палец, — кроме нас, чтоб больше никто не знал об этом.

— Понимаю, мужское дело есть мужское дело, — произнес старик глухим, мертвым голосом, — оно должно храниться в тайне.

— А если не придешь?

— Значит, меня нет на свете — убили, — просто произнес старик.

— Убили — не убили — это баба надвое сказала. Насчет драгметалла я хочу поконкретнее.

— На сегодня — все! — старик повернулся и проворно двинулся вниз к задымленным дувалам кишлака.

Ночью в кишлаке взвился бледный, будто бы выплюнутый землей огонь, раздался басовитый шум и под заставой, в камнях, с сухим бумажным треском разорвалась мина. За первой миной, почти впритык, наложившись взрывом на взрыв, хлопнула вторая, развалила на мелкие доли старый замшелый камень, осколки градом сыпанули на небольшую площадку, занимаемую заставой, потом через короткий промежуток, наполненный щемяще-гулкой пустотой, едким, вышибающим слезы дымом, и резким духом спаленной взрывчатки, разорвались еще две мины.

Лейтенант Николаев, который не остался ночевать в Кабуле, в полку у друзей, хотя командир и дал ему «добро» — он словно бы что-то чувствовал и вернулся на заставу, — мигом скатился с узкой железной койки, сунул ноги в кроссовки.

— Тревога! Все в укрытие!

Камни задрожали от топота людей, а Николаев, прижавшись спиной к камню, никак не мог разобрать, сколько минометов бьет по заставе, один или два, морщился, переживая за людей, подтапливал под спину солдат, прыгающих в косую каменную щель. В эту щель ни одна мина не втиснется — наклонная, с хорошей прочной шапкой, она была способна выдержать и снаряд, и ракету, не щель, а настоящее бомбоубежище. Наконец разобрал, что минометов было два, поспокойнел — в любом деле должна быть ясность, когда знаешь, что минометов два, а не шесть, то и силы соответственно рассчитываешь на два миномета, а делить на два легче, чем на шесть.

Наверху остались наблюдатель, пулеметчик и лейтенант. Очередные два всплеска огня, выметнувшиеся будто бы из-под земли, а точнее выбитые из тесной отравленной глубины страшной демонической силой, засекли точно и попробовали дотянуться до них «утесом» — крупнокалиберным пулеметом, но очередь не достала до всплесков. Зато душманы на пулеметную струю не замедлили сориентироваться, внесли поправку — мины на этот раз легли совсем близко.

— Стодвадцатимиллиметровый бы сюда, — простонал лейтенант тихо, стер с лица слабый пот, — самовар на сто двадцать — от душманов одни бы халаты остались, — рубанул рукою воздух, словно тесаком: — Наблюдателю — тоже в укрытие.

Через несколько секунд лейтенанта контузило. Мины легли точно на пятак, с шипением срубили полдесятка камней и сбили с ног Николаева: он как раз перебегал от наблюдательной вышки к щели. Хорошо, что две крупные горсти осколков, просекших воздух над площадкой, не задели его — прошли над самой головой, отрикошетили от камней и унеслись в сторону. Лейтенант тихо охнул, ткнулся головой в дорожку, по которой бежал, для него исчезла ночь, застава, всплески минометов, растворяющиеся в жутковатой черной дали. Николаев даже не колыхнулся, распластался на земле без движения.

Из ноздрей брызнула кровь, в ушах что-то лопнуло, из раковин тоже потекла кровь — черная, какая бывает у контуженных, видимая даже в темноте. Хотя и тих был стон лейтенанта, а его услышал Пинцет — ефрейтор Крыгин. Растолкав ребят, он выметнулся из щели наружу и тут же наткнулся на Николаева — всего трех шагов тому не хватило, чтобы укрыться.

— Эх, лейтенант, лейтенант! — жалостливо пробормотал Пинцет, стремительно подсунулся под неподвижное тело — терять не то чтобы секунды, нельзя было терять даже сотые доли секунд — сейчас вновь накроют минами, и тогда пиши пропало: вместо одного человека застава потеряет двух. — Взяли! Взяли! — скомандовал сам себе Крыгин проворно, по-крабьи отталкиваясь ногами от земли, подтянул лейтенанта к щели, скомандовал солдатам: — Принимай! Да поживее, черт возьми!

Едва Пинцет втянул в щель самого себя и прикрыл лейтенанта, как вновь раздалось два разрыва — мины почти без отклонений легли в старые выбоины. А еще говорят, что снаряды дважды в одно и то же место не падают. Падают, еще как падают. Что снаряды, что мины. Колотые камни гулко прошли по козырьку, отбитые твердиной массивной шапки, легли на дорожку, завертелись,

Рис. В. Родина

шипя. Осколки тоже горячо шипели, те, что были помельче и поровнее, издавали разбойничий свист.

Кто-то, не стерпев, выругался.

— Перебьют нас тут, как кур!

— Отставить! — слышался голос Есенкова, он теперь вновь был на заставе старшим. — Пинцет, что с лейтенантом?

— Сержант, не слишком ли рано ты натянул лейтенантские погоны? — это Спирин, насмешливый, жесткий Спирин.

— Это хохлам звездочек не надо, им лычки подавай, но ты же лычками не обойдешься. — Как ни странно, голос Спирина дейст-

вовал успокаивающе: и под обстрелом можно жить — щель зашевелилась, закашлялась — дурная вонь взрывчатки ела глаза и ноздри.

— Товарищ сержант, а под шумок душики к нам не поднимутся? — спросил Бадин, специалист по запущенке из консервированного картофеля и котлетам с луком.

— Не поднимутся. Пинцет, что с лейтенантом?

— Ран вроде бы нет. Контузия, сильная контузия, кровь из ушей идет.

Через двадцать минут обстрел кончился.

На рассвете пришли две «вертушки» — «Ми-восьмые», которые всегда ходят парами, для страховки, как, впрочем, и солдаты по земле, один ведомый, другой ведущий. Лейтенанта спустили по тропе на носилках, вертолеты ждали контуженного, не гася винтов, и едва носилки втиснули в темное, резко пахнущее медикаментами чрево первой «вертушки», как обе машины стремительно, по-птичь, разом, будто последовала общая команда, подскочили на коротких резиновых ножках-пуговках и быстро понеслись над долиной, целя носами на сопку, в выбоине которой находилась следующая застава.

Кишлак, из которого стреляли ночью, земная обитель доброго бабая, подкармливающего их виноградом, выглядел мирно, уютно попухивал дымками, выющимися из-за дувалов — люди готовили еду, вполне возможно, готовили и для тех, кто стрелял. Надо полагать, варил себе кашу и дед.

Есенков, мрачно подвигав нижней челюстью, словно боксер, оглядел из-под руки кишлак, посчитал дымы — дымов было больше обычного, мрачно усмехнулся — все у него сейчас было мрачным, преобладали темные краски: раз дымов стало больше обычного, то что это значит? Только ребенок может не сообразить, хотя ныне дети пошли такие, что лучше взрослых знают, почему на рынке фунт сушеных тараканов и что надо делать в случае всемирного мора.

Попробовать бы своими силенками прочесать кишлак, пощупать, что там во дворах, за дувалами, что там жарят и коптят на горячих дымах, не дожидаясь подмоги из Кабула. Пока помощь придет, душики спокойно отзавтракают и отбудут по маршруту дальше, словно некая научная экспедиция. Резон есть — неплохо бы попробовать. С другой стороны, Кабул разрешения на поход может не дать, поскольку на заставе нет ни одного офицера.

Сизые дымы раздвоились перед Есенковым, пошли кудрявиться неровными строчками, «вертушки» благополучно обогнули соседнюю сопку, каменным чирьем вставшую над богатой долиной: заставы передавали вертолеты из рук в руки, подстраховывали их, земля помогала небу, небо помогало земле, друг без друга тут никто не мог обойтись: ни «полосатые» — десантники, ни «погонщики слонов» — танкисты, ни «соляра» — пехота, ни летчики, к которым относятся так уважительно, что даже прозвища не придумали. Хотя к воздушной технике понапридумывали много: самолеты-штурмовики — это «грачи», вертолеты — «Ми-двадцать четыре» — «шмели», «Ми-восьмые» — «вертушки», огромные неуклюже-уязвимые «Ми-шестые» — «сарай». Всякому овощу — свое слово.

Так все же как быть — пройтись расческой по кишлаку или не проходиться? Непростой вопрос. Сродни знаменитому шекспировскому «Быть или не быть?». Бить или не бить? Во всех случаях

о дымах и о своих подозрениях надо доложить и в батальон, и в полк. Есенков развернулся и, по-козлиному прыгая с камня на камень, понесся вверх по тропе.

«Бить или не бить?» Есенков удивился, когда Кабул поддержал его: «Начинайте работать, через полчаса подкрепим вас десантом и «вертушками». Есенков облегченно рассмеялся — не такое уж сложное это состояние «и хочется, и колется». Хорошо, когда собственные устремления совпадают с устремлениями начальства — скомандовал боевую тревогу. Все в Есенкове раскрутилось, заведлось, как в часах, вставленных в мину, каждая жилка, каждый нерв напрягся, все в нем натянулось настолько, что невольно казалось: тронь кончиками чутких пальцев — зазвенит. Все заведены так же, как сержант Есенков — загорелые лица побледнели, обузились, люди, как один, молчаливы, рты у всех крепко сжаты, а в голове уже гремят выстрелы тех, кто нажмет спусковой крючок на несколько мгновений раньше и встретит их свинцом.

Сержант на бегу, неслышном, будто бы хорошо смазанном, идя с камня на камень, пересчитал дымы — все до единого были на месте, ни один не угас; значит, уверовали душки в свою безнаказанность. Зная, сколько солдат на заставе, пораскинули мозгами, произвели несложные расчеты и подвели черту — застава не должна была напасть на них.

Но это не означало, что застава вообще не проведет акции возмездия за ночной обстрел — люди с минометами тоже засекли «вертушки», хотя и поняли, что те приходили за ранеными, подкрепления никакого не высадили и, взяв одни носилки, растворились в жаркой дымке долины. То, что были только одни носилки, задело душманов, а минометчиков просто окарябало: ночная стрельба дала нулевой результат. Стоило ли стараться? Поняв, что застава не должна напасть, душманы остались в кишлаке — все лучше, чем сырыми простудными кяризами пробираться в другое место. Такие — или примерно такие мысли были в голове у Есенкова. Ну зачем еще может задерживаться в бедном кишлаке банда?

На бегу Есенков пытался сообразить, поставили душманы мины на дороге или нет, может, заминировали устье их солдатской тропки, глазами цепко оглядывал каждый камень, каждую примятость травы и земли, каждую царапину в пыли, прикидывал, определял, как и кем оставлены следы — все на бегу, и неся дальше, ставя ноги точно в те небольшие отметины земли, которые не трогали человеческие руки.

Есенков бежал, не оглядываясь, знал, что ребята идут впритык за ним, след в след, даже рослый красавец Спирин, с зажатым в руках гранатометом, привыкший выступать в роли несогласного ежа в любом деле, и тот идет, тщательно приглядываясь и фиксируя глазами кроссовки бегущего перед ним Пинцета, кося взором, стараясь разглядеть за спинами, как идет ведущий. Ведь если каждый будет бежать сам по себе, бездумно, не опасаясь, словно бы по примятой лесной дороге где-нибудь на родине, — половина людей подорвется.

Крайнего дувала достигли быстро. На дувале не было свежих нашлапок, на противоположном, разваливающемся, с выщербленным верхом тоже. Саму улицу можно было не проверять — на ней душки мины не поставят, а если поставят, то сами же и подорвутся.

Дом деда-виноградара Есенков вычленил из ряда других — первым делом они должны достичь этого дома, оглядеться и малость перевести дыхание, передвинуться к следующей точке. Душманы находятся где-то в середине кишлака либо на том конце — там им удобнее держать под обстрелом заставу, удобнее и уходить. И дымов там больше всего.

— Вперед! — скомандовал Есенков, втянул в себя воздух, чтобы бросок совершить на том, что наберет, не вдыхая больше и не выдыхая, но не смог — пока бежал, неожиданно увидел Люду Гирькову. Люда стояла на дороге, поглядывала на Есенкова лукаво, улыбалась и мешала сержанту бежать. У Есенкова даже губы побелели — испугался: а вдруг Людка под пулю попадет? Выкрикнул что-то бессвязное, выбил из себя воздух и рванулся к Люде, словно снаряд, выплунутый пушечным жерлом — ему надо было как можно быстрее прикрыть ее. И только тут понял: не Людка это, не в яви все происходит, а в одури. Мираж от жары. Достиг дедова дувала, перемахнул через верх, задышал испуганно: перетрухнул все-таки за Людку.

Следом на него свалились еще трое, потом, нарушив очередь, Спирин с гранатометом. Грузно приземлившись, он сплюнул на землю и первым делом спросил:

— Чей это дувал? Старика?

— Он самый, старика, — Есенков передернул затвор автомата, — что-то не нравилось ему в тиши небольшого надела. Он вытянул голову и, нащупав что-то в траве под виноградными лозами, скомандовал: — Крыгин за мной, остальные на месте!

Сделал короткий бросок к стене, у которой был сколочен навес, оттуда совершил второй бросок вдоль стенки дувала к виноградным кустам.

Остановился, медленно стянул с головы панаму. В траве под лозами лежал старик. Лицо мученически передернуто, седая, вылезшая с годами борода сбита набок и испачкана кровью, в глухо застегнутом ветхом халате — шесть красных, намокших кровью и уже расплывшихся пробоев — будто ягоды на груди раздавлены, в бабая кто-то всадил все пули, что были у него в пистолете. Старик уже падал, а в него, падающего, все стреляли, стреляли, стреляли.

— Ясно, о чем он хотел поговорить с лейтенантом! — догадался Есенков, тупая тревога возникла у него под сердцем, пальцы на руках будто бы холодом свело, они сами по себе зашевелились: сколько ни видел Есенков убитых, а все никак не мог к ним привыкнуть, все его ломает и от внутреннего холода надо потом отогреваться, солдаты на войне только терпят смерть, но никогда к ней не привыкают, хотя немало разных разглагольствований есть по этому поводу, домыслов и доморощенных философских суждений, но все эти домыслы и рассуждения — дурные. — Что же ты, отец, ничего мне не сказал? — Есенков покрутил головой. — Может быть, и жив был бы.

Скосив глаза, увидел, что к нему приближается Спирин. Ведь русским же языком было сказано — стоять у стены, держать под прицелом улицу, страховать.

— Эх, дед, дед, — Спирин сожалеюще поцокал языком, красивое лицо его странно потяжелело, на виске крупно и часто забились жилки, — такое сердечное прощание было вчера, и вот на тебе.

— Смотри! — Есенков опустился на колени, бережно провел по

откинутой руке старика, передвинул, прижал ее к телу — старик еще не успел остынуть, мышцы не отвердели, тело было податливым. Есенков, поугрюмев, отметил, что убит он был в минуту, когда на заставу приходили вертолеты, под шумок, потому на заставе и не слышали выстрелов.

Аккуратно, невесомо, почти не касаясь пальцами тела, Есенков проверил голову, вторую руку, ноги, потом подлез пальцами под спину и вытащил небольшую, чуть крупнее коробки с сапожным кремом, которые у нас продаются в каждом магазине, мину, поковырялся в ней и показал Спирина:

— Видишь? Мина на разгрузку. Стронул чуть тело — ни глаз нету, ни рук, вечный пациент после этого.

Ничего больше не сказал Спирина спокойный Есенков, хотя спокойным у него сейчас было только лицо, заострившееся, с крепко сжатым ртом, да глаза, а внутри все было перевернуто от жалости и нервного озноба. Есенков внимательно оглядел корни лоз: раз стояла одна мина, значит неподалеку может оказаться и другая, но мин больше не было. Есенков, глянув напоследок на старика, — похоронить деда надо будет до наступления темноты, по мусульманскому обычаю, скомандовал:

— По двое за мной!

Он стремительно одолел еще два дувала и с лету, по-спортивно-му ловко взял третий, сел на корточки, прижался к стене, выставил перед собой автомат.

Двор был небольшим, бедным, с наглухо закупоренными воротами — сквозь дужки просунут ржавый болт, закручен двумя гайками. Похоже, скота в этом дворе не было. И никого. И ничего. Ни людей, ни следов.

И тревога, почти осязаемая, она словно большая птица, висела над людьми, бесшумно взмахивая крыльями, прицеливалась клювом, норовя кого-нибудь ткнуть пораньше, еще до первого выстрела, и Есенков, ощущая эту тревогу, невольно приподнял ствол автомата.

Сзади один за другим перемахивали через дувал ребята, рядом усаживались вдоль стены.

— Кашей пахнет, — повел носом Крыгин. Хоть только вчера он получил медаль «ЗБЗ» — «За боевые заслуги», но уже успел сориентироваться, достал где-то колодку с муаровым светло-стальным прямоугольничком, очерченным двумя одуванчиковыми полосками, пришил к десантной куртке — награжденный, значит, отмеченный богом и начальством. Саму медаль спрятал Крыгин в «сидор», хранившийся на заставе. — Очень вкусно пахнет кашей.

«Что-то у Пинцета того... Может, с нервами, а может, с обонянием, — подумал Есенков, — ничем это варево не пахнет, ни маслом, ни кашей, ни мылом, ни овечьими копытами». Зажав дыхание, переместился вдоль дувала к двери, и вовремя: дверь заскрипела густо, ржаво и в проеме показалась старая женщина с печальным, но сумевшим сохранить свои краски лицом, угольно-черными глазами и такими же короткими редкими ресницами, казалось, что глаза и сверху и снизу словно бы специально обметаны метелками.

— Тс-с-с, — притиснул палец к губам Есенков, — тише, мамаша, вас никто не тронет. Мы ищем тех, кто ночью стрелял по заставе. — Не оборачиваясь, приказал: — Фатахов, переведи!

Пока Фатахов объяснял темной женщине, что к чему, используя вдвое больше слов, чем положено — он всегда переводил про-

странно, Есенков, засекая каждую деталь, каждую мелочь, оглядел помещение — в проем открытой двери все было хорошо видно. Бедные, голые стены, очень чистые две подушки, лежащие на полу — для гостей, старая тряпка на полу вместо ковра, вот и все. И никаких признаков того, что здесь находятся мужчины, тем более вооруженные — от этих бы обязательно остались грязь, запах дыма и технического масла, еще кое-что, чему и названия нет — запах немытого тела, что ли, нечищенной обуви, нестираных носков. Фатахов что-то спросил у женщины, она ответила, голос у нее был глубокий, грудной, треснутый, словно женщина была надорвана тяжелой работой.

— Сержант, хозяйка говорит, что муж ее погиб за революцию. Похоронен в Кабуле, недалеко от гробницы Амануллы-хана.

— Спроси у нее, душманы есть в кишлаке?

Фатахов спросил, женщина ответила шепотом, опасаясь, что ее кто-нибудь услышит, дыхание у женщины, как и голос, сделалось надтреснутым.

— Говорит, что есть, недавно пришли, разместились в последних трех дувалах.

В ответ Есенков кивнул головой: там больше всего дымов было. Спросил:

— Недавно — это когда? Сегодня ночью? Вчера?

Точно, это были те душки, которых в овраге засекли датчики, больше в кишлак никто не приходил.

— Говорит, что не знает. Вечером их не было, появились утром. У их старшего — дядя в этом кишлаке.

— Много их?

— Говорит, не очень, но... — Фатахов пощелкал пальцами, подбирая точные слова, — дерзкие они, что ли. Жесткие, резкие, опытные душки, словом. Думаю, хорошо вооружены, командир.

— Вперед по двое! — скомандовал Есенков. На всякий случай расстегнул правый клапан у лифчика: поверх бронежилета у него был надет трофейный, снятый с убитого душмана лифчик, судя по покрою и шитью — американский. Лифчик был сшит из легкой прочной ткани, очень удобный — в маленькие кармашки, что внизу, можно засунуть гранаты-лимонки, в большие длинные карманы, схожие с пеналами, — автоматные рожки. Все боевое имущество вмещалось в один лифчик. Фатахов поблагодарил хозяйку.

Выскочив на улицу, Есенков бежал, бесшумно опечатывая землю кроссовками. Поблагодарил нерасторопных толстых интендантов, что на этот раз — редкий случай — сработали как надо и забросили нужную обувь в военторг — ведь будь они обуты в обычные башмаки, то сколько бы грохота, пыли и мозолей было от них. Бровями, ноздрями, кожей лица Есенков неожиданно ощутил — сейчас раздастся выстрел, внутренне сжался, подбираясь, мобилизуя каждую жилочку, каждый сустав, как в кулачной драке, и желая только одного — быть сейчас меньше в росте, в весе, целиком уйти под бронежилет, спрятаться в нем, будто в скорлупе, — пусть пули секут бронежилет, пусть мнут автоматные рожки и плющатся о крепкий чугун гранат-лимонок, но только не в него, не в живую плоть.

И настолько зримо, осязаемо он почувствовал этот первый выстрел — мушка чужого ствола скользила именно по нему, по бегущему впереди, что чуть было не опередил душмана, державшего

палец на спусковом крючке, чуть было сам не выстрелил первым. Но в кого стрелять?

Улица пуста, ворота дувала глухо закупорены, только вьются, уже заметно слабея, сизые дымы — подоспела пора «утреннего кофе», на смену грубой пище пришла нежная, стены домов глухие, только в некоторых имеются прорези-бойницы, контролирующие улицу, и все. Больше ничего. И никого, ни одного человека.

Ясно, ни одного и не будет, кишлак же не слепой: люди засекли, что с заставы спустилась цепочка солдат, понятно, что спускалась она не воды из дедова ручья попить и не за виноградными гроздьями. Тропа, ведущая на заставу и с заставы, одна, других троп нет, ни кривых, ни прямых, ни обходных, ни лобовых, никаких — только одна

Перед глазами забежала прозрачная тревожная строчка — сейчас хлопнет выстрел, он находится на мушке. Есенков вильнул, сделал короткий прыжок в сторону, проскреб плечом по стенке дувала, оставил след, будто корова, прочертившая сыпучую глиняную плоть рогом, зажал в себе дыхание, а с ним и острое, почти слезное желание перескочить через дувал, вдоль которого он бежал, очутиться под защитой стены, отдышаться, осмотреться...

«Рано, — сказал Есенков сам себе и услышал свой голос, спокойный, пожалуй, излишне спокойный, медлительный, совершенно бесцветный, неродной: — Не суетись! Терпи!»

Вот и дувал, который он наметил, с ходу взял его, покрепче поджав под себя ногу, которой черкнул прошлый раз, за ним так же ловко и тихо перепрыгнул через дувал Крыгин. Дальше все шло по отработанной схеме: Есенков оглядывал двор, засекая все мелочи, Крыгин прикрывал спину и контролировал улицу, подстраховывал ребят. Этот дувал был замусоренным, грязным, его давно не прибирали — в доме никто не жил, дверь косо висела на одной петле, на нижней, верхняя была оторвана вместе с гвоздями.

Передвинувшись к двери, Есенков заглянул в дом — в помещении пахло пылью, мышами и тленом, на полу грязь, покрашенные известкой стены пошли волдырями, облупились, в углах по вольно развешанным паутинным сеткам проворно носились ткачи — крупные глазастые пауки с поджатыми животами: и чем они только тут питаются? Это известно одному аллаху. Есенков вернулся к ребятам — через дувал как раз перемахивала последняя пара. Спросил у Крыгина:

— Все?

— Спирина почему-то нет. Отстал.

— Отстал? Спирин? — внутри у Есенкова вновь родился холодный воздушный пузырь, лопнул, следом возник еще один, лопнул, обварил живот льдом, затем родился и лопнул третий — это было похоже на стрельбу, каждый пузырь бил льдом и норовил попасть в сердце. — Кто шел последний?

Последним шел кок. Бадин сидел на корточках и панамой вытирал мокрое красное лицо. Выслушав сержанта, схлебнул пот с губ.

— Спирин бежал за мной. Где и как он потерялся, не знаю.

Еще не хватало — потерять человека! Есенков зажмурился от нехорошего железного привкуса, возникшего во рту. Сердце заколотилось надорванно, внутри родился еще один пузырь, с треском лопнул. От секущего холода, возникшего в животе, Есенков вздрогнул: плен — это самое плохое. Хуже не придумаешь. Хуже просто не бывает. Ребята всегда на случай плена оставляют гранату. По-

следнюю. Для личных нужд. Чтобы, если перекроют дыхание, дернуть кольцо и свести счеты со всеми — с теми, кто нападает и, поигрывая ножичком, жаждет содрать с живого шурави кожу, и с теми, что его сюда послали, с самим собою, наконец, потому что в результате оказывается, что единственная жизнь, которой волен распоряжаться солдат, только своя собственная.

— Может, повернем назад, товарищ сержант? — кок обильно вспотел, здешний климат не шел ему на пользу, хотя у раскаленной печи он мог бы подзакалиться и приучить свой организм к меньшему выделению влаги.

— Нет, назад не пойдем, — отрезал сержант, — на обратном пути поищем Спирина — не верю я, чтобы он так просто пропал. Хоть бы крикнул, промычал, проблеял что-нибудь, но нет! — проговорил голосом совсем спокойным, бесцветным, тем самым, который слышал сам в себе: — Приготовиться к бою! За мной идет Крыгин, следующая двойка страхует. — Добавил спокойно, обычно: — В общем, сами знаете!

Выглянул из дувала, стараясь прикрыться выбоиной, чтобы не было видно, посмотрел назад: та часть улицы, которую они прошли, была по-прежнему пуста. В воздухе висела огнисто-рыжая невесомая пыль, в пыли, раскачиваясь, в свою очередь, висело солнце — такое же, как и настоящее, яркое, колко секущее глаза, только поменьше размером — голова кругом идет, солдат теряется, в груди тоска и пустота. А какого черта, собственно, тут два солнца? Что они на пару делают? Была бы Афганьшина «ридной», а то... Не прав был Есенков, когда сказал, что Спирина на обратном пути посмотрят. Зачем загадывать, на обратном пути или не на обратном? А вдруг обратного пути не будет?

Он прислушался: показалось, что вдали застучали лопасти «вертушек», но это только показалось — было тихо, лишь поверху крыш прошелся слабенький ветер, у него даже голоса не было, только хриплый шепот, бестелесное шуршание, маленькое яркое солнце, висевшее в пыли, исчезло. Вертолетам быть еще рано.

Вторая половина улицы, еще не пройденная, тоже была пуста. Есенков поднялся и с маху, будто гимнаст, одолел дувал, «винтоватую» ногу поднял повыше, чтобы опять не зацепить — приземлился беззвучно. Сзади так же легко приземлился Пинцет,дохнул жарко в шею. Есенков тенью заскользил вдоль стены. Крыгин такой же бестелесной тенью — следом.

В это время и щелкнул выстрел — сухой, зажатый жарой, нестрашный, словно бы пастух полоснул концом витого кнута по земле. Крыгин, охнув, птицей пролетел по воздуху, обогнал сержанта и, раскинув руки в стороны, молча повалился на землю — пуля попала ему в голову, в череп, голова мгновенно разбухла, превращаясь в закиший арбуз, в ней что-то с треском лопнуло, закрипело, смешалось — Крыгин даже не дернулся, он умер раньше, чем упал на землю. Есенков, не задерживаясь, перемахнул дальше — бил снайпер, а это опасно: пока он передернет затвор, надо успеть перескочить через дувал. Есенков успел. За дувалом он упал на землю. Во дворе, в котором он очутился, лежали три ничего не подозревающие овцы — к стрельбе они привыкли, на грохот никак не реагировали, а вот на человека среагировали по-собачьи шально, взметнулись в прыжке вверх и с ходу врезались в дальний угол дувала.

Дверь в дом была закрыта, рядом стояла арба. Есенков стремительно — сейчас важны были не минуты, а секунды — развернул арбу, подпер ею дверь. Сержанту важно было подстраховать спину: если в доме есть душманы и они постараются взять его сзади, он ничем не сумеет помочь своим ребятам, ему тогда, дай бог, самому отбиться, если же нет — тогда все будет тип-топ.

Пусть арба постоит у двери, пока будет идти бой. Как сказал однажды Спирин: «Лучше перебдеть, чем недобдеть».

Есенков вжался в стык дувала, там, где глиняная стена углом смыкалась с домом, — если бы была возможность сейчас самому в глину обратиться, он обратился бы. Сверху Есенкова прикрывал короткий глиняный навес. Это хорошо, поскольку стали заметны три вещи: первая — бил снайпер, что Есенков определил сразу, вторая — сидит этот гад на крыше, улица у него как на ладони, хотя одна штука странная: Крыгин, вместо того, чтобы надломиться и упасть назад, пролетел вперед, пуля должна была отбросить его, но не отбросила — такое впечатление, что били сзади: уж не два ли стрелка в кишлаке орудуют? Но в Крыгина стреляли спереди, пуля попала ему в лицо. И третье — стреляет этот гад из карабина, не из винтовки, не из «бура», а из карабина, что в общем-то несколько сдвигает суть вещей: у карабина плечо меньше, чем у винтовки, ствол короче. Короче и полет пули. Значит можно будет попытаться достать его автоматом.

Есенков выглянул. Улица была пуста — ребята зажались в дувале, ждут, когда сержант подаст команду либо голос свой. И Есенков подаст голос, будьте уверены, ребята, это дело не задержит. Крыгин лежал ничком, около головы уже крутились крупные злые мухи — откуда только успели налететь? И главное, как быстро сообразили, где корм, сволочи. Под лицом Крыгина образовался темный натек — земля была утоптанной, твердой, как железо, ничего сквозь себя не пропускала, кровь оставалась на поверхности.

Внутри опять возник и устремился вверх холодный пузырь, колючий, неудобный, какой-то верткий, кусок ледышки, всплывающий из глубины на волну — подобрался скол льда к сердцу, и хотя сержант ждал, когда он ткнется в мышечную ткань, ткнулся внезапно, в ушах возник невольный звон, губы Есенкова дрогнули: ах, Крыгин, Крыгин, за что же так тебя? Даже боевую медаль свою не успел поносить — вернулся из Кабула и сразу убрал в вещмешок. А так мечтал к себе домой, в тульский город Ефремов, вернуться с наградой, мать порадовать, поудивлять девчонок в городском саду. Не удалось поудивлять девчонок, не довелось и пообщаться с одноклассниками, и футбольный мячик попинать, и половить рыбки в тихой речке с таинственным названием — Красивая Мечта — все пошло прахом: лежит Крыгин на чужой земле, мух кормит.

Пустынна, нема, наполнена всклень, до самых краев налита солнцем улица. Ребята ждут, снайпер ждет, Есенков ждет, душманы ждут — тишь тревожная, полая, послушать ее как следует не дает сердце. Колотится так, что кровь на висках рвет жилы. Есенков оглянулся назад — почудилось, что хозяева дают на дверь, пробуя сдвинуть арбу, но нет, не дают, все спокойно.

На какой же крыше засел снайпер? Не зная, немудрено подставиться, да только Есенков подставляться не желает — надо сделать обманное движение, известное каждому детсадовцу. Под ногами

валялся кусок проволоки, Есенков поднял его, насадил на торец панаму. Высунул панаму за край дома.

Выстрел ударил тотчас же — пуля с мокрым хлюпаньем всади-лась в толстую плоть дувала рядом с панамой. Есенков отдернул панаму и выглянул — надо было использовать те несколько секунд, пока снайпер передергивает затвор карабина, выбивает из казенника гильзу, а в ствол загоняет новый.

Вон он! Стрелок приподнялся на крыше кибитки, широколицый, усатый, здоровый — по плечам видно, что кулаком может сбить с ног корову. Есенков дал очередь из автомата. Снайпер стремительно нырнул вниз, откатился от края крыши и замер. Есенков дал еще одну очередь, с горечью отметил, что из автомата снайпера не достать — пули к крыше приходят на излете, снайперу вреда почти не причиняют. Да потом стрелок хорошо прикрыт. Гранатомет бы сюда — очень удобно взять стрелка гранатой из «эрпеге» либо миной, которую, как лепешку, можно плоско закинуть на крышу.

Где же Спирин, где? Почему отстал, куда запропастился? Если сзади на Спирина навалились душманы, отсекая от своих, он обязательно бы крикнул, если бы не крикнул, то замычал бы, заблеял бы, подал бы голос, а то не было ни мычанья, ни блеянья, ни голоса: существовал человек, дышал, ругался, жил и фьют — сдуло ветром, перестал человек существовать! Есенков почувствовал невинтную опасность со спины, когда весь напряжен, натянут, словно струна, нервы звенят — опасность чувствует даже одежда, не только тело. Словно бы сзади на него кто-то собирается навалиться. Оглянулся — никого. Арба по-прежнему была плотно приставлена к двери. Хозяева, похоже, дома, но раз запахло жареным и началась стрельба — не хотят показываться. Правильно поступают граждане. А душманов в доме, выходит, нет. Никого не было и за дувалом.

Из-за края крыши высунулся ствол карабина, вытертый догладка, нарядный какой-то, и Есенков дал по стволу короткую очередь. Снайпер, человек осторожный, поспешил убраться.

Люда Гирькова ждала из Афганистана своего Володьку — свети-лась вся, когда думала о нем, угловатая, еще не потерявшая подростковой неуклюжести, но уже совершенная в своей красоте, считала по пальцам дни, добираясь до заветной календарной от-метки, когда он должен будет прийти. Пальцев для счета требова-лось много, и она завела специальный карманный календарик. Во-лодька в письме обозначил день, когда появится дома — день был не точным, от него неделю-полторы надо было брать в одну сторо-ну, неделю-полторы в другую, скорее всего прибавлять. Люда, не-долго думая, закрасила эти прибавленные полторы недели красной шариковой ручкой. Время Володькиного приезда, когда подойдет, будет самым счастливым в ее жизни.

Жених ее, Володя Есенков, был обстоятельным человеком, он и по жизни будет шагать так же обстоятельно, с чувством и с тол-ком, оглядываясь назад и примеряясь, — семья, в которой вырос Володя, была работающей, дружной; случалось, и зависть вызывала тем, что в ней не было раздоров, пустых ссор и кухонных боев. К Люде Есенковы относились, как к своей дочери. Пока Володь-ка находился в армии, всячески старались приветить ее.

Иногда Люде становилось тревожно — мало ли что может

произойти там, в далеком и страшном Афганистане, и тогда Люда, чувствуя, что у нее обмирает, останавливается сердце, сама делалась неподвижной, вытягивалась в длинноногую глазастую свечку.

Но приходило очередное письмо с пометкой полевой почты, Володя писал, что служит нормально на одной из застав под Кабулом, стережет Чарикарскую долину, боев нет, днем загорает на солнце, ночью забирается на вышку с приборами особого видения, которым никакая ночная темнота не помеха, и служба его мало чем отличается от службы тех, кто находится, скажем, в Германии, либо в Чехословакии, в нашей группе войск.

— Ах, Вовка! — счастливо обмирала Люда, прижимая к лицу письмо, пытаюсь понять, чем оно пахнет. Ноздри ее раздувались, делались чуткими, зверушечьими, ловили любые запахи, и Люда расшифровывала запахи, понимала, что таит в себе бумага, какой конкретно дух: письмо пахло жаром, сухой травой, ящерицами, порохом, древними камнями, металлом, степными животными, верблюжьим пометом, хотя в общем-то бумага вроде бы ничем, кроме бумаги, и не пахла, но Люда все равно различала эти запахи. Прочитав письмо раз восемь подряд, она прятала его в шкапулку, специально купленную для Вовкиных писем, чтобы завтра прочитать еще восемь раз. На лице ее появлялась далекая улыбка, глаза расцветали, делались яркими.

Но когда Люда брала в руки газету, то обязательно находила сообщение из Афганистана: то под Хостом сбит самолет с гражданскими людьми, то взорвана мечеть в Мазари-Шарифе, то под перевалом с тревожным названием Саланг сожжена колонна с продуктами, шедшая с нашей территории, и у нее вновь бледнело лицо, стремительно утишало свой бег сердце и через несколько минут останавливалось совсем: несмотря на перемирие, объявленное в Афганистане, война там не прекращалась. Люда отбрасывала газету в сторону, бралась за Вовкины письма, среди знакомых строк неожиданно находила строки совершенно новые. Похоже, она их никогда не читала, цеплялась за что-нибудь, и кожа на ее лице делалась совсем прозрачной, тонкой, будто пергамент старой выделки. Володя, например, сообщал, что многие из ребят его заставы скрывают от родителей, что служат в Афганистане, пишут, что исполняют свой долг в Чехословакии, в Венгрии, в ГДР — за границей, в общем, но не в Афганистане... Ну разве это не намек на опасность?

Однажды Володя Есенков спросил у своего соседа по койке, почему тот скрывает, что находится в Афганистане, и получил ответ очень простой: «А чего мне лишний раз мать волновать? У нее и так сердце слабое. Я у нее один. И она у меня одна, не дай бог, что случится... Уж пусть она лучше ничего не знает». Володя написал об этом Люде.

Дни шли от письма к письму: имели они разную скорость. Когда письмо приходило и Люда получала свежий заряд бодрости, дни начинали нестись с сумасшедшей быстротой, потом бег их сбивался, темп падал, и время волочилось едва-едва, тоскливо, с натугой, и, увы, не существовало в нем тихой заводи, в которой Люда могла бы укрыться.

Но вот наступил совсем плохой период — самый худший в ее жизни — от Володьки не поступило очередного письма. Все сроки миновали, а письма не было. Люда помчалась на почту: может, письмо там завалялось где-нибудь в пыльном сусеке, или почталь-

онша по дороге выронила и боялась об этом признаться — Люда готова была смириться с этим, понимая, что кирпич с крыши может упасть на голову любого человека, главное, узнать, что письмо все-таки было, но почтовые сусеки были пусты, старая почтальонша была аккуратна и исполнительна: письмо от Володьки действительно не поступало.

Не поступало оно и через неделю, не поступило и через месяц. И в дом Есенковых тоже ничего не пришло от сына. Володькина мать почернела и угасла — страшные догадки навалились на нее, будто беда, уже случившаяся, она смотрела на Люду жалобно, какими-то чужими измученными глазами, и Люда, глядя на печальную стареющую женщину, зажималась, брала себя в руки — и откуда только силы находились, — уговаривала Володькину мать успокаивающим теплым голосом:

— Давайте потерпим еще немного, ну чуток, а? Письмо придет. Володя далеко от части находится, в горах, там, сами понимаете, почтовых ящиков нет и почтальонов нет — вернется в часть и тут же пошлет письма: вам письмо и мне письмо. А?

Мать улыбалась горько, жалобно, вытирала дрожащей рукой слабый рот платком.

— Откуда ты все знаешь?

— Во сне видела.

— Все по полкам разложила. То, что он сейчас далеко в горах, тоже во сне видела?

— Тоже видела — приснился вещий сон.

— Все хорошо будет?

— Да, все будет хорошо.

— Дай бог, дай бог, — мать вздыхала раненно и снова вытаскивала из кармана кофты платок, чтобы вытереть сухие обесцвеченные губы. — Но сердце-то болит. Так болит, что думаю: кто же это в него гвоздем ширнул? Пытаюсь я прокол залечить, замазать бальзамом, и так верчусь и этак — не проходит. Ты, Людочка, если что узнаешь — прибегай ко мне, ладно? Не ленись. А, детка?

Нежное, почти забытое слово «детка» у Люды чуть слезы не вызвало, она еле-еле сдержалась — в их семье это слово не произносилось, были другие слова, очень похожие, тоже нежные и короткие, но все равно они были другие.

— Тут же примчусь! — обещала Люда.

С доброй вестью Люда готова была помчаться куда угодно — в Москву, в Вологду, в Красноярск, во Владивосток, лишь бы она была, эта добрая весть, лишь бы ей сообщили, что все в порядке, ее Вовка жив, воюет, только находится очень далеко, так далеко, что ничего о себе не может сообщить, — и Люда бы вновь была счастлива и перед человеком, сообщившим ей эту весть, встала бы на колени.

Но нет, ничего этого не было, перевелись белые ангелы на небе, где-то далеко, в ином краю, сломались часы, и рука живого человека никак не могла дотянуться до испорченного механизма, где-то что-то произошло... Но где и что?

Каждый бой, каждая стычка подкидывают новую задачу — всякий раз приходится искать новое решение независимо от того, кто ты — командир или рядовой. Слишком многим ненужным вещам нас научили в жизни — в школе, на заводе, в комсомоле, в техникуме, в «учебке» — учебном полку, не пройдя который солдат вряд

ли может очутиться в Афганистане, одна наука напластовывалась на другую, голова от наук трещит, а толку мало. Нужна ли здесь, в этом кишлаке, торжественная парадная шагистика, а она была, нужно ли умение спастись от морозов, когда здесь морозов нет, а зимой идут дожди, нужна ли редкая туристская способность зажигать костер с одной спички, когда сушняк тут можно зажечь от пряжки ремня, изловив надраенной латуной солнечный зайчик, нужна ли куча других вещей, необходимых в других местах, а здесь нет — а? Зато, увы, солдат не знает, как спастись от укуса проворной каменной змейки, схожей с ящерицей, и от укуса обычного скорпиона, не ведает, можно ли есть дикобразов и степных лисиц, когда нет свежанины, а небо закрыто, кругом душманы, с облаков вместо дождя сыплется песок попеременно со шрапнелью, не знает языка — ни дари, ни пушту, а простым словечкам типа «здравствуйте», «как ваше здоровье» и «спасибо» обучается в перерывах между атаками, вражеское оружие познает только в боях и не умеет отличить одно ущелье от другого.

Не время разбираться в том, что есть и чего нет, в самом себе, в своих ощущениях — лопатки свело невольной нервной судорогой, тело продолжало ощущать опасность. Есенков резко развернулся, отпрыгнул от стенки и точно угадал момент: с другой стороны дувала показался безбородый костляволицый человек с круто выпирающими монгольскими скулами, вскинул автомат, но опоздал — Есенков опередил его, хотя и сам Есенков был опережен — сержанта подстраховали ребята, сидящие в промежуточном дувале.

Крутоскулого душмана как сдуло.

В ту же секунду с крыши ударил карабин, Есенков откинулся назад, привстал на цыпочках — из дувала попробовали выбраться его ребята, но бесполезно, кто-то из них — в следующий миг Есенков разглядел: Фатахов попытался достать до снайпера из автомата, не достал, снайпер снова ударил из карабина, пуля взбила желтый глиняный фонтанчик, и Фатахов нырнул за дувал — исчезновение его было таким же быстрым, как и исчезновение крутоскулого душмана. Есенков помрачнел. Сделав автоматом быстрый выпад, ударил по краю крыши очередью и снова отпрянул назад.

Улица была пустынной, жаркой, тело убитого Пинцета вызывало ощущение тоскливой нереальности — ну, будто бы не с ними это происходит, а с кем-то еще, с другими людьми. И вообще это не жизнь, а кино, совсем не увлекательное, правда, но все-таки кино, лента прокручивается неторопливо, действие часто замедляется, обретает прозрачные, будто из сна, но горькие краски, потом убыстряется. Мух на теле Крыгина стало больше. Мухи эти причиняли Есенкову физическую боль.

Он сжал губы, резко махнул рукой:

— Кыш!

Как снять снайпера? Ведь стрелок будет держать всю улицу под мушкой, пока не уйдут все душманы, а уйдут — последним спрыгнет с крыши, нырнет в кяриз, который наверняка расположен там же, во дворе дома, который бородатый стрелок оседлал, и ищи потом товарища, свищи!

Что делать, что же делать?

На крыше, где лежал стрелок, что-то сдвинулось, над поверхностью поднялось глиняное облачко, растворилось в струистом горячем воздухе. Есенков хотел выстрелить, но в тот же миг остановил себя — бесполезно, лучше сэкономить патроны. Снайпера

можно только гранатометом либо винтовкой — буром или трехлинейкой. Относительно бура или трехлинейки — разговор бесполезный, есть лишь гранатомет. Но где он, этот гранатомет? Вместе с независимым москвичом Спириным?

Красивый парень Спирин: глаза, щеки, лоб — все аккуратное, добротное слепленное, хорошо подогнанное друг к другу. Есенков почувствовал, что внутри у него возникает что-то темное, недоброе, горячее, перекручивает все тело — обычно он бывал равнодушен к выпадам Спирина, к резким словам, к улыбкам с подначкой и недобрым, исподлобья взглядам, не опускался до кухонных баталий, хотя ребят Спирина раздражал здорово, но сейчас Есенков готов был стать на их позицию. Не цацкаться надо со Спириным, а за воротник и в трибунал. Если, конечно, он жив.

Можно вообще-то затихнуть и подождать помощи — вертолеты скоро будут, но тогда банда уйдет. Есенкову придется расписаться в своей беспомощности и пойти на ковер — в роте ему выдадут по первое число.

Было тихо. Так тихо, что казалось слышно, как разговаривают люди на зеленом базаре в Кабуле, хотя до Кабула тянуться и тянуться — на десяти десятках мин подорвешься. Такой тишина бывает только после гаубичного выстрела — ударит гаубица, звук всколыхнет землю, вздрогнет земля испуганно, замрет после удара в обмороке — в этот момент все кажется неподвижным: воздух, реки, люди. Тишь стоит страшная, такая страшная, что думается только о нехорошем.

Улица по-прежнему была пуста. Снайпер, лежащий на крыше, замер. В воздухе пахло дымом и вкусным мясом — душманы жарили мясо, шашлык по-пастушечьи. Ничего не боятся, паразиты! Есенков сглотнул слюну, скосил глаза налево, на низкий неровный гребень дувала, ему показалось, что он услышал вкрадчивый шорох — с той стороны шел опытный осторожный человек, опустил ся чуть, спружинил, колени — боевая стойка драчуна, когда и отпрыгнуть в сторону можно, и удар нанести, ствол автомата точно перечеркивал пространство, где мог появиться душман. Ситуация, в которой выигрывает тот, кто первым нажмет на спусковой крючок автомата.

Тревожно, разрубая гулкую тишь, забилося сердце. Есенков напрягся — сейчас появится человек: что же ребята зевают, они же должны страховать эту сторону дувалов, Есенкову с двумя фронтами не справиться — убьют. Первый раз не зевнули, вовремя подсекли душмана, а сейчас зевают. Шорох, раздавшийся за дувалом, не повторился. Есенков не поверил в то, что там никого нет. Бесшумно, по-кошачьи пересек двор, замедлив движение у арбы, — не скребется ли кто в доме, ничего не уловил, в доме словно бы никого не было, замер у противоположной стенки, потом осторожно выглянул — за дувалом действительно никого не было. Внизу, скорчившись, лежал человек в халате. Мертвый. Скуластое лицо его было бледным.

О к о н ч а н и е с л е д у е т

БЕСПРИЗОРНЫЙ «УЗОР»

Со всей категоричностью заявляю, ненаглядный мой читатель: и врачи могут болеть всеми внутренними и наружными болезнями, как и все мы, грешные. Они от этого, между прочим, своим белым халатом никак не застрахованы. И у них могут быть инфаркты, инсульты, язвы двенадцатиперстной кишки... и другие зловередные хворости. И даже радикулиты у них случаются, невзирая на всю их медицинскую подкованность. А как грустно глядеть на хорошенькую женщину-врача, которую вдруг ни с того ни с сего разбил этот самый радикулит. На тур вальса ее уже не пригласишь, комплимент на ушко не скажешь, чтобы ей приятное сделать. Да и какой может быть комплимент, когда она, бедолага, без посторонней помощи даже колготки на свои ножки натянуть не в состоянии.

Ну а если радикулит скрутил женщину, занимающую должность главного врача? Тут уж вовсе грустная картина складывается. А ведь именно так случилось в одной ведомственной больнице Москвы. Пришла главврач на работу, села за стол в кабинете, потянулась к телефону, чтобы дать кое-кому руководящие указания, а тут ее и согнул пополам этот самый радикулит! Как говорится, ни встать, ни лечь без посторонней помощи.

На ее телефонный зов прибежали тотчас врачи самых разных специальностей. Невропатолог и хирург. И даже окулист, на всякий, так сказать, пожарный случай. Мало ли что... Консилиум стали держать, потому как заболевшая строго заявила: нужно поставить ее на ноги как можно скорее, за день-два, дела в больнице не позволяют затягивать курс лечения.

Посоветовавшись, коллеги предложили: раз уж больная так скоро хочет выздороветь, пусть попробует мануальную терапию. Кто-то слышал, есть в одной больнице замечательный доктор, который этим методом больных радикулитом ставит на ноги за один сеанс.

— Зовите его ко мне! — обрадованно сказала главврач.

Позвали. Пришел очень высокий и широкоплечий доктор. Специалист по мануальной терапии. Помял он главврача довольно основательно, по всем своим правилам. Однако радикулит так и не отпустил женщину. По-прежнему она разгибаться не могла. То ли радикулит глубоко корни пустил в ее организм, то ли специалист чего-то не учел, но, в общем, болезнь не отступала. Тогда предложил ей свои услуги хирург, недавно принятый на работу. О нем только и было известно, что он увлекается лазерными аппаратами. Ну, мало ли у кого какие увлечения, а так он был вполне нормальный хирург и жалоб от оперированных им больных пока не поступало.

— Есть у нас на складе лазерный аппарат «Узор». Может лечить множество болезней, в том числе и радикулит. Давайте пройдем им по вашим особо больным местам!

— А этот «Узор» кого-нибудь от радикулита излечивал? — поинтересовалась главврач. Она, конечно, по роду своей должности об этих аппаратах слышала, но, так сказать, на полуофициальном уровне. Где-то кто-то на каком-то совещании в Минздраве говорил, что очень неплохо лечат эти самые «Узоры». У кого-то досрочно язва зарубцевалась, у кого-то опухоль исчезла... В общем, как врачи говорят, клинические характеристики у аппарата были хорошие.

— Делайте облучение, — согласилась главврач и не прогадала.

После трех сеансов облучения этим лазерным аппаратом главврач уже свободно могла не только ходить, но даже бегать по этажам вверенной ей больницы и проверять работу медперсонала. Вот тогда и обратился хирург к ней с маленькой, ну прямо-таки пустяковой просьбишкой: отдайте под лазерный кабинет пустующую комнату больницы. Там он, мол, будет проводить сеансы лазерной терапии и помогать страждущим людям. Причем в отличие от медицинских кооперативов бесплатно. И стал хирург перечислять, какие болезни «Узор» успешно лечит: и ревматизм, и радикулит, и язвы, и артрозы, и прочее, и прочее.

Главврач выслушала, но в ответ лишь сказала:

— Надо подумать, посоветоваться.

— Ну чего тут думать? С кем советоваться? — кипятился хирург. — Вас же «Узор» спас от радикулита!

— Ну, спас, — не отрицала главврач. — И что из этого?

— Надо и других лечить.

— А вдруг от вашего же лазера у больного что-то произойдет? Возникнут побочные явления? Осложнения, неизвестные медицинской науке? Бывает же аллергия у больных от антибиотиков. Почему не может быть от лазерного облучения? Кто будет отвечать? Ясное дело — руководство, то есть я!

— Какая аллергия, какие побочные явления? — не сдавался хирург-энтузиаст. — Аппарат рекомендован к использованию Минздравом СССР еще пятнадцать лет назад. Прошел клинические испытания на «отлично».

— Видите ли, дорогой мой, пятнадцать лет назад его рекомендовали к массовому использованию, а пока лазерных кабинетов даже в крупных больницах раз-два и обчелся. Зачем же нашей маленькой больничке вперед вылезать? А ежели что случится?.. Нет, раз люди осторожничают, то и мы не будем вылезать. Обойдетесь без кабинета. Так что, пожалуйста, по договоренности с больными, если они не против, облучайте. На вашу личную ответственность, а я тут ни при чем...

Подивился хирург такому прохладному отношению главврача к «Узору», но что поделаешь? Тем более что и сам Минздрав СССР не проявляет должного внимания к лазерной технике. Нет, министерство лазерные аппараты не запрещает, приказы даже издает об их внедрении в практику, но потом о своих же приказах забывает. И бедный «Узор» оказывается без всякого начальственного внимания. Судите сами: только в РСФСР 20105 поликлиник. Можно ли их обеспечить лазерными аппаратами «Узор», если Калужский радиоламповый завод выпускает их на всю страну в год всего 5000 штук? Пять тысяч на весь Союз, на все республики... Тут явно даже к 2000 году нет никакой надежды, что в каждой районной поликлинике будет свой лазерный аппарат. А ведь, между прочим, «Узор» — это вчерашний день лазерной техники. Появились разра-

ботки более мощных и эффективных лазеров. Как с их производством обстоит дело? А никак.

А. К. Полонский, который и в Академию медицинских наук попал из-за любви к лазерам, и докторскую защитил по этой теме, так характеризует сложившуюся ситуацию: беспредельное равнодушие министерства к внедрению новой лазерной техники. Годы требуются, жалуется он, чтобы только получить добро комиссии по новой медицинской технике Минздрава СССР на разработку нового аппарата. Однако, допустим, повезло изобретателю лазерного аппарата, комиссия выдала ему свидетельство. Ну и что? Да ничего! Органа, который бы тут же направил этот новый аппарат на завод, нет. Ищи, изобретатель, сам такой завод, который рискнет сверх плана изготовить несколько лазерных аппаратов из экономленного сырья. Потому как у нас до сих пор было главное — план любой ценой! А для кого нужен план? Для человека? Нет, для отчета в министерство, а там хоть трава не расти, лишь бы отчет был вовремя представлен и утвержден. Был, правда, еще совсем недавно Минмедпром, но его уже нет. И теперь загадка, каким заводам и какого министерства изготовлять аппараты для лазерного лечения больных? Отгадывать ее могут только энтузиасты вроде А. К. Полонского. Он же — доктор медицинских наук, у него почетных званий и должностей много, поэтому ему проще договориться с каким-нибудь заводом. А каково другим, менее именитым лазерщикам, тем более врачам вроде нашего хирурга, которому, невзирая на положительный эффект лазера, главврач даже комнату под кабинет не дала?

Недавно в Москве и с огромным, как пишут в газетах, успехом прошла выставка иностранной медицинской техники. Лазерные аппараты зарубежных фирм оказались просто прелесть по внешнему виду, а вот по мощности луча и эффективности уступали нашим отечественным. Однако у посетителей не было сомнений: иностранцы, использовав наши разработки и идеи, скоро и здесь нас обгонят. Как известно, превращать наши идеи в конкурентоспособные изделия они даже очень здорово научились. И нам же потом их сбывают за свободно конвертируемую... Пока мы на комиссиях спорим да решаем, хорошо данное изобретение или не очень, и что нам будет от высшего начальства, если этот аппарат в серию запустить. Что ни говори, а командно-административная система для изобретателей медицинской техники совсем не сахар и не мед. Хотя больные не теряют надежды, что к 2000 году лазеры появятся в каждой поликлинике. Что ж, поживем — увидим!

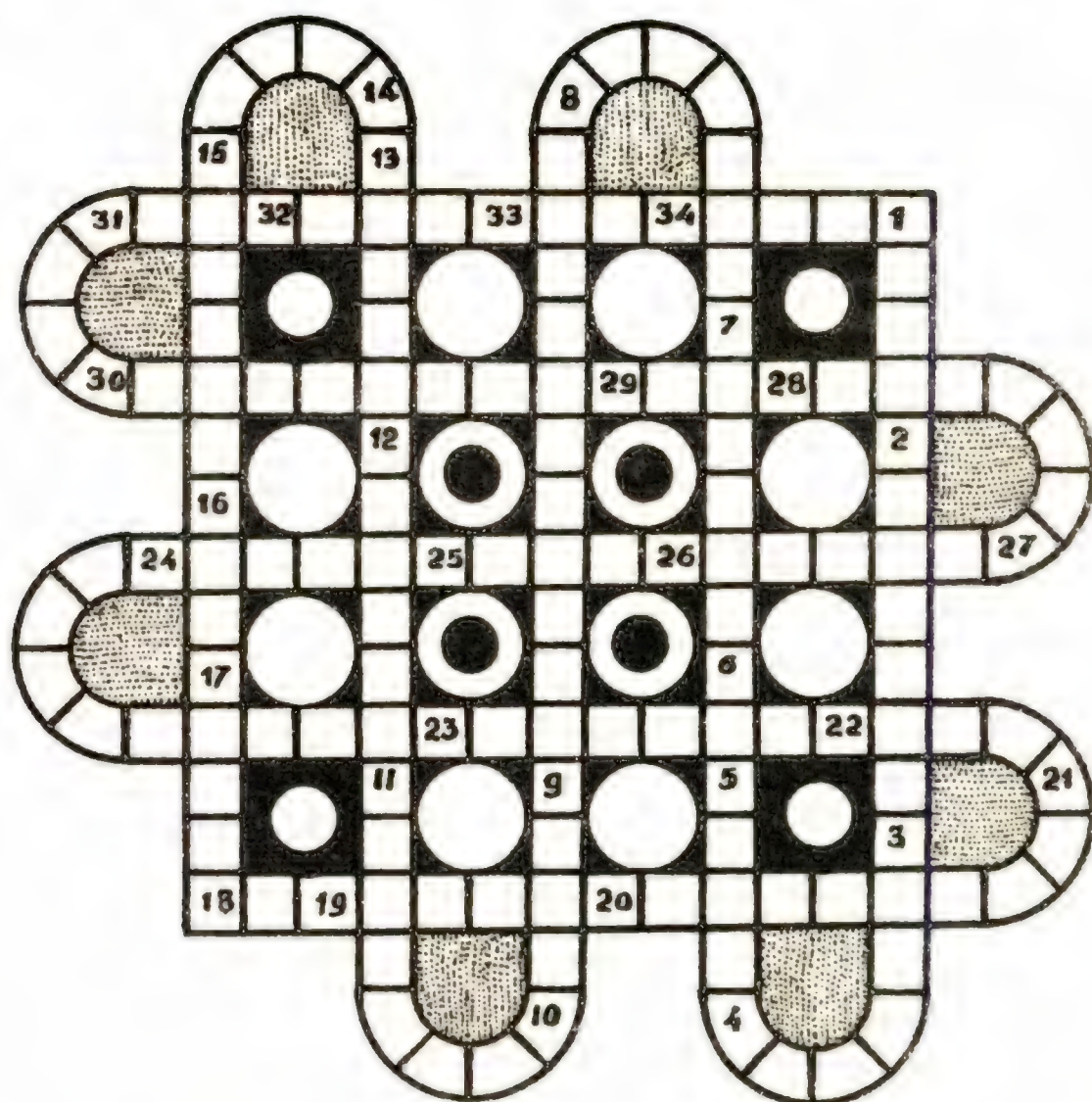
Но как же нам быть, чтобы новая техника и новые идеи не пылились в кладовках и в архивах всяких ведомственных комиссий?

Очень тут помог бы Закон об изобретательской деятельности в СССР.

А пока живем по принципу «как бы чего не вышло», и поэтому остается беспризорным лазерный «Узор». И страдают, между прочим, больные. И даже врачи. Потому как и им лазер необходим.

Аким УХВАТОВ

«ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?»

1. Группы молодежи, отвергающие установленные нравственные устои, общепринятые нормы поведения и ведущие бродяжнический образ жизни.
2. Советский живописец, народный художник СССР, автор картины «Допрос коммунистов».
3. В капиталистических странах человек, разбогатевший на спекуляциях и пробившийся в высшие слои общества.
4. Герой сатирического романа Я. Гашека.
5. Английский юрист, знаток и толкователь общего права, судья Англии в 1613—1616 гг.
6. Советский режиссер, народный артист РСФСР, постановщик фильмов «Необыкновенные приключения мистера Веста в стране большевиков», «По закону».
7. Византийский сборник законодательных постановлений в 60 книгах. Составлен при Льве VI около 890 г.
8. В криминалистике установление тождества объекта или личности по совокупности общих и частных признаков.
9. Машинист паровоза № 293, на котором В. И. Ленин был дважды перевезен в 1917 году через финляндскую границу.
10. Передовая часть класса, общества.
11. Грузинский советский писатель и театральный деятель, народный артист Грузинской ССР, автор исторического романа «Юрий Богословский».
12. Название одной из коммунистических общин в Индиане (США) в 1848—1895 гг.
13. Русский советский писатель, автор исторических романов «Чингисхан», «Батый».
14. В Эфиопии до упразднения монархии сокращенный титул императора.
15. Советский актер, режиссер, постановщик фильмов «Разоблачение», «Встреча в ущелье смерти».
- 16.

Должностное лицо в Турции, представляющее центральное правительство в вилайете. 17. Внезапное чувство страха. 18. Национальный герой чешского народа, идеолог чешской Реформации, вдохновитель народного движения против немецкого засилья и католической церкви. Осужден церковным собором и сожжен. 19. Наместник провинции в древнем и раннесредневековом Иране. 20. Общественно опасное лицо, грубо нарушающее закон. 21. Совокупность предметов, выделенных по какому-либо признаку. 22. Название парламента Норвегии. 23. Форма преступной деятельности бандитских шаяк в США, объединенных в особые группы, в нелегальные организации для совершения убийств, крупных краж и насилий. 24. Документ, удостоверяющий те или иные полномочия предъявителя. 25. Точно установленная расценка товаров или размер оплаты за услуги. 26. Лотерея, в которой розыгрыш производится сразу после покупки билета. 27. Международная организация уголовной полиции. 28. Составная часть наименования некоторых должностей в Великобритании. 29. Правительство Французской республики, существовавшее с 4 ноября 1795 года по 10 ноября 1799 года. 30. Город-курорт в Крыму. 31. Деклассированный элемент во Франции, вор. 32. Агент по сыску, слежке за кем-нибудь. 33. Одна из организаторов женского движения в Индии. Лауреат Ленинской премии. 34. Удача в достижении чего-нибудь.

Составитель И. П. ЧЕЛЕДИНОВ

ВИННИЦКАЯ ОБЛ.,
г. ЖМЕРИНКА

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 8

1. Кони. 2. Актив. 3. Наркотик. 4. Уклад. 5. Акция. 6. Драка. 7. Консорт. 8. Побор. 9. Растрата. 10. Сыщик. 11. Добро. 12. Пристав. 13. Отзыв. 14. Арбитраж. 15. Ажиотаж. 16. Патриот. 17. Комитент. 18. Нота. 19. Тихонов. 20. Анархия. 21. Заем. 22. Сенат. 23. Собрание. 24. Геноцид. 25. Норма. 26. Политика. 27. Доктрина. 28. Мафия. 29. Колонат. 30. Фирма. 31. Строй. 32. «Каролина». 33. Ванин. 34. Повоз. 35. Зорин. 36. Борисова. 37. Кара.

Текст шифрограммы: Закон — основная форма выражения права в современном обществе.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА

Задача 1

Прогулом признается невыход на работу без уважительных причин. Оценку «уважительности» причин, помешавших рабочему или служащему явиться на работу (если речь не идет о таких бесспорных случаях, как, например, болезнь, удостоверенная больничным листком или справкой о временной нетрудоспособности), дает администрация и профсоюзный комитет, а в дальнейшем — орган, рассматривающий трудовой спор. В ситуации, приведенной в задаче, причина отсутствия на работе в строго юридическом смысле уважительной не является, но думается, что суд имел основания признать увольнение не соответствующим тяжести совершенного проступка и восстановить Пчелинцеву на работе.

Рабочим и служащим, незаконно уволенным и восстановленным на прежней работе, выплачивается средний заработок за время вынужденного прогула со дня увольнения, но не более чем за три месяца (статья 214 Кодекса законов о труде РСФСР, здесь и далее имеются в виду и соответствующие статьи КЗоТ других союзных республик). При этом должностное лицо, виновное в незаконном увольнении работника, должно возместить ущерб, причиненный предприятию в связи с оплатой за время вынужденного прогула. Такая обязанность на него возлагается, если увольнение произведено с явным нарушением закона или если администрация задержала исполнение решения о восстановлении рабочего или служащего на работе (статья 215 КЗоТ РСФСР).

Под явным нарушением закона понимается увольнение по основаниям, не предусмотренным законом, увольнение без согласия профсоюзного комитета (когда оно обязательно), а также увольнение работников, для которых предусмотрены специальные гарантии охраны их трудовых прав (члены профкома и другие), без соблюдения этих гарантий (п. 25 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 26 апреля 1984 года). В нашей задаче директор фабрики явного нарушения законодательства о труде не допустил, поэтому оснований для привлечения его к материальной ответственности у суда не было.

Задача 2

Имущественный ущерб, причиненный рабочим или служащим предприятию, учреждению, организации не при исполнении трудовых обязанностей, должен быть им возмещен в полном размере (п. 4 статьи 121 КЗоТ РСФСР). Но при определении размера ущерба учитывается только прямой действительный ущерб, неполученные доходы не учитываются (часть 3 статьи 118 КЗоТ РСФСР). Поэтому администрация автопредприятия может взыскать с водителя только стоимость ремонта машины (430 рублей). Причем, если эта сумма не превышает среднего месячного заработка Фокина, то удержание может быть произведено по распоряжению администрации, а если превышает — только на основании решения суда (статья 122 КЗоТ РСФСР).

Сдано в набор 28.06.90 Подписано в печать 24.07.90. А 07368.
Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56.
Уч.-изд. л. 9,40. Заказ 2526. Цена 60 коп.

Адрес редакции:
129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12.

Отпечатано 1 100 000 экз. (из общего тиража 9 150 000 экз.) с фотоформ ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда» в типографии издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Зак. № 673.

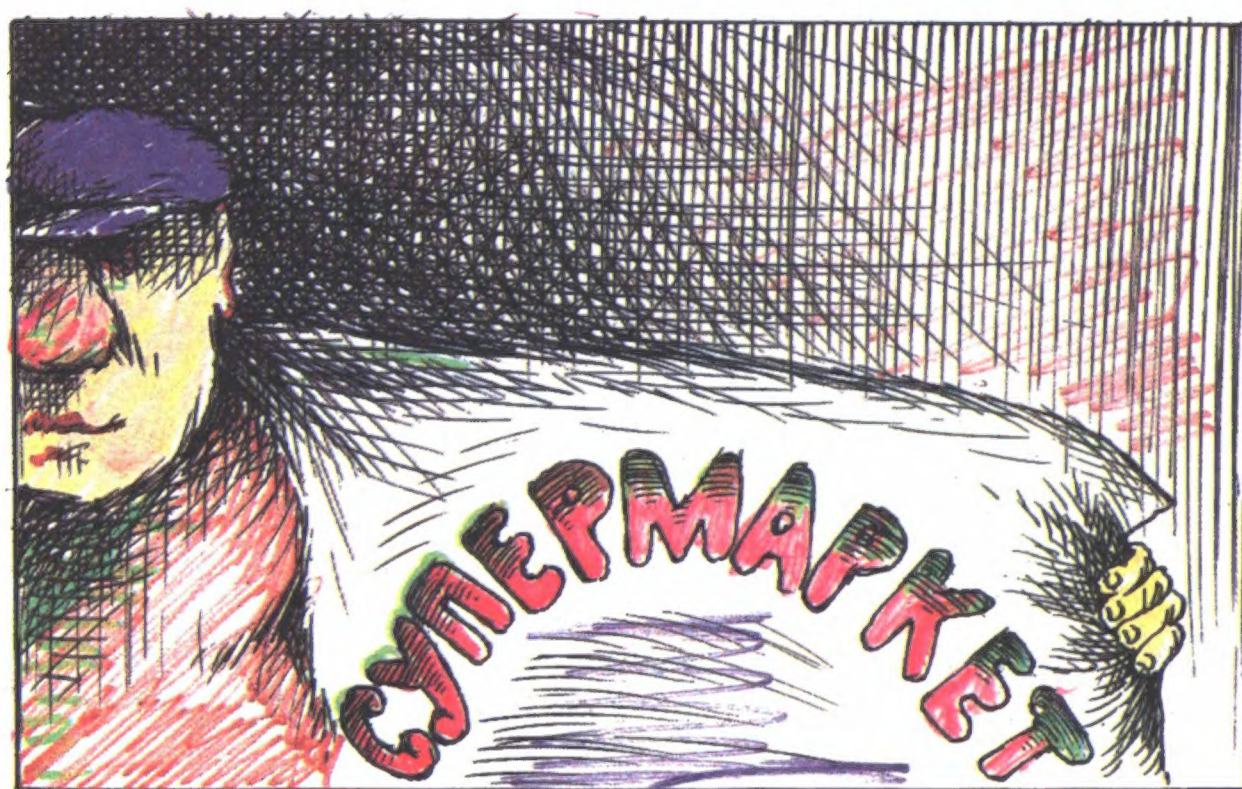

Рис. В. Семеренко

Индекс 71075

145

Шереметьевская таможня...

